

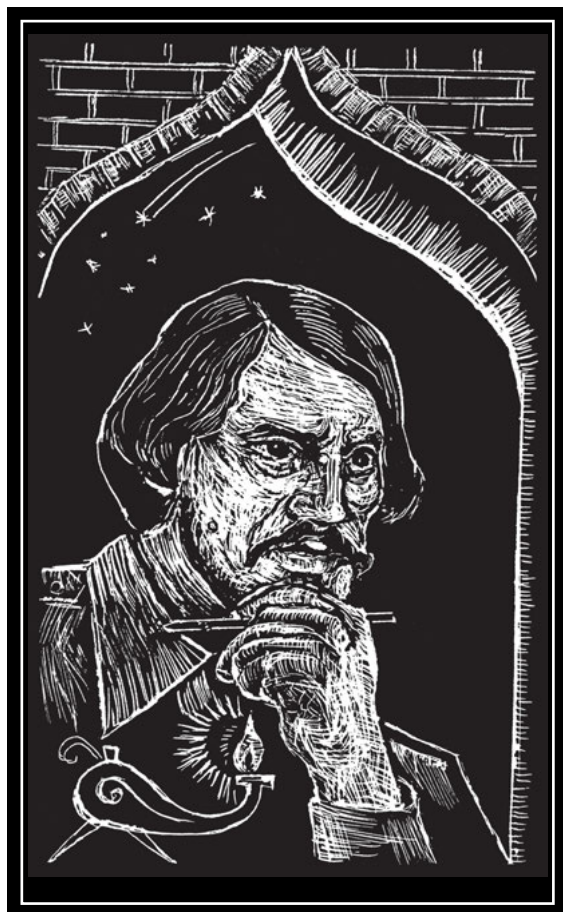
АМАЛДАН
КУКУЛЛУ

ЛЕГЕНДЫ
НАРОДНОГО
СКАЗУТЕЛЯ

*Выражаем искреннюю признательность
заслуженному юристу России,
доктору юридических наук, профессору
Гасану Борисовичу Мирзоеву*

*за помощь в издании третьего
тома сказок издательского проекта
«Золотой сундук Амалдана Кукуллу»*

АМЯЛДЯН КУЖУЛЛУ

поэт, сказочник, фольклорист

Золотой сундук

**АМАЛДАН
КУКУЛЛУ**

**ЛЕГЕНДЫ
НАРОДНОГО
СКАЗУТЕЛЯ**

Книга 3

**Амалданик
2008**

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3
К89

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Составитель Д.А. Кукулиев
Автор комментариев Л.Э. Гутцайт

Амалдан Кукуллу
К89 **Легенды народного сказителя. Книга 3 / Амалдан Кукуллу. –**
М.: Амалданик, 2008. – 208 с.: илл.
Перед вып. дан. авт.: Амалдан Кукуллу (Кукулиев Амал Данилович)
ISBN 978-5-901546-09-3

В третью книгу литературного наследия горско-еврейского поэта, сказочника и фольклориста Амалдана Кукуллу включены двенадцать сказок, из которых семь публикуются впервые, равно как и сказки-потешки о Малахиме-арбечи. Тексты приведены без изъятий и купюр с оригинала авторской рукописи. Третья книга продолжает тематику двух ранее вышедших книг сказок из коллекции «Золотой сундук Амалдана Кукуллу», куда, кроме сказок, входят пословицы, поговорки, поэтические и изыскательские работы талантливого писателя.

УДК 398: 82-34
ББК 82: 83.3

Compiler D.Kukuliev
Author of comments L.Gutzeit

The third book of literary heritage of the Mountain Jewish poet, story-teller and folklorist Amaldan Kukullu includes twelve stories, seven of which are published for the first time, as well as the short funny stories about Malakhim-arbechi. The text is cited without any omissions or deletions from the author's original manuscript. The third book is a continuation of the two published books from the Amaldan Kulullu's «Golden Chest» collection that besides fairy tales includes proverbs, sayings, poems and researches of this remarkable author.

ISBN 978-5-901546-09-3

© Кукулиев Д.А., наследник, составление 2008
Kukuliev D., heir, compiling, 2008
© Гутцайт Л.Э., комментарии, 2008
Gutzeit L., comments, 2008
© «Амалданик» ООО, оформление, 2008
«Amaldanik» publishing house, 2008

О проекте «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» пишут...

«Вестник ЕАР»: «...самая большая диаспора джугури проживала в древнем Дербенте и в Кубе (ныне Азербайджанская Республика). Нагрузившись тяжёлым катушечным магнитофоном «Айдес», коробками с плёнками, мы двинулись в Дербент. Обосновались у Бориса Гаврилова – баснописца и поэта, составителя словаря татов. Таская тяжесть магнитофонную по извилистым горбатым улочкам древнего города, Амал записывает из уст седых старух и мудрых медлительных аксакалов пословицы, поговорки, сказки, мифы и сказания. Он был неумолим в своих замыслах и умел убедить занятых своих единоплеменников в «нужности» того дела, которому служит...»

«Еврейские новости»: «...тематическая полифония сказок охватывает не только традиционное для еврейской устной литературы толкование Торы и Талмуда, как, например, в Агаде, но и народные пословицы и поверья, фразеологические обороты, своеобразие народных обычаев. Всё это – от библейских сюжетов до обычной народной разговорной практики – было той питательной средой, которая сформировала Амалдана Кукуллу как писателя-сказочника и поэта ...»

«Международная еврейская газета»: «...нельзя не привести слова И.С. Брагинского – востоковеда, профессора, научного редактора первого сборника «Золотой сундук»: «И для всех писателей-сказочников собираемый ими национальный родной фольклор, в данном случае – народная устная повествовательная проза, были и есть та самая плодотворная почва, на которой выросло, утверждалось и будет вырастать и утверждаться всегда творчество каждого писателя, который доверится этому благодородному делу...»

«Новый рубеж»: «...впервые за всю историю московских книжных форумов в рамках Фестиваля Еврейской Книги проводилась объединённая презентация «Горские евреи: история, фольклор, Книга». Проведение мероприятия было доверено издательству «Амалданик» (<http://www.gold.amaldanik.ru>), уверенно вошедшему с проектом «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» в элиту издательских домов России. Стоит сказать, что сам проект и первая книга, сделанная на основе архива классика джугурской литературы Амалдана Кукуллу, в июне 2004 года были удостоены почётного диплома «Лучшая книга» Ассоциации книгоиздателей России...»

Спасибо Вам. Даниил Кукулиев

«И хорошее, и плохое в самом человеке»,
так гласит одна из джугурских поговорок, и это неоспоримо верно¹.

Ведь в самом человеке в большей степени, чем в самой природе и животном мире, выявляют себя добро и зло, любовь и ненависть, нежность и жестокость, щедрость и жадность, правда и ложь, победа и поражение, радость и горе... Словом – все те качества, которые и составляют саму жизнь, её сущность и значимость, её философию и бытие. Вот почему мы так цепко и с любовью держим в хранилищах памяти всё то, что некогда происходило, пусть и не во всей полноте и подробностях, а как маленькое семя, которое через общение с другими веками и народами, где на смену одним поколениям приходят другие, произрастает своей жизненно необходимой правдой, утоляя в человеке голод познания и преемственности...

Итак, что же такое волшебная сказка?

На этот счёт выдвинуто множество различных толкований. Одни считают, что «сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных фантастических сил»; другие – что «сказка – это проекция реальной жизни на особую («волшебную») плоскость, своего рода карта жизни, снятая с птичьего полёта фантазии»; третьи утверждают, что волшебную сказку можно назвать фантастической народной повестью, и т.д.

Жанр «литературной сказки» сложился под огромным влиянием братьев Grimm. Они первыми обратились к народной сказке как к источнику поэтического народного творчества, большинство сказок были записаны ими в беседах с простыми крестьянами, сказительницами. «Сказки, – считали Вильгельм и Якоб Grimm, – это бессознательное, естественное отражение мира человеком, а мифы – это не что иное, как способ первобытного мышления...»².

Попробуем разобраться, войти «внутрь» сказки и выявить там элементы волшебства действующих лиц – как человека, так и животных и мифических духов; познать пафос и идейно-тематическую направленность. Мы видим, как проявляется народная воля: избавиться от отрицательных типов, обладающих огромным ростом и большой физической силой; не только от реальных людей, занимающих высокое социальное положение, но и от ирреальных чудовищ, причиняющих горе честным и простым людям. Но чтобы вступить с ними в борьбу, нужны исполины «неестественных размеров», кроме этого, нужны ещё и другие сверхъестественные силы – волшебство, фантазия,

¹ Здесь публикуется в сокращённом варианте. Полный текст – см. статью А. Кукуллу «Фрагментарный экскурс в историю земную и в религиозно-духовную историю горских евреев Кавказа» (прим. сост.).

² Сформулировано в книге «Немецкая мифология» (1835).

т.е. воображение, возведённое в бесконечную степень. Иногда и этого бывает недостаточно, ибо отрицательные персонажи живучи, коварны, страшны и злы. Вот почему героями волшебной сказки бывают не только богатыри-заступники, борцы за доброе дело, но добрые животные и звери, птицы и насекомые, вся природа вокруг. Только сообща – всем вместе, в дружбе и согласии можно победить чудовищ. А для того чтобы донести подобные идеи до всех, рассказчику нужен был некий способ. И он был найден в изустной повествовательной прозе, называемой волшебной сказкой, выраженной в форме простого, доступного всем говора.

Из всего сказанного выше можно вывести следующее определение: *волшебная сказка – это совокупный и главенствующий над другими жанр, возведённый в бесконечную степень воображения, в котором мифические и тотемические духи используются для олицетворения человеческих качеств, в большинстве своём отрицательных, чуждых; форма изложения этого жанра – изустная повествовательная проза на доступно-бытовом говоре, при помощи которой можно высказать сполна свой взгляд на различные выпады мира и бытия.*

Именно с этих позиций нужно и необходимо говорить о горско-еврейских волшебных сказках как о жанре. Проследим, какие факторы реальных и ирреальных явлений имеются в наших сказках. К первым относится обыденный мир с его обыденной жизнью, бытом, нравами, обычаями и порядками, в котором живут и действуют герои сказок и сказаний, как конкретно-исторические – Зол, Рустам, Шах-Аббас, так и не исторические, вымышленные – Давид, Якуб, Эршифион и другие. Часто народные сказители прибегают к прономинации, т.е. вместо собственных имён используют клички, которые полнее раскрывают характер и поведение героя сказки, как положительные его черты, так и отрицательные. Например, положительные: Немурум, что означает бессмертный, Шолумо-Мелих – миротворец, Борухосох – благословляющий; и отрицательные: Хунхур – кровопиец, Одомнохов – человеконенавистник... Используются и безымянные герои, т.е. вместо имени сказитель называет его пол, внешность, положение в обществе и т.п. Например, юноша или девушка, старик или старуха, брат или сестра, отец или мать, красавица или добрый молодец, падишах или городской старшина, везир или страж, раввин или мулла и т.п.

На этой плоскости, под этим небом соседствует, вступает в непосредственное соприкосновение ирреальный мир. Это сказочный город семи близнецов Хофтэгиз, волшебные горы, скалы, чудодейственные бассейны, люди-чародеи; летающий на другие планеты золотой сундук; рыбы, проглатывающие человека, чтобы доставить его на другой берег; перелетающие через горы и моря скакуны; оборотни; подземные царства, где хранятся «все драгоценности мира»; шапки-невидимки; сказочные

дворцы, где «один камень из золота и серебра, другой из чугуна и мрамора»; волшебные бурдюки, из которых течёт молоко или кровь, сообщающая тем самым друзьям или родственникам ситуацию, в которую попал герой; волшебные птицы, которые могут распознавать правду или ложь; волшебные яблоки или розы, от которых у бесплодных родителей рождаются дети; ослепляющие глаза чудовищ золотые сабли и т.д. Здесь же, рядом со всеми обыкновенными людьми, живут и страшные отрицательные типы, чуждые и ненавистные людям, – это мифические или тотемические чудовища: Дэвы, Аждага, Эней, Гари-Нене или навеянные религиозными представлениями духи: Азраил, Шагаду, Шайтан, Сер-Ови, Дедей-Ови, Эшмедей, Нум-Негир и другие; все они – персонажи ирреального мира и корнями своими уходят в глубь тысячелетий.

«Агул небистогe – мoзoл кумек нибу», – гoвoрят джугури. Буквальный перевод: «Если нет ума – счастье не поможет». Отличительной особенностью горско-еврейской сказки является непосредственное участие оvsунечи в происходящих действиях. Он как бы служит комментатором, который тут же дает свою оценку или объясняет всё то, о чём повествуется. По ходу действия лицо рассказчика бывает воинственным, гордым или просто выражает достоинство: он рад за добрые дела или успехи любимого героя. Часто сказитель, резюмируя тот или иной факт или поступок, даёт своё назидание, полемизирует или насылает проклятия: «Хорошие дни молодых – радость для старших»; «У храбрецов нет языка, у них – дела»; «Герой не болтает, он делом доказывает»; «Если впереди радость – горе остаётся позади»; «Чем ничего – что-то и то лучше»; «Да чтобы Бог разорил его дом»; «Детьми клянусь, правду говорю»; «Чтобы и ваши глаза радость видели» и т.п. Рассказчиком часто используются поговорки, пословицы, афоризмы, изречения, проклятия, пожелания, клятвы и наставления. Вообще горско-еврейской сказке присуще изобильное использование других видов фольклора – превращаясь в притчу, она тем самым исполняет роль народной педагогики. Подобные моменты можно рассматривать как самостоятельные произведения словесного искусства, их нельзя отнести в собственном смысле к осознанной художественной установке. Они стихийно появляются в повествовании из-за того, что одно рассказчик помнит и знает лучше, а другое – хуже. Однако нельзя сказать, что эти приёмы как-то разрушают последовательность повествования: в целом они все по своему на месте, хотя зачастую и мотивируются не столько логикой развития действия, сколько прихотью рассказчика, по крайней мере внешне.

Неувядаемая прелесть горско-еврейских волшебных сказок выражается также и в описании величественной природы Кавказа, что свидетельствует о высоком напряжении творческой и поэтической фантазии: «В этом саду цветок с цветком перекликается, соловей – с соловьём. Каждое дерево своего цвета, и у каждого цветка свой аромат...».

Очень часто в наших сказках встречаются и такие выражения, которые по своему построению больше подходят к литературным произведениям: «Приближался вечер»; «Солнце успело дойти до середины неба»; «А день был по-летнему жаркий и душный» и т.д.

При рассмотрении национальной специфики и колорита горско-еврейских волшебных сказок следует принять во внимание тот факт, что горско-еврейский народ был непосредственным участником почти всех событий в Иране, а позднее в Дагестане. Глубокий анализ того, какие элементы встречаются чисто еврейского или библейского происхождения, требует изрядного труда специалистов, хотя очевидно, что во многих сказках сюжетная канва и вытекающая мораль повторяют библейские события. «Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, – обращает наше внимание И. Черный, – отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей – горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий»³. Характерной чертой для горско-еврейских волшебных сказок являются пересказы действия или какого-нибудь факта. Подобные повторы делаются для того, чтобы обратить внимание читателя (слушателя) на что-то главное.

Итак, в чём же заключается национальная специфика горско-еврейских волшебных сказок? Вопрос этот может рассматриваться в комплексе признаков: история и судьба народа; обычаи, нравы и бытовые реалии; политические и религиозные воззрения; окружающая обстановка и соприкосновение с ней; влияние и преемственность культуры соседних народов; логика и здравый смысл мышления данного народа; родство и наличие в сказках других видов устного народного творчества; достоверные факты и образы действующих лиц; своеобразие языка и художественные средства; типизация образов и композиция; персонажи и их взаимосвязь; идейно-тематическая направленность и содержание произведения; сюжетные линии и манера рассказчика повествовать; географические и природные условия; архитектурные сооружения и многие другие факторы.

Ещё раз отметим, что «для еврейской сказки характерно и заимствование огромного количества прямых и скрытых цитат, использование мотивов и сюжетов из письменной литературы, прежде всего библейской и талмудической. Более того, зачастую логика развития сказочного сюжета подражает логике Библии или традиционных комментариев. Еврейская сказка, даже сохраняя стандартный набор сказочных мотивов и сюжетов, в то же время отличается специфическими персонажами, особой мотивацией их поступков, победителя ждёт особая награда. Еврейская сказка часто содержит в себе мораль, поучение, апологию религиозных ценностей, что в целом

³ Черный И.Я. Сборник сведений о кавказских горцах. Горские евреи. – Вып. III. – Тифлис, 1870.

нехарактерно для народной сказки. Часто происходит слияние таких далёких друг от друга жанров, как волшебная сказка и притча»⁴.

Бытовые или, как их иногда называют, реалистические сказки у горско-еврейского народа считаются очень распространённым и живучим жанром. Дело в том, что в основе бытовых сказок лежат достоверные факты, события, случаи, происшествия, которые из уст одного человека переходят в уста другого и постепенно, отойдя на неопределённое расстояние, превращаются из были в бытовую сказку. Репертуар бытовых сказок пополняется постоянно. И часто «виновниками» этого пополнения бывают гости – кунаки, приехавшие из других мест. Это они за рюмкой сухого вина и вкусного хинкала, что считается у горцев самым любимым блюдом, рассказывают о каком-то интересном случае, имевшем место в их ауле или городе, т.е. рассказывают о каком-то жизненном материале.

Уважение и внимание к гостю – черта общая всех горцев – считается у горских евреев священной обязанностью. Ещё в 1888 году И.Ш. Анисимов в своей исследовательской работе писал о том, как, «завидев какого-либо приезжего, горские евреи собираются вокруг него, спрашивают, откуда он едет и куда, к кому и зачем, какие новости. Горцы вообще очень любят слушать приезжего, что бы тот ни говорил, верят словам его и передают новости друг другу и всему аулу, сделав, по обыкновению, из мухи слона. Нередко они приглашают с местного гадыкана (площади) к себе гостей, если те не имеют ещё кунаков в ауле, и завидуют тому, кто имеет приезжего гостя с массой новостей...»⁵.

О гостеприимстве горцев нередко упоминается и в некоторых сказках: «Проходящий мимо путник, если ты не зайдёшь ко мне в дом и не поешь моего чурека, ты мне не друг»; или же другой пример, где на вопрос хозяину дома: «Гостей принимаешь?» следует ответ: «К врагам в дом пусть не приходят гости!» Именно с новыми хаба-рами (вести, новости) приехал как-то в дом моих родителей известный сказитель Бирорле Назаров и рассказал о том, как некий горский еврей-кожевник по имени Хамекук из селения Эндерей обработал и продал кожи, принадлежавшие не ему, а тому, кто дал ему их на обработку. Чтобы заказчик не избил его, Хамекук притворился мёртвым. А когда те, по адату горцев, сказали покойнику: «Халал», – значит: «Да простится» – и ушли, лжепокойник встал. Но случилось такое. Кожевник и хозяева кожи встретились в одном из переулков селения, и последние в недоумении спросили его:

⁴ Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е.С. Райзе / Сост. и предисл. В. Дымшица. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 493.

⁵ Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. – Вып. III. – М., 1888. – С. 242–243.

«Ты разве не умер?!» – на что тот ответил: «Да, я умер, но когда вы простили мне долги мои и сделали “Халал”, Бог услышал и тут же вернул мне душу...»

Горско-еврейские бытовые сказки по своему поджанру делятся на авантурные, повествующие о каких-то похождениях и происшествиях; назидательные, в которых даются советы, нравоучения; сатирические, высмеивающие общечеловеческие или общественные пороки, и на сказки-побрехушки, цель которых сводится к тому, чтобы развеселить человека.

Особую нагрузку несут назидательные бытовые сказки, которые как вид изустного творчества даже древнее волшебных. Ещё авторы древней литературы щедро пользовались этим видом повествования, чтобы различными нравоучениями действовать на ум и на чувства народа: сообщать ему, с одной стороны, нормы, по каким надлежит жить, и побудить его, с другой стороны, подчиниться этим нормам. Бесспорно, за время своего существования этот тип сказок накопил огромный опыт в освещении почти всей человеческой деятельности, вобрал в себя широкий круг явлений жизни с её многообразным содержанием, свидетельствующим о меткой наблюдательности, сметливости и сообразительности народа. В сказках назидательного плана ярко отразились быт, нравы, психология, семейные отношения, общественно-трудовая практика, национальный характер, идеалы и жизненный материал, который рождается самой жизнью и на основе этого делает выводы с идейно-познавательными качествами. Пословицы и поговорки в этих сказках используются как средство аргументации в речи, как нравоучительный пример, как притча. Так, например, из фабулы сказки «Отец и сын» вытекает назидание: за добро отца надо платить тем же. В ином случае – «Какую тяжесть сын даст отцу, такую же тяжесть от сына своего получит».

Если в зарождении других видов бытовых сказок немаловажная роль отводится жизненному материалу, то в сказках-побрехушках (махсерегьо) бытовые подробности почти никакого значения не имеют. Здесь главное то, что основываются они на весёлых выдумках во время какого-нибудь увеселения (кайфа). Цель данных сказок не в назидании, не в критике, а в желании развеселить, рассмешить собравшихся. Чтобы эффект был больше, рассказчик в качестве действующего лица использует общего знакомого или всем хорошо известного персонажа, например жившего в военные и послевоенные годы в Хасавюрте (Дагестан) Малахима-арбечи... По своему размеру эти сказки небольшие. Они напоминают анекдоты и были-небылицы; некоторые истории и вправду могли бы иметь место, но превращаются сказителем в фейерверк смешных казусов. Увеселительная сила этого вида бытовых сказок не столько в сюжетной ткани произведения и факте повествования, сколько в интонации, своеобразно интерпретирующей текст и придающей ему юмористическое звучание.

Даром овсунечи махсерегьё обладал Папа Алхазов – человек невысокого, если не сказать совсем низкого роста, полный, чем-то похожий на Колобка из русской волшебной сказки, с большими толстыми губами и голубыми-голубыми, совсем неподходящими его внешности и комплекции глазами, которые таили в себе и лукавство, и одновременно человеческое достоинство. Стоило только ему начать рассказывать свои сказки, как мы – все присутствующие – превращались в единый хохочущий, доселе не придуманный музыкальный инструмент. Нужно было видеть, как этот низкорослый, пучеглазый человек превращался в живой смешной моноспектакль, рассказывая нам такие случаи из жизни, в которые можно и верить, и не верить. Но смеяться до слёз, до коликов в животе становилось сутью нашего присутствия.

В горско-еврейский сказочный фонд входят и сказки о животных. Уже само название определяет, что персонажами в этих сказках выступают не богатыри и чудовища, не реальные или вымышленные люди, а звери, птицы, животные, насекомые и т.п. Каждый предстаёт перед нами не в различных ролях, как это свойственно человеку, а в сугубо характерных поведенческих – как отрицательных, так и положительных. Тысячелетиями изучали люди особенности поведения животных, доверяли познанные друг другу, суммировали всё накопленное и, наконец, закрепляли за каждым только то, что присуще именно данному виду. Нельзя сказать, что люди замечали только отрицательные качества, – это было бы нелепо. «В каждом плохом человеке есть что-то хорошее», – гласит горско-еврейская поговорка. Так и в сказках про животных – их качества раскрываются, когда персонажи соприкасаются друг с другом, когда одни из них хотят обмануть или сделать своей жертвой других, т.е. во время разыгрывания жизненных сцен.

Вот почему лиса предстаёт то хитрой, то ловкой, то коварной, то находчивой, а по отношению к человеку зачастую как помощница, правда, в неудачных начинаниях. А вот заяц – трусливый зазнайка, брехун и пустозвон. Его образ отождествляется в народе с покорностью, хвастливостью, болтливостью и обманом. «Харии эн гъхуян (харагъуш) эз гъуш ю мэгэмули, гизбоию – эз дум» (буквально «Глупость зайца по ушам видна, трусость – по хвосту»), – так говорят люди. Нужно отметить, что образу лисы, обитательницы кавказских лесов, горско-еврейским народом посвящено больше половины всех сюжетов сказок о животных. Опыт народа, его мудрость и зоркая наблюдательность породили множество пословиц и поговорок, которые одним штрихом раскрывают различные повадки лисы, а если взять во внимание нарицательную сторону этого образа, то и людей. Например: «Туьлки не сохугьё кор нибу» («Лиса на все проделки способна»); «Наз эн туьлки – э дум юни, убурию – э чум юри» («Кокетство лисы в её хвосте, хитрость – в глазах») и т.д. Волк бывает жадным,

деспотичным, глупым; медведь – неуклюжим и доверчивым; лев – сильным, мужественным, то злым, то добрым. В образе льва народ иногда показывает падишахов как хороших, так и плохих, а чаще – мужественных богатырей, которым, как и своим детям-мальчикам, горские евреи дают имена этих сильных животных, например, Аслан (Лев), Коплан (Тигр) и др.

Весьма характерны образы домашних животных: лошадь – сильная, находчивая, сметливая, верный и очень редко упрямый друг; осёл – глупый крикун, но часто верный помощник; буйвол – неуклюжий, неповоротливый, даже лживый, но сметливый и мудрый; коза – сильная, драчливая, упрямая, но и находчивая; свинья – обычно глупая невежда, неряха и подхалимка. Птицы: соловей – смекалистый, мудрый, искусный, но доверчивый и беспомощный певец; воробей – непоседливый, упрямый, дерзкий, глупый и назойливый, однако смыслённый; дикий петух (куропатка) – глупый, доверчивый, но смекалистый, мстительный и злопамятный; ворона – упрямая и вредная нищенка, наглая и безжалостная; петух – лгун, но и верный рыцарь, добрый и верный товарищ и т.д.

Кроме перечисленных и не упомянутых в горско-еврейских сказках о животных «живут» и различные насекомые, змеи, лягушки. Муха, например, вредная, упрямая, но добрая; комар – безжалостный и назойливый; пчела – добрая и щедрая, но только в том случае, когда к ней относятся так же; змеи – злые, хитрые, изворотливые и вредные; лягушки – глупые, крикливые неряхи, болтушки и сплетницы.

В настоящее время этот исчезающий жанр сказок чаще исполняется охотниками и чабанами. Они с большим желанием и темпераментом рассказывают друг другу или друг другу о своих приключениях. Наблюдательность и фантазия – вот что побуждает этих людей домысливать и сочинять встречи на охотничьих или чабанских тропах. Конечно, рассказывая, они «к одной правде» прибавляют ещё две неправды и всё выдают за реальность. Мастером на такое сочинительство в военные и послевоенные годы среди горских евреев города Хасавюрта считался овчи (охотник) Яшке Шубаев – брат моей матери, урождённой Шубаевой (Пустиниго), т.е. кожевники и портные по пошиву шуб, откуда и пошла фамилия рода Шубаевых. Многие его сказки о животных перешагнули порог «сказочного домика» и ушли в народ.

Так и я, заканчивая свой небольшой рассказ об особенностях горско-еврейских сказок, позволю себе напомнить, с чего начинается Агада – книга, которой более двух тысяч лет: «Не относитесь к притче пренебрежительно. Подобно тому, как при свете грошовой свечки отыскивается оброненный золотой или жемчужина, так с помощью притчи познаётся истина...»

Амалдан Кукуллу
поэт, сказочник, фольклорист

Любовь и мёртвых воскрешает

или когда-то в одном горном ауле муж и жена, и было у них трое детей: мальчик и две девочки. В заботе друг о друге и о своих детях родители находили радость душевную. Мать их очень любила, а дети дорожили её постоянной нежной заботой и ласковым отношением. На радость родителям они никогда не ссорились, не делали друг другу зла, были дружными и добрыми детьми. Каждый прожитый год оставлял им частицу жизненной мудрости родителей.

Когда сыну исполнилось четырнадцать лет, одной девочке – одиннадцать, а другой – девять, в их дом пришло страшное, гнетущее горе. Умерла их горячо любимая мать. Оплакали они это несчастье горячими, из самой глубины души льющимися слезами, похоронили её, а сами остались в тяжкой печали и трауре о столь ранней кончине любимой матери. Недаром говорят в народе: «Горе объединяет людей больше, чем радость». Так и случилось: ещё дружнее стала жить их осиротевшая семья.

А отец раньше солнца просыпался и уходил в город на работу с болью в сердце и не оставляющими его думами о том, что дети его одни и нет за ними присмотра.

Забываясь о них, через некоторое время отец привёл в дом из другого аула новую жену, а детям наказал слушаться её. Злой и коварной оказалась мачеха: не по душе пришлись ей чужие дети. Стала она их заставлять делать всякую трудную и тяжёлую работу. Бывало, скажет она мальчику:

– Натаскай в котёл воды из реки!

А сёстры возьмут вёдра и брату своему помогают воду таскать.

Бывало и так. Злая мачеха смешает рис и пшено с золой и заставит девочек целыми днями перебирать крупу. А брат сделает свою работу и тоже с девочками перебирает, сёстрам помогает. Дружба детей всегда оказывалась сильнее, чем козни злой мачехи.

Возненавидела она детей лютой ненавистью и решила посеять между ними вражду. Задумала мачеха дело коварное, как уморить брата и сестёр непосильной работой и избавиться от них.

Как-то ближе к вечеру кликнула она к себе детей и говорит:

– Эй вы, бездельники, не видите, какая в реке вода мутная. Принесите воду из чистого озера да котёл наполните.

– До озера-то час пути, да всё в гору подниматься. Как же нам управиться?! – попробовали возразить дети.

– Ничего не знаю и знать не желаю... А не натаскаете чистой воды, отцу вашему еды не приготовлю.

– Мы всё сделаем, – смиренно согласились дети.

А время было зимнее, ветры жёсткие в лицо хлестали. Год, надо сказать, выдался снежный и морозный, воду в озере льдом стянуло.

Оставил брат сестёр дома сидеть, а сам взял ведро, кирку тяжёлую и на озеро отправился. Идёт по горбатой дороге, всё выше и выше взбирается, а ветер такой, что душу из тела выдувает и с ног валит. Как бы то ни было, пришёл мальчик к озеру и стал лёд ломать, чтобы до воды добраться. Долго махал он киркой, расступились ледяные окопы, зачерпнул он воды, а ноги трясутся – отдыха просят. Сел тогда мальчик отдохнуть, да и заснул от усталости.

Пусть бедный юноша пребывает на льду в одиночестве, а я поведаю вам про девочек – сестёр его. Сидят они дома, волнуются, встревоженными глазами на пропадающую в сумерках дорогу смотрят, что увела их любимого брата, и ожиданием томятся. А злая мачеха видит это и радуется.

Но не тут-то было: не собирались сёстры мачехе радость доставлять. Взяли они вёдра и побежали к озеру. Смотрят – брат их с киркой на льду сидит, словно душу потерявший, почти замёрз.

Испугались сестрёнки, подбежали, обогрели, подняли его и на ноги поставили. Увидел брат сестёр своих и очнулся от тяжёлого сна. Набрали они воды и домой отправились. Идут, а дорогу заснеженную словно ночь съела. Кое-как добрались до дома, друг друга в беде не оставив и воды не расплескав. Увидела их мачеха, словно частичка ада заклокотала у неё в груди, но гнева она своего не показала.

К тому времени вернулся домой отец, усталостью побитый и думами земными пришибленный. Накормила она всех и спать ушла. Но думы о том, что её старания избавиться от детей бессильны перед их дружбой, не дали ей сомкнуть глаз в эту ночь. И решила мачеха отправить мальчика на тот свет к матери. Знала она, что никто с того света не возвращался.

На следующий день позвала она к себе детей, накричала, обругала их и с ехидством говорит:

– Матушку свою родную вы любите, в памяти держите, о разлуке печалитесь, слёзы горькие льёте, а вот никто из вас пойти на тот свет проведать её так и не осмелился, не решился.

– Но с того света не возвращаются, – ответили ей сёстры.

Не стала злая мачеха ни о чём более говорить. Взяла она хворостину, да стала детей бить; бьёт да приговаривает:

– Так-то вы свою мать любите, а ни разу её не провели. Всю нелёгкую жизнь она, бедная, вам отдала... Погостили бы у матери с недельку, порадовали бы её...

Ничего не оставалось делать. На следующее утро чуть свет отправился мальчик в лес, вырубил себе палку и собрался к матери на тот свет. А сёстры наполнили его хурджун лепёшками и, плача, проводили брата.

Семь дней и ночей шёл он землями родными, сердцу милыми, а затем вступил в неведомые, чужие края. Сколько прошагал он через мглой покрытые долины и хлебные поля, через жаркие пустыни и крутые овраги, через золотистые луга и зябкие погубительные топи, заросшие бурьяном и кустарниками, нам не ведомо. Известно только, что вечерами, измученный нескончаемой дорогой

и тяжкими думами о сёстрах своих и отце родном, располагался юноша где-нибудь на берегу речки или на краю леса для отдыха. Разжигал костёр и не давал ему потухнуть до самой зари, чтобы свет пламени освещал окрестную тьму, отпугивая лютых зверей и злых, коварных духов, которые могли жить в этих краях. И когда на востоке всходило солнце и своими тёплыми, пробуждающими жизнь лучами согревало всё земное, мальчик чувствовал, что душа его снова обретает силу и надежду на грядущий день; тогда он поднимался на ноги и заставлял себя идти, опираясь на свой верный посох.

Сорок дней и ночей преодолевал любящий сын трудности пути, пересиливал себя в своей дорожной многодневной усталости и в конце концов добрался до развилки двух дорог. Одна из этих дорог убегала глубоко вниз, в бездонное ущелье, а другая – взбиралась высоко в гору и скрывалась где-то за облаками.

Остановился мальчик у этой самой развилки, глубоко озадаченный: по какой же дороге идти и где матушку свою родную искать? Сел он и совсем было надежду потерял, как вдруг бесшумно, но зримо приблизился к нему мудрый дан-Амалдан и спрашивает:

– Мальчик, что голову опустил, а тело истомлённое земле предоставил?

Рассказал ему юноша всё как есть, о злой и коварной мачехе, об оставшихся дома сестрицах, об отце поведал.

Выслушал его мудрый дан-Амалдан и говорит:

– Не ходи на тот свет... Мачеха отправила тебя туда, чтобы ты назад не вернулся.

– Нет, – говорит мальчик, – я должен обязательно проведать матушку свою родную, только не знаю, по какой дороге идти дальше.

– Лучше с родной матушкой на том свете жить, чем со злой мачехой на этом, – заключил мальчик.

Посмотрел мудрый дан-Амалдан на него цепкими, всезнающими глазами, словно в самую душу заглянул, и говорит:

– Вижу, тебя не отговорить... Указать, по какой дороге тебе идти, я не могу, но вот что я расскажу.

И поведал ему дан-Амалдан о том, что хороших, добрых людей небо забирает к себе, а плохие уходят под семь пластов земли.

Понял всё мальчик и, поблагодарив старца, заспешил по дороге, ведущей в гору.

Долго ли он шёл или не долго – это ему знать, но нам известно, что дошёл он до того места, где гора растворилась в облаках. И силы, растраченные на долгое восхождение, вновь наполнили его тело. Шёл он бодро и радостно, а душа пела непрерывно что-то благое и возвышенное, и сам того не заметил, как облака оказались внизу, дорога перестала быть отчётливой, и стало уже непонятно, идёт он по тверди горы или по облакам. Вокруг стали появляться живописные луга и благоухающие сады. Небольшие, аккуратные домики стояли в отдалении друг от друга, дополняя живописный пейзаж. Видит мальчик – в одном доме из трубы дым валит. Подошёл он, постучался и стал ждать. Открыла ему дверь женщина и впустила в дом. Женщина эта и была матерью мальчика, только она была намного моложе, чем тогда, когда жила с ним на земле. Они тут же узнали друг друга.

– Сын мой милый! – вскрикнула в тревоге мать. – Чего же ты пришёл сюда? Ведь ещё и земную жизнь, как надобно прожить, не прожил... Видно, не сладко живётся вам с мачехой, коль ко мне сюда пожаловал.

Рассказал сын матери всё как есть и говорит:

– Не могу больше с мачехой жить, хочу с тобой остаться.

Так и остался мальчик жить на том свете с родной и любящей матерью. Днём мать и сын ходили в сад слушать щебетание птиц и собирать яблоки, а вечером возвращались в свой дом, пекли пироги и ели.

Кто знает, сколько времени прошло, как отправился мальчик на тот свет, но я расскажу вам о сестрёнках его, которые остались на земле под одной крышей со злой мачехой.

Много за это время всяких козней – одна коварней другой – пришлось претерпеть и вынести бедным девочкам. Порой им казалось, что более не выдержат, не вынесут, да на погибель себя обрекут. Но вера в скорое возвращение любимого брата сохраняла в их душе силу, и они жили, крепились, как бы им тяжко не приходилось. Время шло, надежды становилось всё меньше, а томительное желание увидеть родного брата не давало им больше ни о чём думать.

Видала всё это мачеха и радовалась. Она помышляла уже о том, как бы от сестёр избавиться и освободиться от всяких хлопот. И настало время, когда сестрицы решили отправиться на тот свет в поисках любимого брата и родной матери.

А случилось это вот как. Избила их злая мачеха беспричинно, да так сильно, что сёстры три дня и три ночи плакали навзрыд, а там, где слёзы сестёр падали на землю, трава желтела и погибала – до того жгучие от несправедливой обиды были слёзы. На четвёртый день, когда злая мачеха ушла в свой аул, чтобы душу отвести да на бедных сирот напраслину навести, решили сёстры отправиться на поиски брата и родной матери на тот свет.

– Как же мы дорогу на тот свет найдём? – спросила старшую младшая сестра.

– Нужно нам муки взять, на наших слезах замесить, да чурек испечь, да катить его по дороге, – ответила старшая сестра.

Не стали они откладывать задуманное дело. Взяли они полмешка муки и на слезах своих горячих стали тесто месить. Месят они тесто и приговаривают:

– Катись, катись, чурек, сёстры ищут брата.

А когда тесто было готово, они раскатали из него огромный, как колесо арбы, чурек, да к раскалённому тонуру прилепили. Когда же чурек испёкся, они вынесли его во двор и покатали, приговаривая:

– Катись, катись, чурек, сёстры ищут брата!

И покатился чурек: сначала по двору, затем за ворота, да по дороге вдаль. Обрадовались сестрицы волшебному чуреку и следом бегут, пыль дорожную взбивают; желанием горят скорее брата найти и с матушкой родной повидаться.

Но нет! Не всё так просто даётся, как бы нам того хотелось. Всем известно, что от желания, пусть даже самого горячего, до цели конечной неведомое, неисчислимое расстояние, да к тому же и трудностями неимоверными, непредвиденными продлеваемое, а может быть, и неизвестностью исхода своего непредсказуемое. Так было и с сёстрами.

Как долго они были в пути, догоняя волшебный чурек, нам не известно, но знаем мы, что путь их был трудный: сквозь непролазные болота они пробирались, в реке тонули, в пустыне на раскалённом

песке ноги обжигали. Верно говорят в народе: «Одна беда другую влечёт и головы поднять не даёт». Покатился волшебный чурек через лес непролазный, а длинные петли колючих кустарников прохода не дают. Бегут сёстры по лесу, от волшебного чурека отстать боятся. Всю одежду порвали, тело в кровь расцарапали... И надо же такому случиться – младшая сестра в колючках запуталась, и пока старшая помогала ей выбраться, волшебный чурек, не останавливаясь, через чащи заросшие, леса непролазные покатился дальше только ему одному ведомыми путями. А дело было к ночи, и кто знает, что произошло бы с ними, если бы не их любовь и огромное желание найти брата. Только благодаря своей воле и расположению на то Бога к утру добрались они до развилки двух дорог, одна из которых убегала глубоко вниз, а другая – взбиралась высоко в гору. Смотрят – их волшебный чурек лежит. Обрадовались сёстры, что нашли его, но радость была недолгой. Волшебный чурек, несмотря на старания сестёр покатить его, падал в дорожную пыль, не зная, по какой же дороге катиться дальше. Потеряв всякую надежду, девочки заплакали, всхлипывая и роняя горькие слёзы на дорогу, по которой когда-то шёл их брат.

Но тут откуда-то явился мудрый дан-Амалдан и спрашивает:

– Что так горько плачете?

Старшая сестра рассказала ему всё как есть: и о злой мачехе поведала, и о брате любимом рассказала, и о трудностях, которые пришлось им в пути испытать, пережить, – словом, всё по порядку выложила, и что волшебный чурек не показывает им дорогу.

Выслушал мудрый старец и говорит:

– Детки, возвращайтесь домой... С того света возврата нет... Вот видите, ваш брат ушёл и не вернулся.

А сёстры разом ему и говорят:

– Добрый дан-Амалдан, возвращаться мы не станем... Пожалуйста, скажи нам, по какой дороге дальше идти... Лучше с матушкой родной на том свете жить, чем на этом со злой и коварной мачехой.

Посмотрел дан-Амалдан на девочек своим мудрым взглядом, словно в самую глубину души заглянул, и говорит:

– Вижу, детки, вас не отговорить... Вы неудержимы – любовью к матери своей, пусть даже и умершей, да к родному брату влекомы... Тогда слушайте, о чём я вам поведаю, и вразумляйтесь.

И поведал им добрый и мудрый дан-Амалдан о том, что хороших, добрых людей небо забирает к себе, а плохие, злые уходят под семь пластов земли... Поведал и говорит:

– Ваш брат пошёл по дороге, уходящей вверх, в гору, под самое поднебесье.

Поблагодарили они старца. Взяли и покатали свой чурек в гору, приговаривая:

– Катись, катись, чурек, сёстры ищут брата!

И снова покатился волшебный чурек вверх в гору, по крутым уступам. Трудно, ой как трудно, им было взбираться по скалам отвесным, да мимо пропастей глубоких проходить. Ноги у них долгой дорогой и колючками изранены, тело кровавые ссадины стягивают, но бегут они вослед волшебному чуреку, радуются, что наконец-то знают, где их матушка и брат родной находятся. От этого на душе у них стало светлее и просторнее, будто тысячи солнц там поселились и своим светом все горести и беды из души прочь изгоняют...

Катится чурек через живописные луга и благоухающие сады, а девочки бегут за ним, отстать и заблудиться боятся. Наконец докатился чурек до одного дома, стукнулся о двери – двери открылись, а волшебный чурек сам по себе вкатился в дом и к стене прислонился. Вошли сёстры в дом, а в доме никого нет, пусто. Только очаг горит и в углу знакомая палка брата стоит. Увидели они эту палку и обо всех горестях позабыли.

Сели сёстры за стол и стали ждать прихода брата, но незаметно для себя уснули. А тем временем из норы вылезли мыши, увидели чурек, выкатили его на улицу и стали есть – и с птичками поделились, те всё склевали до последней крошки.

Когда стемнело, вернулись домой брат с матерью и видят: спят за столом две девочки, в лохмотьях и рваных чувяках, а из ног у них кровь сочится. Мальчик сразу узнал своих сестёр и тут же разбудил их. Глядят они друг на друга, наглядеться не могут; слишком долгой была разлука, столько друг другу рассказать хотелось. А мать прослезилась от радости, обняла своих детей и забыла, что девочки к ним на тот свет пришли. А когда опомнилась, браниться стала:

– Зачем пришли на этот свет? – говорит. – Вы ещё маленькие, жизни совсем ещё не видели, а уже от жизни ушли. Как же быть, что мне теперь делать? – заплакала мать.

– Не плачь, мама, – говорит старшая сестра. – У нас волшебный чурек есть, мы его сами испекли, он нас привёл сюда и обратную дорогу покажет.

Кинулись девочки к волшебному чуреку, а его на месте нет. Посмотрели везде, даже в очаг заглянули – тоже нет, под топчаны и шкафы посмотрели – нет. Вышли они тогда из дома, смотрят вокруг, но волшебного чурека нигде – сколько не ищи, куда не смотри – не видно. Вернулись девочки обратно и стали всю свою нелёгкую жизнь вспоминать и, причитая, рыдать.

Плачут сёстры, слёзы льют, а мыши выглядывают из норы, всё видят, всё слышат. А птички сидят на окошке и тоже вместе с сёстрами слёзы льют. Жалко им стало девочек. И тут одна мышь говорит другой:

– Давай скажем им, что мы чурек съели.

Выбежали мыши на середину комнаты и пропищали:

– Не плачьте, это мы ваш чурек съели, но мы поможем вам стать живыми и выбраться отсюда. Ступайте за птицами, они самую короткую дорогу покажут.

Только они так сказали, закружились птицы и полетели только им ведомой дорогой. Пошли сёстры за птицами, а за ними и мать пошла. Взял брат свою палку и тоже побежал догонять их.

Долго они шли, много пришлось им испытать в пути. Но всё же привели их птицы к тому аулу, где они когда-то жили. Махнули крыльями и исчезли.

Пришла мать с детьми в свой дом. А мачеха, как увидела их, так испугалась – стала из угла в угол бегать и кричать, людей на помощь звать. Тем временем из нор вылезли мыши, взяли у мальчика палку и поскребли её концы. Пошла палка по комнате летать и мачеху бить. А когда мачеха дух испустила, мыши схватили её и унесли на тот свет.

Верно издревле говорится в народе: «Любовь и мёртвых воскрешает». Так вот случилось и в этой сказке. А если встретите как-нибудь на развилке двух дорог своей жизни дан-Амалдана и спросите совета, он обязательно поделится своей мудростью. Но свою дорогу каждый сам выбирает.

Рустам – сын Зола

богатыря Зола был сын Рустам.

Он вырос таким же сильным и добрым, как и его отец. Пришло время, и однажды Рустам говорит:

– Я уже постиг многие науки, сяду-ка я на своего коня и поеду в дальние страны, посмотрю, кто и как живёт на земле.

Оделся он в дорожную одежду и оседлал своего скакуна. А конь у Рустама был особенный. За один день он проходил тот путь, на который другим нужно было потратить семь дней и семь ночей.

Вот тронулся Рустам в путь. Семь дней и семь ночей мчался конь, и ни разу его ноги не коснулись земли. Через семь гор и семь морей пролетел скакун и привёз Рустама к каменному городу. Смотрит юноша – ворота города открыты. Удивился Рустам.

Въехал он в ворота и видит, что город такой большой – за месяц пешком его не обойдёшь. Погнал он своего коня и к полудню доехал до середины города. Видит – перед ним четыре огромных бассейна. А вода в них такая прозрачная, что глазам больно. Будешь пить эту воду – она как масло льётся. Смотреть станешь – себя увидишь как в зеркале.

Между тем настало время намаза. Рустам сошёл со своего скакуна, омыл руки, ноги и стал молиться. Когда он совершил намаз, пошёл бродить по центру города, осмотрел все улицы и закоулки, заглянул в дома и лавки. А они от добра ломаются, бери, что только душе угодно. Призадумался Рустам, как ему быть: ехать дальше или узнать, что это за город и кто его хозяин. И почудилось ему, что он слышит слова отца: «Как же так! Сын такого отца – и не узнал, что за город встретился тебе на пути. Стыдно, стыдно, сын мой!»

Тогда Рустам снова вскочил на скакуна и стал объезжать город. Долго скакал по улицам, но так и не встретил ни одного человека. Погнал Рустам скакуна в гору, туда, где кончался город. Подъехал к высокой крепости. А на воротах крепости висит огромный замок – вряд ли на всей земле другой такой найдётся!

Объехал Рустам крепость, посмотрел кругом – никого не видно. Расстроился юноша: «Как же я на глаза отцу покажусь?»

Вспомнил тут Рустам, что, постигая науку волшебства, он узнал семь заклинаний. Первое давало человеку силу горы, второе – силу двух гор, а все семь заклинаний делали человека сильным, как семь гор. И тогда, обращаясь к горам, произнёс он первое заклинание:

– Пусть в моих руках появится сила горы, чтобы я мог сломать этот огромный замок, войти в крепость и узнать судьбу этого города.

Прочитал Рустам первое заклинание и почувствовал, что в него вселилась сила горы. Ударил он тогда по замку, и замок тут же разлетелся на куски. Раскрылись чугунные ворота крепости. Вошёл Рустам в крепость и видит – стоит высокий дворец. У самого дворца – бассейн с прозрачной водой. А справа и слева от дворца навалены груды стрел с окровавленными наконечниками.

Привязал Рустам своего скакуна возле ворот, а сам вошёл во дворец.

А внутри такая красота! Двух глаз не хватит, чтобы наглядеться: на полу, на стенах дорогие ковры; по углам горят свечи в золотых подсвечниках. В одной из комнат Рустам увидел на столе огромную миску с пловом и зажаренным целиком бараном. Рустам отведал плова и баранины и подумал: «Плов и мясо ещё не остыли, значит, здесь кто-то есть». Решил он спрятаться в крепости и дожидаться возвращения хозяина.

Когда на небе появилась луна, Рустам почувствовал, что земля задрожала. Посмотрел он сквозь щель в воротах и видит – скачет на коне человек. Всадник хорош, да и скакун его не хуже. И человек, и конь под ним усыпаны торчащими во все стороны стрелами.

Удивился Рустам, а всадник тем временем подъехал ближе и видит – ворота открыты и замок сломан. Ударил он себя по колену и говорит:

– Разве есть на свете такой человек, кто бы мог сломать этот замок?

Въехал всадник в ворота, сошёл с коня и давай выдёргивать стрелы из крупа скакуна и из своего тела. Выдёргивает, а из того места, где стрела торчала, кровь, как из кувшина, льётся. Взял этот человек своего коня под уздцы, вошёл с ним в прозрачный бассейн, окунулся – и все раны затянулись, зажили.

Затем человек вошёл во дворец, а Рустам покинул своё укрытие и последовал за ним. Хозяин крепости прошёл в комнату и видит, что кто-то съел часть плова и барана. Удивился он и говорит:

– Уж не появился ли на свете Рустам?

Услышал юноша, что хозяин крепости произнёс его имя, и вошёл в комнату.

– Салам алейкум!

– Ваалейкум вассалам, – растерянно отвечает хозяин крепости.

Тут Рустам спрашивает, кто он и что за город, где ни одной живой души нет. И почему хозяин дома назвал его имя?

– Вначале сядь, отведай моей еды, а потом я расскажу всю историю этого города, – предложил хозяин крепости.

– Я уже отведал твоей еды и теперь хочу услышать всю правду, – говорит Рустам.

– Хорошо, будь по-твоему, – согласился хозяин крепости и начал свой рассказ. – Я единственный сын падишаха этого города. Была у него ещё и красавица дочь. Жители города занимались каждый своим делом. Одни разбивали сады, другие обрабатывали землю, третьи торговали в лавках, были в городе и мастеровые. В один из дней отец мой созвал министров и стал советоваться, кому из мудрецов отдать меня учиться наукам. И решили так: пусть меня учит Шейх-Исмаил, мудрец, которому нет равного в мире. Жил этот мудрый старец в крепости за семью горами.

Тотчас мой отец послал к Шейх-Исмаилу своих послов, чтобы пригласить его к нам. Приехал мудрый старец, и отец стал просить его обучить меня всем древнейшим премудростям.

«Сколько запросишь, столько и заплачу за труд твой», – сказал отец.

«Да продлятся дни твои, почтенный падишах, – отвечал Шейх-Исмаил, – ничего мне не надо в награду. Только согласишься отправить сына своего ко мне. Я буду учить его семь лет, а потом он вернётся домой».

Отец мой, падишах Ашар, и Шейх-Исмаил заключили между собой договор. А потом надели на меня богатырские доспехи, дали хорошего жеребца, и с почётом, в сопровождении отцовского войска, тронулся я в путь, к месту, где жил Шейх-Исмаил. Так стал я у него учиться. Шли дни за днями, недели за неделями. От отца я каждый месяц получал письма и тут же отвечал ему.

Прошло четыре года. А на пятом я вдруг перестал получать от отца письма. Беспокойство охватило меня, и стал я просить Шейха отпустить меня проведать отца. А он мне отвечает: «У меня с отцом твоим есть договор: пока не пройдёт семь лет, я не могу отослать тебя домой».

Прошло ещё полгода, а от отца всё нет вестей. Опять я стал просить мудрого старца: «Разреши мне съездить домой. Я тут же вернусь». – «О, сын падишаха, я не думаю о том, вернёшься ты или не вернёшься. Я должен исполнить свой долг, выучить тебя».

Не выдержал я тогда и заплакал. Увидел Шейх-Исмаил мои слёзы и говорит: «Выйди во двор, а потом вернись». Вышел я во двор и вернулся обратно. Шейх-Исмаил и говорит мне: «Сядь на своё место и скажи мне: пока тебя не было здесь, стал толще низ мира или верх?» Я подумал и ответил: «Низ мира стал толще на один волос».

«Баракаллах!» – говорит Шейх-Исмаил. Он поднимает меня с подушки, вытаскивает из-под меня волосок и говорит: «Я из своей бороды вырвал этот волос и положил на твою подушку, и ты угадал это, Баракаллах! Иди, дорогой мой, ты уже овладел всеми науками. Знай, много горя придётся перенести тебе, но ты победишь. Ни одна стрела не сможет поразить тебя. Но когда-нибудь на свет появится

сын Зола – Рустам. Он будет очень сильным. Если даже мир перевернётся, он сможет схватить его и поставить на место. Он будет другом людей и врагом войн. Никто его не сможет одолеть. Но и с тобой, кроме Рустама, никто не сможет совладать... Иди, сынок, счастливой тебе дороги!»

Сел я тогда на коня и отправился в путь. Три дня и три ночи копыта моего скакуна не касались земли. И вот достиг я падишахства своего отца. Въехал в город, но не встретил ни одной живой души. Поднялся сюда, в эту крепость отца, – и здесь никого нет. Завёл я скакуна в конюшню, накормил, напоил и собрался было присесть и подумать, как вдруг услышал слабый стон. Подбежал и увидел телохранителя моего отца. Он был еле жив. «Что случилось? Где мой отец?» – спросил я у него. А он даже слова сказать не в силах. Поднял я его, принёс во дворец, напоил целебной водой из бассейна, и он пришёл в себя. И стал он мне сквозь слёзы рассказывать, что падишах Чиме-Чин заслал к моему отцу сватов, чтобы сестру мою забрать в жёны для своего сына. «Пока я жив, этому не бывать», – сказал отец.

На следующее утро войско падишаха Чиме-Чина напало на город моего отца. Началась битва. Небо смешалось с землёй, земля с небом. Люди падишаха Чиме-Чина поубивали всех от мала до велика, а тех, кого не успели убить, угнали в плен. Мою мать и весь наш род убили, а сестру насильно забрали в плен в жёны сыну падишаха Чиме-Чина.

И вот теперь, – закончил юноша свой рассказ, – я каждый день по утрам скачу к границам падишахства Чиме-Чина и вступаю в сражение с его войском. От моих стрел они погибают, а их стрелы не могут причинить мне вреда. Волшебная вода нашего бассейна излечивает все мои раны. А стрелы, которые я вытаскиваю из своего тела, я складываю в кучу... Вот и вся история, которую ты хотел услышать.

Тогда Рустам сказал хозяину:

– Я и есть тот самый Рустам, сын Зола, о котором говорил тебе мудрый Шейх-Исмаил. Я тоже учился у этого старца. Давай сейчас пойдём спать, а утром позволь мне отправиться в падишахство Чиме-Чина за твоей сестрой.

Настало утро. Чуть свет Рустам уже был на ногах. Вывел он своего коня, накормил его, оделся в чугунную одежду и собрался было скакать в падишахство Чиме-Чина, но его остановил юноша – хозяин дворца.

– Дорогой Рустам, – говорит ему сын падишаха. – Я верю, что ты спасёшь мою сестру, но ведь ты её не знаешь. Да и она тебе не доверится... Возьми это кольцо, покажи ей и скажи, что ты друг её брата и пришёл освободить её. И ещё скажи, что ты Рустам, сын Зола. А теперь поезжай, счастливого тебе пути!

Поблагодарил его Рустам, надел кольцо на палец и поскакал.

Всего два раза хлестнул он своего скакуна, как мигом очутился в падишахстве Чиме-Чина. Въехал в город и около бассейна повстречался с двумя девушками. У одной из них в руках был большой золотой кувшин, у другой – маленький серебряный. Первая девушка уже наполнила свой кувшин, а вторая ещё нет. Рустам подошёл к ним и говорит той, у которой был полный кувшин:

– Девушка, напои меня из твоего кувшина!

Она сердито отвечает:

– Этого кувшина не должны касаться чужие руки.

Разгневался Рустам. Схватил он её за руку и крепко сжал. Вторая девушка, увидев это, испугалась и протянула свой серебряный кувшин. Рустам взял кувшин и спрашивает:

– Кто ты такая?

– Я служанка дочери падишаха Ашара, которую падишах Чиме-Чин привёз в жёны своему сыну, – отвечает девушка.

Не раздумывая долго, Рустам зубами стащил с пальца кольцо и незаметно бросил его в кувшин с водой.

– Пойди и скажи своей госпоже: «Один юноша отпил воды из кувшина, а тебе велел процедить её и лишь потом пить», – возвращая кувшин, сказал Рустам.

Взяла служанка кувшин и ушла. Пришла она к дочери падишаха страны Ашар и слова не может вымолвить.

– Что случилось? – спрашивает девушка.

Тут рассказала служанка всё, как было.

Дочь падишаха страны Ашар была очень смышлёной. Прошла она в дальнюю комнату и стала процеживать воду. Из кувшина выпало кольцо. Она сразу узнала кольцо брата и тут же приказала:

– Скорее сходи к бассейну, ополосни кувшин и принеси свежей воды. А тому юноше скажи, чтобы он отправлялся в лес. Пусть дойдёт до огромной скалы, на которой стоит мой дворец, и ждёт там. Я спущу в окно цепь и подниму его. Иди, милая, не медли. Но смотри, никому ни слова, чтобы даже тень твоя об этом не знала.

Пришла служанка к бассейну, рассказала Рустаму всё, что велела её госпожа, набрала в кувшин воды и вернулась.

А Рустам погнал коня в глубь леса, доехал до той самой скалы и стал ждать.

Приближался вечер. Вдруг сверху спустили цепь. Рустам привязал к дереву своего скакуна, а сам ухватился за цепь и крикнул, чтобы его подняли. Подняла его дочь падишаха страны Ашар и видит, что перед ней не брат, а чужой человек. Хотела было она сбросить незнакомца вниз, но юноша сказал ей:

– Я Рустам, сын Зола и друг твоего брата. По его воле я приехал освободить тебя.

Поверила девушка Рустаму и впустила его в комнату.

– Дорогая сестра, расскажи мне, как всё случилось, – попросил её Рустам.

Девушка рассказала ему всё, как было, и добавила:

– Привезли они меня сюда и хотели выдать замуж за сына падишаха Чиме-Чина. А я им и говорю: «Пока не пройдёт год со дня смерти моих убиенных родителей, я не стану его невестой». А брат мой тогда учился за семью горами у Шейх-Исмаила. Я знала, что скоро он будет дома и тогда спасёт меня. Прошёл год, а брата всё не было. Тогда я уговорила этих злодеев, чтобы подождали ещё сорок дней. Вот уже тридцать семь дней как брат мой каждое утро сражается с войском падишаха Чиме-Чина. А сегодня его нет. Уж не случилось ли что с ним? Ведь сегодня мне предстоит провести брачную ночь с сыном падишаха Чиме-Чина.

– Не тревожься, – отвечает Рустам. – Всё будет хорошо. Сними свой свадебный наряд, и я спущу тебя на цепи вниз. Жди меня в лесу, а с твоим женихом я сумею расправиться сам.

Потом Рустам осторожно спустил девушку вниз, а сам надел свадебный наряд невесты и стал ждать прихода жениха.

Вот наступила полночь, и в комнату вошёл жених. Подошёл он к постели своей невесты и собрался было лечь рядом, но тут Рустам схватил его за руку, дёрнул и оторвал её. Повесил он оторванную руку на стену. Оторвал вторую руку – повесил на другую стену, оторвал ногу – повесил на третью стену, вторую ногу – на четвёртую стену, а туловище с головой оставил на полу. Затем Рустам переоделся в свои богатырские доспехи и спустился через окно вниз, где ждала его дочь падишаха Ашара. Сели они на коня и помчались в сторону крепости покойного падишаха.

Тем временем брат девушки готовил плов и жарил баранину. Он знал, что Рустам вернётся с его сестрой. Вдруг слышит – дрожит земля. Догадался он, что это скачет Рустам, и вышел за ворота крепости, чтобы скорее увидеть сестру и Рустама. А когда увидел – обрадовался. Брат и сестра прослезились от радости. Прослезился и Рустам, а потом говорит:

– Славно мы сегодня потрудились, пора и вкусного плова с бараниной отведать.

Поели они сытно и легли спать. Пусть они сладко спят, а мы посмотрим, что делается в доме падишаха страны Чиме-Чин.

Когда сын падишаха вошёл в комнату своей невесты, его друзья остались за дверью. Долго ждали они, но жених всё не выходил. Тогда один из них постучался в дверь – никто не отвечает. Постучали ещё – опять молчат.

Пришли тогда друзья жениха к падишаху Чиме-Чину. Понял он, что здесь что-то неладно. Приказал он взломать дверь в комнату невесты. А там на полу в луже крови окровавленное туловище и голова его сына валяются, а руки и ноги висят по стенам. Увидел это отец, закричал от горя, стал волосы на голове рвать.

– Это дело рук её брата, – сказал он и издал приказ, в котором говорилось: «Мужчины до семидесяти лет, женщины до шестидесяти лет должны сесть на коней, скакать в город падишаха страны Ашар и сжечь всё, что там осталось».

Сказано – сделано! Помчалось войско падишаха Чиме-Чина в город падишаха Ашара, сжигая всё на своем пути.

Между тем Рустам проснулся очень рано, поднялся, видит – весь город объят пламенем. Догадался он, в чём дело, и решил, до того

как проснутся сын и дочь падишаха Ашара, уничтожить войско падишаха Чиме-Чина. Пока он переодевался в свои богатырские доспехи, от едкого дыма, что лез в нос, проснулся и сын падишаха. Увидел он, что его город горит, и решил: «Пока Рустам ещё спит, пойду и вступлю в сражение с этими злодеями». Он мигом очутился в конюшне и стал снаряжаться в путь.

Тем временем проснулась и дочь покойного падишаха Ашара. Отворила окно и видит – весь город в огне и в дыму. Испугалась она и крикнула брату:

– Брат, город горит!

– Тише, дорогая сестра, – отвечает брат, – не буди Рустама. Мы сами разделаемся с этими злодеями.

Услышал Рустам, что решили брат и сестра, и говорит:

– Я уже давно проснулся и готов сразиться с врагом.

Рустам выбежал во двор, вскочил на коня и собрался уже броситься в бой, но сын падишаха Ашара остановил его.

– Рустам, мы знаем твою силу. С тобой никто не сравнится. Но мы сами хотим отомстить врагам за кровь наших родителей... Ты лучше останься дома и приготовь нам жирный плов. А тем временем мы разделаемся с войском падишаха.

Согласился Рустам и вернулся во дворец. Когда плов и баранина были готовы, Рустам выглянул в окно, в сторону гор, – ни одного человека на ногах, все убиты. Выглянул в другое окно, в сторону моря, – ни одного человека на ногах, все убиты. Посмотрел на запад – и здесь все лежат мёртвые. Посмотрел на восток – и там ни одного живого человека.

«Где же сын и дочь падишаха?» – забеспокоился Рустам. Сел он на своего коня и поскакал искать их. Три дня и три ночи искал он юношу и девушку, но так и не смог найти. На четвёртое утро нашёл он их под деревом мёртвыми. В пылу сражения брат заколол сестру, сестра – брата.

Погоревал Рустам и похоронил храбрецов под этим самым деревом: юношу с правой стороны, девушку – с левой; сел на своего коня и отправился в путь. Долго скакал он и на седьмой день доехал до городских ворот. Дело близилось к ночи, Рустам постучался в какой-то дом и остался здесь в гостях.

Падишахом этого города был человек по имени Пейгамбер. Он страдал сильной зубной болью и, чтобы отвлечься, созывал к себе стариков. Старики рассказывали ему сказки, смешные небылицы, и Пейгамбер на время забывал о своей боли.

И вот в ту ночь, когда Рустам приехал в город, у падишаха до слёз разболелись зубы. Созвал он стариков, велел им рассказывать сказки или смешные небылицы. Долго рассказывали старики, но зубная боль не прекращалась. И тогда Пейгамбер говорит собравшимся:

– Я всё это уже слышал, расскажите что-нибудь новое!

– О, почтенный падишах, мы рассказали тебе всё, что знали, – ответили старики. – Новые сказки может рассказать лишь новый человек, исходивший много стран и много повидавший.

– Где найти такого человека? – спрашивает падишах.

Один из стариков сказал Пейгамберу, что в дом человека по имени Боба, что живёт у городских ворот, сегодня пришёл один странник.

– Только он может знать новости.

Послал Пейгамбер гонцов в дом Боба и велел пригласить к себе странника и хозяина дома.

Вот входят в покои падишаха Боба и Рустам.

– Салам! – говорят они.

– Алейкум салам! – отвечает Пейгамбер и сажает гостей рядом с собой.

– Кто ты и откуда? – спрашивает падишах, обращаясь к страннику.

Рассказал ему юноша, что он сын Зола – Рустам.

– Дорогой Рустам, я страдаю зубной болью, – начал Пейгамбер.

– Эти люди рассказывают мне всякие сказки и небылицы. Я слушаю их, и зубная боль проходит. Но они всё, что знали, уже рассказали, и зубы начинают снова болеть. Не расскажешь ли ты чего-нибудь нового?

– О, почтенный падишах, уже много дней и ночей прошло с тех пор, как я выехал из отцовского дома. И все сказки успел позабыть, – говорит Рустам.

– Может быть, ты расскажешь о том, что видел в дороге и что испытал? – попросил Пейгамбер.

– Хорошо, я расскажу всё, что довелось мне увидеть, – согласился Рустам и стал рассказывать Пейгамберу о городе падишаха Ашара, о его сыне и дочери, о злодеяниях падишаха страны Чиме-Чин, о том, как он, Рустам, спас дочь падишаха страны Ашар, о том, как брат и сестра вступили в сражение с войском врага и как они в пылу сражения убили друг друга...

Заслушался Пейгамбер рассказчика и забыл о зубной боли. А Рустам окончил свой рассказ и незаметно для себя самого заплакал.

– Успокойся, добрый человек, сын Зола, – говорит ему падишах Пейгамбер. – Пусть таких, как ты, добрых и мужественных людей будет больше в этом мире.

Рустам встал и поклоном отблагодарил Пейгамбера.

– А теперь, дорогой Рустам, сын Зола, скажи мне: найдёшь ли ты могилы этих героев? – спрашивает падишах.

– Да, дорогой падишах! – отвечает Рустам.

Тогда Пейгамбер, обращаясь к своим мудрецам, говорит:

– Эй, мудрецы! Попросите Бога о помощи и садитесь на коней. Поедем в падишахство покойного Ашара.

И вот все сорок мудрецов сели на коней и тронулись в путь.

Много ли, мало ли месяцев они ехали, кто знает, но вот достигли они падишахства Ашара. Рустам показал могилы сына и дочери падишаха. Стали мудрецы вдоль могил, прочли свои мудрые книги и велели Пейгамберу ударить своим кнутом по могилам. Ударил первый раз Пейгамбер – земля расступилась, все увидели кости умерших. Ударил второй раз – кости обрели тело. Ударил в третий раз – к мертвецам вернулась жизнь.

Вытащили юношу и девушку из могил и поставили на ноги. Обрадовались они, что опять живы, и от радости прослезились.

– Добрые люди, – вдруг заговорила воскресшая дочь покойного падишаха Ашара, – не знаете ли вы, где Рустам?

– Не волнуйтесь, вот ваш друг Рустам! – ответили ей.

Обрадовались юноша и девушка и стали благодарить Пейгамбера.

– Большое спасибо, почтеннейший падишах Пейгамбер. Если бы не вы и ваша доброта, гнить бы нам в земле, а душа витала бы в небе... А у нас ещё много дел на земле.

– Это не мне спасибо, а этим мудрецам – Божьим праведникам и знатокам Его тайн, – сказал Пейгамбер и добавил: – Справедливость всегда побеждает. Вы были правы в своих делах, и потому вы должны жить! А теперь поедем ко мне в падишахство, мне хочется, чтобы эта история закончилась на радостях.

Когда они достигли падишахства Пейгамбера, призвал он к себе свою красавицу дочь и сказал сыну падишаха Ашара:

– Отдаю тебе в жёны прекрасную дочь свою. А сестру твою беру в жёны славному Рустаму.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбы, из сорока падишахств были приглашены гости. Был здесь и отец Рустама – Зол-богатырь. Пил, гулял, а на сорок первый день собрался к себе домой. Вместе с ним отправился и Рустам со своей красавицей женой.

Ложь и Правда

Было это или не было, судить вам. Но аксакалы рассказывают, что однажды в одном горном ауле собралось на пиршество очень много людей, и были туда приглашены Ложь и Правда. Да и надо же было случиться такому – оказались они рядом друг с другом, за одним столом, и затеялся между ними спор.

– Я больше нужна людям, чем ты, – сказала Правда.

Ложь расхохоталась в ответ:

– Ха-ха! Это ещё посмотрим! – заявила она.

И тут Ложь начала рассказывать собравшимся одну историю.

– Однажды пришла я в гости к Манаширу, а он кричит на своего слугу и просит его вынести из хлева нечистоты и подмести пол.

А слуга в ответ:

– Заплати – сделаю!

А Манашир своё:

– Ах ты, собачий сын, выродок, тебе ещё денежная плата нужна?.. Вот тебе! Вот тебе! – кричит он и плетью бьёт слугу.

А слуга своё:

– Заплати – сделаю... Не заплатишь – делай сам.

Жалко мне стало бедного Манашира, устал он кричать и бить слугу, и тут я ему сказала:

– Обмани ты этого негодника. Мол, ладно, сделай – заплачу. А когда сделает, тогда откажись платить.

Послушался Манашир моего совета, пообещал слуге заплатить.

Целый день, не разгибая спины, убирал слуга хлев, а когда завершил всю работу, пришёл за свой труд получить деньги.

А Манашир говорит ему:

– Я обманул тебя. Ничего не заплачу, собачий выродок!..

Закончила свой рассказ Ложь и добавила:

– Вот видите, как я нужна людям.

Присутствующие здесь богачи, вытирая свои жирные губы и поглаживая свои отяжелевшие животы, заключили:

– Ложь – самый верный наш друг и помощник всегда и во всём.

Правда и бедняки между тем молча сидели и зло смотрели на богачей.

– Ну, а ты, Правда, что скажешь? – обратилась к ней с ехидством Ложь.

Правда встала из-за пиршественного стола и начала:

– Шла я как-то через один город и вижу: собрались на мейдуне бедняки и ждут, когда к ним придёт Правда. Ждут они день, ждут два, ждут семь дней, но Правды нет. И вот тут-то я, Правда, не выдержала и сказала: «Не ждите меня. Меня нужно добыть в борьбе с Ложью!»

– Правильно, да продлятся дни твои, почтенная Правда, – в один голос сказали бедняки.

Спустя некоторое время бедняки все вместе уничтожили Ложь и назначили падишахом Правду.

Но это длилось недолго. Ведь недаром в народе говорят: «Если Ложь захочет – и правду в ложь превратит».

Так и получилось. Не то из змеиной норы, не то от самого Шагаду появилась Ложь и стала клеветать на Правду: мол, Правда – правая рука самого Эшмедея, она сведёт всех людей в чёрную могилу.

Долго и усердно клеветала Ложь на Правду. И нашлись те, которые поверили и перестали считать своим падишахом Правду и ушли в падишахство Лжи, да там и исчезли в горниле чёрных дел своих.

Ведь разные на свете живут люди. Одни дружат с Ложью и во Лжи погибают. Другие дружат с Правдой и Правдой спасаются.

Я же своим падишахом считаю Правду. Своей бородой клянусь! Великое счастье жить с Правдой и в Правде... Не верите?! А вы попробуйте!..

Наречённые

О чём рассказать вам, о ком поведать? Расскажу я о двух братьях. Росли они сиротами – без отца и без матери. Бедно жилось им, очень бедно. Но трудиться они любили – никакой работы не боялись, за всякое дело брались: богачам землю обрабатывали, воду с реки носили, а то и дрова кололи. Как говорится, труд человеку не даст умереть, и они не умирали. Так и жили, не ропща на судьбу. Шли годы, и старанием своим сумели они обзавестись землёй, где поставили рядом два дома.

Братья росли, мужали, а когда пришло время, полюбили они красивых девушек и связали с ними свою судьбу, сыграв в один день две свадьбы. В тот же торжественный день братья дали друг другу клятву: если у одного из них родится сын, а у другого дочь, то они их поженят.

Если Богу угодно – то сбудется, а если нет – как бы ни желал человек, всё будет напрасно. Так издревле говорит мой народ, испытывав эту житейскую мудрость в поколениях. Сколько прошло времени – нам не ведомо, но пришёл срок, и у одного брата родился сын, у другого – дочь. Велика была радость отцов, ибо сокровенное

и давнее желание их исполнилось. Зазвали хозяева, как того требует обычай, гостей. Много людей пришло, самые почитаемые люди города пришли к ним в дом, и даже из дальних аулов гости с подарками пожаловали. Семь дней и семь ночей гости веселились, поздравляли родителей и удали своей волю давали.

Шло время, слаженно и дружно жили семьи. Вскоре один брат отправил своего сына на учёбу к одному доброму и образованному земляку. Другой брат отправил свою дочь помогать по хозяйству жене этого учёного человека. Здесь юные двоюродные брат и сестра так крепко подружились, что и дня не могли быть друг без друга. А когда несколько лет учёбы закончились, они уже так любили друг друга, что врозь и минуты не могли прожить и втайне мечтали стать мужем и женой, но боялись запрета родителей. Когда же им сказали, что они ещё до рождения наречены были стать супругами, молодые поначалу засмутились, но затем, не сумев скрыть своего счастья, бросились обнимать и целовать своих отцов, как бы этим давая им знать, что ни он, ни она ничего против не имеют, а, напротив, – даже рады и благодарны им. Рады были и родители, ибо желания их души были и детям на радость.

– Слава Богу! – сказал один из братьев.

– На всё Его воля! – добавил второй.

Но надо же было случиться такому: перед самой свадьбой молодых трагически погибают отец и мать жениха, а через некоторое время от простуды умирает мать невесты. Как и полагается по адату, свадьбу отложили на год.

Долго и томительно тянулся этот год. Молодые с нетерпением ждали, когда они наконец-то поженятся, создадут свою семью, детьми обрстут. Трудно приходилось и отцу девушки: держать её при себе и нести отцовскую ответственность, да и от недостойных глаз и непредвиденных неприятностей прятать. Не хотел он, не дай Бог, чтобы дочь его влюбилась в кого-то другого или кто-то домогался её любви. А самое главное для отца девушки было сдержать данную им клятву и тем самым не совершить греха перед доброй памятью трагически погибшего брата и его жены.

Но недаром в народе говорят: «Если горе, беда или неприятности вздумают посетить человека, они найдут лазейку». Так случилось и на этот раз.

В один из летних дней молодой, ещё не женатый падишах страны, где жили наши влюблённые, отправился на охоту. Когда юноша оставил позади себя город и вошёл в лес, то он отпустил в небо своего сокола, чтобы тот поймал ему добычу. А сокол полетел обратно в город и сел на одно высокое дерево, что росло во дворе, где проживала наречённая двоюродному брату девушка. Вернулся молодой падишах в город и видит: его сокол сидит на дереве, что растёт за высоким забором, и не собирается никуда улетать. Подошёл молодой падишах к воротам и хотел было открыть их, но они оказались крепко заперты. «Что делать?.. Как достать сокола?» – задумался молодой падишах. Ничего ему не оставалось, как постучать и ждать. Вскоре ворота открылись, из них вышел отец наречённой девушки и увидел перед собой какого-то незнакомого юношу в одежде охотника.

– С чем пришёл, юноша? – спросил хозяин дома.

– Я охотник, возвращаюсь домой. А мой сокол сел на дерево у тебя во дворе, – сказал незнакомец и добавил: – Разреши мне войти и поймать его.

– Я во двор никого не пускаю, – ответил хозяин дома.

– Тогда достань сам моего сокола. Я подожду здесь.

– Ладно, – ответил хозяин дома и пошёл доставать с дерева сокола, а ворота прикрыть за собой забыл. А в это время – и надо же такому случиться – его дочь, не то из любопытства, не то из беспокойства о долгой задержке отца, посмотрела в окно, и тут молодой падишах – да ослепнут его глаза – увидел девушку, нет, не просто девушку, а красавицу с сорока золотистыми косами и лицом, подобным лику луны. Если у человека два глаза, то нужно ещё два глаза, чтобы любоваться такой красотой.

– Да будь я проклят, – сказал в сердцах юноша, – такая красавица живёт в моём городе, а я ничего не знаю... Не напрасно мой сокол прилетел в этот двор и сел на это дерево. Эта красавица и будет моей добычей, – решил он.

А между тем отец девушки поймал и принёс охотнику сокола. Молодой падишах поклоном отблагодарил хозяина дома и, схитрив глазами, спешно ушёл. Вернувшись во дворец, молодой падишах, не откладывая задуманное на завтра, послал своих везиров и векилов сватать красавицу.

– О, если бы у меня была дочь, – выслушав сватов, стал лукавить отец девушки, – я бы не задумываясь выдал её за падишаха. Найдётся ли человек, который не мечтал бы породниться с падишахом?!

Сваты пришли во дворец и повторили молодому падишаху сказанные отцом девушки слова.

– Как так? – разгневался молодой падишах. – Что я – ослеп что ли?! Своими глазами видел... Пойдите и скажите этому обманщику, что тот юноша, который приходил за соколом, и был сам падишах. И ещё скажите: когда он, хозяин дома, ушёл, чтобы поймать сокола, то позабыл закрыть за собой ворота, и мне, падишаху, посчастливилось увидеть его красавицу дочь. И ещё скажите: если он по-хорошему отдаст её за меня, то я вознагражу его большим богатством; если же нет – то убью его, а дочь силой возьму себе в жёны.

Снова пришли сваты в дом отца девушки и передали ему слова падишаха.

Долго не решался отец отдавать свою единственную дочь, да и притом уже наречённую за его же племянника. Но, не находя выхода, он скрепя сердце дал своё отцовское согласие. Сваты ушли, а отец рассказал дочери о случившемся и о том, что он дал согласие выдать её за падишаха.

Не сдержалась дочь и расплакалась:

– Как же так, перед покойным братом ты обманщиком стал. Да и племянника своего в слезах хочешь испугать.

– Да продлятся дни твои, дочь, но как же мне поступить? – воскликнул отец. – Если я даже откажу падишаху, то он убьёт меня, а тебя силой сделает своей женой.

Отец и дочь горе горькое делили пополам, а падишах тем временем послал сватов с гостинцами и подарками, чтобы обручить будущую свою невесту. Пришли сваты, посидели, поговорили и ушли, назначив день свадьбы.

Шли дни за днями. И вот наступил день свадьбы. В этот самый день девушка нарядилась в свои свадебные наряды, попросила у отца разрешения пойти к своему двоюродному брату и объяснить ему, что его дядя перед ним не виноват.

Пусть она пока ещё пребывает под крышей отцовского дома, а я расскажу вам о бедном юноше – наречённом её женихе.

Когда до него дошли слухи, что молодой падишах силой хочет взять его нареченную и горячо любимую невесту себе в жёны, то он с того самого дня не выходил на улицу. Ему было стыдно показать людям своё осунувшееся от горя лицо.

Теперь расскажу я вам о девушке, которая с согласия отца своего пришла в дом к двоюродному брату, чтобы объяснить ему, что его дядя перед ним не виноват. Вошла она в одну комнату, окликнула – юноша не услышал. Вошла во вторую комнату, окликнула – юноша опять не услышал. Вошла она уже в седьмую комнату и видит – лежит на полу её наречённый, от горя в щепку превратился, в глазах слёзы.

– Дорогой брат мой, зачем ты так себя терзаешь? – сказала девушка.

– О, дорогая сестра, это горе ни Аждага, ни гора не выдержит. Я ещё хорошо держусь, – отвечал юноша. – Как же мне не переживать, видя, как та, которая для меня была что день, что солнце, обрекла меня на вечную ночь, лишив света... Как же ты только могла?..

И отвечает тогда ему девушка:

– Другого выхода не было. Хотели отца убить, а меня силой забрать. И вот пришла я затем, чтобы стать твоей. Бери у меня всё, что пожелаешь. Делай со мной всё, что захочешь.

– О, сестра моя, – отвечает юноша, – добру здесь не бывать, а злу не видно конца. Если молодой падишах узнает об этом, то убьёт нас обоих.

– Тогда давай сделаем так, – говорит девушка. – Сегодня вечером я невестой иду в дом падишаха. А тебе советую: до вечера купи хорошего скакуна и жди меня у стен падишахского дворца. А я ночью, в двенадцать часов, спущусь на верёвке с чердака. Ты жди меня внизу и будь наготове. Мы вместе сбежим.

Обрадовался безмерно бедный юноша, встал с пола, умылся и говорит девушке:

– Есть ли правда в твоих словах?

– Да, есть, – отвечает девушка.

– Я буду ждать тебя внизу, – сказал брат.

Купил юноша хорошего скакуна. Сложил в хурджуны лепёшки, а в двенадцать часов ночи уже ждал свою любимую у стен падишахского дворца.

Молодой падишах тем временем, угостив жирными блюдами и вкусными винами своих гостей, направился в комнату, где находилась молодая невеста-красавица, вся в нарядах и драгоценностях. Вошёл жених и сказал невесте:

– Добрый вечер! – И стал обнимать её в надежде заполучить её непорочность.

– Ой, ой, умираю! – стала стонать девушка, хватаясь за живот.

– Что с тобой, моя красавица? – встревожился молодой падишах.

– Не трогай меня, я сейчас умру, – продолжала стонать девушка.

– Может быть, мамой позвать? – с ехидством предложил падишах.

– Нет, мой дорогой, – отвечает невеста, – мне не нужна никакая мамой. У меня просто болит живот. Проведи меня во двор.

– Нет, только не во двор, там народ. Стыдно! – сказал молодой падишах. – Лучше поднимись на чердак.

Не снимая с себя свадебного наряда, девушка в сопровождении служанки пошла на чердак. Перед тем как подняться туда, невеста приказала приставленной к ней служанке, чтобы она дожидалась её возвращения внизу и никого не пускала на чердак.

– Даже самого падишаха! – строго наказала невеста.

Взобралась девушка на чердак и видит: внизу, держа скакуна под уздцы, дожидается её наречённый и любимый жених. Она сняла с себя шаль, разрезала её на длинные полосы, сплела верёвку, привязала один конец к оконной раме и быстро спустилась вниз.

– Вези меня куда хочешь, – сказала она своему любимому.

Юноша посадил свою любимую на скакуна, затем ударил его три раза плетью. Ударил первый раз – рассёк скакуну шкуру и до мяса дошёл. Ударил второй раз – рассёк мясо и до костей добрался, ударил третий раз – кости потрескались. А конь уже не скачет, а птицей летит. До самого рассвета убежали брат и сестра, а когда день вступил в свои права, то были они уже в другом падишахстве. Здесь юноша спрятал девушку и скакуна в лесу, а сам отправился на базар купить своей невесте мужскую одежду. Недолго ходил он по базару и вскоре вернулся с покупками. Они вместе поели, отдохнули, сбросили с себя усталость и лишь потом, когда девушка переделалась в мужское платье, снова двинулись в путь.

Долго ехали наречённые, пока не добрались, наконец, до берега моря. Посоветовались юноша и девушка, да и порешили перебраться на тот берег. Медлить было нельзя: разгневанный падишах послал за ними погоню.

Погнали молодые своего скакуна вдоль берега. Добрались до одной покосившейся рыбацкой сакли, постучались, но им никто не ответил. Спустя некоторое время они увидели, как к берегу подплывает лодка, а в лодке – лодочник. Когда он подплыл к берегу, юноша поприветствовал его и попросил за плату перевезти их на тот берег.

– Я в море сегодня уже не пойду, – ответил рыбак. – Нужно было раньше, когда я уходил в море.

Тогда юноша сказал:

– Если ты перевезёшь нас на тот берег, то мы отдадим тебе нашего скакуна и все деньги, что есть у нас.

Обрадовался жадный лодочник такой сделке. Он быстро оттолкнул лодку в воду, предложил юношам (девушка-то была одета в мужское платье) сесть, и они поплыли.

Когда они отплыли далеко от берега, девушка вдруг говорит своему брату:

– Ой, брат мой, ценную вещь я забыл на берегу.

– Что ещё случилось? – испугался юноша.

– Да даст Бог тебе здоровья, – говорит девушка, – падишах подарил мне в день сватовства брошку, цену которой трудно даже определить... Когда ты уходил на базар, я сняла её с груди и положила в хурджун, а хурджун с деньгами и продуктами оставили лодочнику. Кто знает, что с нами будет? А брошь всегда можно будет продать. Нельзя ли лодку повернуть обратно?

Юноша попросил лодочника вернуться обратно к берегу.

– В хурджуне забыли нужную нам вещь, – сказал он.

«Значит, что-то ценное, раз они так просят», – подумал лодочник и говорит:

– У рыбаков есть такая примета: кто возвращается с дороги обратно, тот тонет в море.

Юноша посмотрел на опечаленное лицо девушки и говорит лодочнику:

– Ладно. Не возвращайся. Но только подожди меня здесь. Я быстро поплыву к берегу, возьму эту вещь и вернусь обратно.

Лодочнику ничего не оставалось делать, как согласиться.

Прыгнул юноша в воду и быстро поплыл к берегу. Добравшись, он взял в хурджуне брошку и поплыл назад.

Вдруг – и надо же такому случиться – в море поднялся ветер, он сдул с головы девушки шапку и стал перебирать и распутывать её золотистые косы. И тут-то понял лодочник, что перед ним не юноша, как он думал, а девушка, да ещё какая – необыкновенной красоты. Если у человека два глаза, то нужно ещё два, чтобы любоваться такой красотой.

«Как же так, в мои руки попала такая красавица, а я не буду ею обладать?» – подумал лодочник и, подняв паруса, быстро стал грести веслом. Увидел юноша, что лодочник обманул его, и ему ничего не оставалось делать, как вернуться опять к берегу.

О чём рассказать вам, о ком поведать? Расскажу я вам про рыбака! Задумал он грешное дело. Стал он приставать к девушке. А она ему и говорит:

– Слышишь, рыбак, не подходи ко мне. Если подойдёшь, то я брошусь в море.

– Красавица, напрасно ты сопротивляешься. Сама подумай. Твоему жениху к тебе больше не вернуться. Он утонул. А ты теперь моя!

Тогда девушка решила обмануть рыбака и говорит:

– Да, я теперь досталась тебе. Судьба – и никуда от неё не деться. Но знай – если ты хочешь жениться на мне, то отвези в свой город и сделай всё так, как полагается по обычаю.

Рыбак согласился.

«Куда она денется, – подумал он, – эта красавица в моих руках. Пусть будет так, как она хочет».

Приплыли они к берегу, рыбак привязал свою лодку к колышку и говорит:

– Пойдём ко мне домой.

– О нет, с тобой я не пойду... Кто у тебя дома?

– Одна мать, – отвечает лодочник.

– Так вот, сходи домой и скажи своей матери, что ты нашёл себе девушку и хочешь на ней жениться. Пусть мать пошлёт за мной сватов, и с ними я пойду к вам в дом.

Снова согласился рыбак и отправился домой. А девушка тем временем отвязала лодку, подняла паруса, да и уплыла далеко в море. Плывёт она, а куда – и сама не знает. И вот, наконец, лодку прибило ветром к берегу, где стоял какой-то город. Девушка так устала, что легла в лодке и заснула.

А в это самое время к своему кораблю, что был привязан к каменному столбу на берегу моря, направлялся знатный юноша в окружении сорока прекрасных девушек. И когда этот знатный юноша и его сорок инчегуз подошли ближе к воде, то увидели спящую в лодке красавицу с сорока золотистыми косами. Если у человека два глаза, то нужно ещё два, чтобы любоваться такой красотой.

«Эту девушку я возьму себе», – подумал юноша. Он разбудил её и предложил пересесть на свой корабль.

– Будь моей, красавица! Что ни пожелаешь, всё для тебя сделаю.

– О нет, я так не хочу, – ответила девушка. – Если я судьбой отдана тебе, то сначала скажи, кто ты такой.

– Я сын падишаха этого города и хочу жениться на тебе.

– Тогда сходи к отцу и расскажи ему обо всём. Пусть он пришлёт сватов, и я пойду к вам так, как полагается по обычаю.

– А не сбежишь ли ты, красавица, до моего возвращения?

– Со мной же останутся сорок твоих инчегуз... Они-то надёжная охрана... Да и зачем мне другой муж, я хочу быть твоей, – сказала красавица.

Поверил сын падишаха словам девушки и с радостью поспешил домой к своему отцу.

А красавица тем временем предложила прислугам падишахского сына до возвращения хозяина покататься на корабле. Ни одна из инчегуз не осмелилась возразить такой красавице, какой была будущая их госпожа. Они отвязали корабль от каменного столба, оттолкнули его от берега, подняли паруса и поплыли вглубь моря, гонимые ветром.

Кто знает, сколько они плыли – может, час, может, два, а может, намного больше. Но случилось так, что где-то далеко в море им встретился корабль, управляемый сорока разбойниками. Увидели разбойники плывущий в море одинокий корабль, да и решили

напасть на него и ограбить. Глядят – а на корабле одни девушки, и все красавицы, а одна из них самая красивая, с сорока золотыми косами. Если у человека два глаза, то надо ещё два, чтобы любоваться такой красотой.

– Нам нельзя упускать красавиц! Такая встреча в море не часто бывает, – сказал один из разбойников...

– Верные слова ты говоришь, – согласились остальные.

Тогда атаман прыгнул на корабль первым, а за ним все сорок разбойников. И начали они хватать девушек. «Это – моя!» – кричит один. «Это – моя!» – кричит другой. «Это – моя!» – кричит третий.

– Эй, разбойники, что вы, ума лишились что ли? Ведь это же не яблоки или груши, чтобы делёж устраивать... Скажите, сколько на вашем корабле мужчин? – не растерявшись, спрашивает атамана красавица.

– Сорок один, – отвечает атаман.

– Очень хорошо, – говорит красавица. – И нас столько же. И давайте в мире и согласии дела будем делать. Вначале посидим, покушаем, вина выпьем, повеселимся, а потом каждый возьмёт себе по одной девушке... Давайте ваши вина и закуски, несите сюда!

Выслушал атаман разумные слова девушки, и они ему понравились. А сам подумал: «Эта красавица моей будет!»

Принесли разбойники всё, что у них было, и начали пировать, а красавица тем временем предупредила девушек:

– Не пейте вина. Пригубите, а остальное незаметно выливайте. Надо скорее напоить разбойников, чтобы они уснули, иначе нам несдобровать.

Девушки так и сделали, и вскоре все сорок разбойников со своим атаманом опьянели и заснули.

– Надевайте скорее их одежду и берите их оружие, – приказала красавица с сорока золотистыми косами.

Инчегуз раздели разбойников, отобрали у них оружие и отрубили разбойникам головы. А красавица забрала у атамана его одежду и оружие. Но голову отсекать не стала. Отрезала ему одно ухо и нос, а самого оставила лежать на корабле.

Вскоре девушки перебрались на быстроходный корабль разбойников и поплыли дальше.

Много ли, мало ли были они в море – нам не ведомо, но известно, что добрались они до какого-то берега, сошли с корабля и продолжили свой путь пешком. И прошли они путь длинный, как кишка Шагаду, прошли ещё семь гор и семь рек, пока не увидели какой-то город.

А там играет музыка, гуляют нарядные люди, а на руке у одного старца сокол сидит. Оказывается, в этом городе был такой обычай: если умирал падишах города, то один из старейшин должен был в небо отпустить сокола. На чью голову сокол садился, того и выбрали новым падишахом.

Три раза бросали птицу, и все три раза птица садилась на голову переодетой в юношу девушки с сорока золотыми косами.

– Дорогие старцы, я согласен быть вашим падишахом. Только с одним условием, – говорит им девушка, переодетая в мужской наряд, – если вы разрешите назначить моих сорок друзей везирами и векилами.

Старейшины города дали своё согласие, и девушка с сорока золотыми косами стала падишахом этого города, а остальные сорок девушек стали её приближёнными.

Утром новый падишах сел на свой трон и приказал, чтобы прислали к нему рисовальщика. Пока его искали, девушка-красавица заплела косы, оделась в свадебный наряд и встала у окна, где всегда стоял падишах.

Пришел рисовальщик и видит – у окна стоит красавица с сорока золотистыми косами.

– Нарисуй четыре моих портрета! – приказала она рисовальщику.

Нарисовал он с неё четыре портрета и ушёл дорисовывать. А красавица снова переделась в наряд падишаха.

К закату солнца пришёл рисовальщик и принёс портреты.

Щедро отблагодарила его девушка-падишах и велела идти, но предупредила, чтобы тайну портретов хранил под страхом смерти. Затем девушка-падишах велела слугам повесить эти четыре портрета у всех четырёх ворот города и на каждом воротах поставить стражу из десяти человек. Здесь же открыть хлебные лавки и вырыть колодцы.

– Пусть все, кто будет проезжать или идти пешком мимо любых из четырёх ворот, смогут здесь купить хлеба и напиться колодезной

воды, – сказал падишах старейшинам города, а лавочникам велел выдавать хлеб бесплатно тем, у кого не будет денег. Затем новый падишах пригласил к себе гаравошей и приказал им:

– Если кто-нибудь, увидев портрет, вздохнёт, приведите его ко мне!

Как новый падишах сказал, так и было сделано.

Пусть всё идёт своим чередом, а я расскажу вам про молодого падишаха, сокол которого сел на высокое дерево, что росло во дворе отца девушки, которая теперь сама стала падишахом.

И вот когда молодой падишах узнал, что невеста обманула его и сбежала, он сильно разгневался, взял с собой десять своих нукеров и направился к дому, где жил отец невесты. А отец в эту ночь и глаз своих не сомкнул: всё о жалкой судьбе дочери и несчастных днях племянника думал. Вдруг он услышал сильный стук в ворота, вышел и видит – стоит его зять-падишах, а рядом с ним десять нукеров.

– Час добрый, рад тебя видеть, – говорит падишаху хозяин дома, низко кланяясь: – Входи!

– Ты обманул меня, собачий сын! – закричал падишах. – В одни двери отдал мне свою дочь, а в другие забрал. Где она? Отвечай!..

– Почтенный падишах, была у меня всего одна дочь, она была наречённой моего племянника, а я по твоей воле отдал её тебе в жёны, нарушив клятву, данную брату. Что тебе ещё нужно от меня? – отвечает отец девушки.

В гневе, не зная, что сказать, обнажил молодой падишах свою саблю и отсёк отцу девушки голову. Молодой падишах обыскал весь дом и, не найдя свою невесту, в злобе разрубил на куски тело несчастного старика и оставил уличным собакам на съедение.

– Все четыре конца света обойду, но эту обманщицу найду и проучу... Будет знать, как меня, падишаха, обманывать, – сказал разгневанный убийца.

Переоделся он дервишем и отправился в путь. Долго ли он шёл, нам не ведомо, только дорога привела его к тому самому городу, где падишахом выбрали девушку, которую он силой хотел сделать своей женой. Голодный и уставший, подошёл падишах, переодетый дервишем, к одним из четырёх ворот, где стоит стража из десяти человек. Здесь же лавки, в которых продаются белые домашние чуреки, а рядом с воротами колодец с прозрачной водой.

– Я бедный дервиш, нет у меня ни денег, ни хлеба. Угостите меня вашими чуреками и водой, – попросил лавочников молодой падишах.

– Для бедных странников всё у нас бесплатно, – отвечают ему лавочники. – Бери, ешь, сколько тебе нужно.

Расстелили лавочники скатерть, угостили его чуреками и из колодца водой напоили. А когда он наелся и напился, то прилёг на траву, чтобы отдохнуть. И только теперь увидел падишах прибитый на воротах портрет. Он подошёл поближе и сразу узнал: изображённая не кто иная, как его сбежавшая невеста. Молодой падишах, сжав кулаки, зло посмотрел на портрет и вздохнул от ощущения приближающейся расправы.

Увидели это гаравоши и, выполняя приказ падишаха, тут же схватили его и потащили во дворец.

– Почему вы схватили меня? Я ничего плохого не сделал, – закричал падишах в одежде дервиша.

– Нам приказано всех, кто, посмотрев на этот портрет, вздохнёт, приводить к нашему падишаху.

Когда стража привела его во дворец, девушка посмотрела и сразу же узнала в нём молодого падишаха того самого города, где она жила с отцом.

– Посадите его в зиндан, – приказала она.

Стража тут же выполнила повеление своего падишаха.

Теперь я расскажу вам про то, что же случилось с её двоюродным братом – наречённым и любимым её женихом.

Когда рыбак увёз его невесту, юноша вернулся на берег, взял хурджуны, сел на своего коня и поскакал вдоль моря.

– Все четыре части света обойду, но свою любимую найду, – решил он.

Долго ли скакал он в поисках своей двоюродной сестры или не долго – дело прошлое, но не изменял он своего решения! Кончились у него деньги, а он всё искал. Продал он своего скакуна – и опять искал. Наконец остался совсем без гроша, но брошку, которая была памятью о наречённой, не решился продать. Много дорог исходил юноша, пока одна из них не привела его к тому самому городу, где правила та самая девушка, которую он искал всё это время.

Голодный и оборванный, подошёл он к воротам города. Его, так же как и молодого падишаха, накормили чуреками, напоили холодной колодезной водой. Когда юноша увидел на воротах портрет, то он сразу же узнал свою любимую и радостно вздохнул. Заметили это стражники, схватили его и отвели к падишаху.

Девушка сразу же узнала своего двоюродного брата. Но виду не подала.

– Устройте его как гостя, – приказала она, – но следите, чтобы он не убежал.

Теперь расскажу я вам про того самого рыбака, который влюбился в красавицу.

Поверив словам девушки, пришёл рыбак домой и говорит матери, что он нашёл себе невесту и хочет жениться. Мать собрала всех соседских девушек, и они отправились к морю, где их должна была ждать молодая невеста её сына. Пришли они, но на берегу не оказалось ни девушки, ни лодки. Опечалился рыбак, продал всё, что у него было, и отправился на поиски той, которую полюбил. Долго ли ходил он по разным дорогам, сытым ли был или голодным, мы не знаем, но пришёл он к тому городу, где правила девушка-падишах. У ворот города накормили его чуреками, напоили холодной водой. А когда он увидел её портрет – изменился в лице и вздохнул. Стража тут же схватила его и привела к своему падишаху. Узнала девушка в нём того самого лодочника, который разлучил её с наречённым, и приказал посадить его в зиндан к молодому падишаху.

А теперь расскажу я вам про сына падишаха, у которого было сорок инчегуз. Пришёл он к отцу и говорит:

– О, почтенный отец, на берегу моря, недалеко от нашего берега, встретила мне девушка необыкновенной красоты. Такая красавица, которую не отыскать ни в каком падишахстве. На голове у неё сорок золотистых кос. Если у человека два глаза, надо ещё два, чтобы любоваться такой красотой! О, дорогой отец, я прошу тебя – сделай ей достойную встречу. Пусть войско твоё выстроится в почётный караул, пусть играет музыка, пусть дадут салют...

Приказал падишах своим слугам достойно встретить красавицу. Но когда они пришли на берег моря, девушка и сорок инчегуз пади-

шаха были уже далеко. Сын падишаха от досады прикусил палец и говорит отцу:

– Дай мне из твоей казны денег, я иду искать её. Я должен её найти.

Как ни старался отец отговорить сына, но всё было напрасно, и отправился юноша в путь.

Много обошёл он городов и сёл, пока одна из дорог не привела его к воротам того самого города, где правила девушка, которую он полюбил. Так же, как и всех других, накормили его чуреками, напоили водой. Но когда он вдруг увидел на воротах портрет своей любимой, то облегчённо вздохнул. Схватила и его стража и привела во дворец. Узнала девушка-падишах в нём юношу, у которого было сорок инчегуз, и приказала обращаться с ним как с гостем.

Расскажу теперь я вам про атамана, которому девушка отрезала нос и одно ухо.

Когда разбойники напились и крепко уснули, атаману приснился сон, будто он обнимает свою избранницу и целует её. Но это был только сон. А когда он проснулся, то увидел, что все его друзья-разбойники мёртвые лежат, а девушки исчезли. Он в ужасе схватился за голову и понял, что ему отрезали нос и ухо.

– Да гореть мне в огне! – воскликнул тогда атаман. – Я, гроза всем и всему на море и на суше, убью эту подлую обманщицу. Найду её живой или мёртвой!

Много ли дорог обошёл атаман разбойников, сколько раз поднимался в гору и спускался с горы, мы не знаем, но пришёл он, наконец, к тому городу, где правила девушка-падишах.

Так же, как и других странников, накормили его чуреками и напоили водой из колодца. Вдруг увидел атаман портрет девушки, которая перехитрила его, и даже изменился в лице. Стража, увидев это, схватила его и привела к своему падишаху. Девушка узнала атамана разбойников и приказала заключить его в зиндан, как молодого падишаха и рыбака.

Через несколько дней девушка-падишах издаёт приказ: в такой-то день все жители города не должны работать, а все от семи лет и выше должны прийти на мейдун, где будет необычное зрелище.

К этому дню город разукрасили красными полотнами. В красный наряд оделась и девушка-падишах. Села она на свой трон, а по бокам встали все её сорок везиров и векилов. Приказала девушка-падишах гаравошам снять с ворот четыре портрета, принести и выставить их здесь на площади. Приказ тут же был выполнен – принесены были все портреты.

Горожане ждали, что же будет дальше, что задумал их падишах. Девушка приказала привести арестованных, которые были схвачены у городских ворот, а гаравошам обнажить свои сабли. Первым вывели на середину мейдуна падишаха города, где жила она с отцом.

– Эй, первый арестованный, – обратилась девушка-падишах к молодому падишаху, который силой хотел взять её себе в жёны. – Ты видишь всё это?

– Вижу, – ответил арестованный.

– Это для тебя приготовлено... Рассказывай всю правду: кто ты, откуда и почему, глядя на портрет, в злобе сжал кулаки?

– Да продлятся дни твои, падишах, – начал арестованный и рассказал всю правду: кто он, откуда и что он хотел силой заставить одну красавицу выйти за него замуж, и что эта девушка в ночь свадьбы сбежала, а он в отместку убил её отца, разрубил на куски, а тело его отдал собакам на съедение.

– А имел ли ты какое дело с той красавицей? – спрашивает падишах.

– Она даже и обнять себя не разрешила. Сказала, что у неё болит живот и она хочет выйти во двор, но я разрешил идти только на чердак. Пошла она на чердак и оттуда спустилась вниз по верёвке и сбежала.

– Поклянись, что ты говорил правду.

Молодой падишах поклялся могилой своего отца, ибо эта клятва в те давние времена была самой убедительной клятвой.

Затем на площадь вывели двоюродного брата красавицы. Те же вопросы были заданы и ему. Сквозь слёзы юноша рассказал, что была у него двоюродная сестра, девушка с сорока золотыми косами, что они любили друг друга и были наречёнными.

Чего вам утруждать головы – рассказал он всё, как было. Рассказал, как он голодал, а брошку её не продал, ибо это была память о его любимой.

– Как же я мог не вздохнуть, увидев её портрет на воротах этого города, – сказал он и добавил, обращаясь к людям: – А вы не знаете, где она? Жива ли, мертва ли?

Все молчали, не зная, что и говорить.

Потом на мейдун вывели рыбака, который разлучил влюблённых. Задали ему те же вопросы. И лодочник рассказал всю правду, ничего не выдумывая и не скрывая.

– А не обидел ли ты девушку? – спросил его падишах.

– Она сказала мне: «Не подходи, иначе брошусь в море». Я испугался и не тронул её, – ответил рыбак.

Затем вывели на середину городской площади сына падишаха, хозяина сорока инчегуз. И он рассказал всю правду о том, как встретил и полюбил красавицу и как она сбежала на его корабле.

Наконец привели безносого атамана. Он тоже рассказал всю правду.

– А ты овладел этой красавицей? – спросил падишах.

– Нет, да простит мне Бог, если вру, – ответил атаман и добавил:

– Я рад, что мне голову не отсекли, как моим сорока разбойникам.

Собравшиеся посмеялись над словами безносого атамана, а девушка-падишах сказала:

– Люди, стража и старшины города! Ещё ни в одном падишахстве не было такого суда, как тот, что вы здесь видите.

Вот моё решение. Молодого падишаха, который силой хотел жениться на девушке, разлучил её со своим наречённым, убил её отца, тело его разрубил на куски и бросил на съедение собакам, – казнить. А тело разрубить на куски и тоже бросить псам. Согласны ли вы с моим приговором?

– Согласны! – закричали горожане.

– Рыбака, который разлучил влюблённых, а юношу бросил в открытом море, я приказываю тоже казнить, – продолжила девушка-падишах.

Горожане одобрили и это решение.

– А тебе, безносый атаман, я оставлю жизнь. Ты не причинил девушкам зла, а сам уже наказан.

Горожане одобрили и это решение своего падишаха.

Затем горожане увидели, что их повелитель снимает с себя папаху, и перед собравшимися предстала красавица с сорока золотистыми косами. Если у человека два глаза, то нужно ещё два, чтобы любоваться такой красотой.

– О, дорогой мой двоюродный брат, – сказала девушка, – вот я перед тобой. Если ты не передумал, я готова стать твоей женой.

Юноша бросился к ней. Они обнялись, стали целовать друг друга и плакать от радости.

Затем красавица приказала своим сорока везирам снять с себя мужскую одежду, и перед горожанами предстали сорок девушек – одна красивее другой.

– О, добрый юноша, – обратилась красавица к сыну падишаха, который был влюблён в неё. – Вот твои сорок инчегуз, все они живы и здоровы. Желаю тебе всего хорошего.

Затем, обратившись к жителям города, красавица сказала:

– Дорогие горожане, я снимаю с себя одежду падишаха, и если вы согласны, то наденет её мой муж. Пусть отныне он будет падишахом. Если же вы не хотите этого – мы уйдём, а у вас будет другой падишах.

– Пусть он будет нашим падишахом! – в один голос закричали горожане. А один из старцев города подошёл к падишахскому трону, взял корону и торжественно надел её на голову юноши.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбу. Сорок дней и ночей пили, танцевали, веселились жители этого города.

А наречённые, на долю которых выпало столько тяжёлых испытаний, были наконец вместе. Недаром говорит народная мудрость: «Испытавшие трудности знают цену жизни, а любви – тем более!»

Во галам, во салам,
Сказка вам, а мне галам...

Судьба

екогда жил один правитель, и было у него два советника: советник правой руки и советник левой руки. Нужно сказать, что тому и другому было по тридцать лет, оба были женаты, и каждый воспитывал двоих детей – сына и дочь.

Однажды правитель в честь какой-то радости устроил пир, и на пиру том были оба советника. Но надо же такому случиться – захмелевший правитель спросил своих советников:

– Блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

Три дня и три ночи дал им правитель на размышление и не забыл при этом предупредить: если они к сроку не дадут верного ответа, то он не замедлит прогнать их.

Вернулись в этот вечер советники к себе домой в тревоге и печали, не зная, как угодить своему правителю. Какие только ответы не рождались в их голове, но все они были неубедительны, и советники, понимая это, так и не решались предстать перед своим правителем.

«Чего доброго, не угодишь и изгнан будешь», – думал каждый из них.

Решил тогда советник правой руки поведать обо всем жене и совета просить.

Посмотрела жена на мужа, ухмыльнулась, обняла его и, глядя по голове, спешно и уверенно выпалила:

– Глупенький мой, конечно же, блага жизни в молодости хороши. Как-никак молодость – время увеселений и всяких увлечений. Когда же блаженствовать, если не в молодости? Старость – не радость, известное дело.

Обрадовался советник правой руки ответу жены и со спокойной душой лёг спать.

«Эх, и удивлю же я своим ответом правителя», – утешил он себя, засыпая, и не заметил, как невидимое ухо слышало всё и запоминало.

А между тем советнику левой руки было не до сна, и не искал он для себя утешений. Он то и дело ворочался в постели, возбуждённо думая и не находя верного ответа на заданный правителем вопрос. Все три дня и три ночи он неистово терзал себя и ни разу не сомкнул глаз, да и к еде ни разу не прикоснулся. Забеспокоилась жена таким странным поведением мужа и нашла нужным спросить его:

– Милый, вижу, тяжёлый камень лежит у тебя на душе... Может быть, нам вдвоём легче будет сбросить эту тяжесть и облегчённо вздохнуть?..

Рассказал ей муж всё как есть и спросил:

– Как ты считаешь – блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

И ответила ему жена так:

– Блага жизни на старости лет хороши... Молодость сама по себе благодать. Да и судьба детей во многом зависит от жизни родителей на старости лет. Если родители лишены благ жизни, то и детям они ничего не могут дать.

На третий день пришли к правителю оба советника, дали свои ответы и стали ждать, какое решение будет вынесено.

– Так и быть! – многозначительно сказал правитель: – Ты, советник правой руки, продолжай блаженствовать до самой старости.

Услышав такое решение, советник правой руки упал на колени перед правителем и стал воздавать ему хвалу, одаривать добрыми

пожеланиями и с радостной вестью поспешил к жене. Слышало всё незримое ухо и старалось не запомнить.

А советнику левой руки правитель сказал так:

– А ты, советник левой руки, возьми семью свою и ступай куда глаза глядят и там дожидайся своей старости. Может быть, она у тебя и вправду блаженна и радостна будет. Слышало всё невидимое ухо и запоминало.

Ничего не оставалось делать советнику левой руки, пришёл он к себе домой, рассказал обо всём жене и горько заплакал.

– Ничего не поделаешь, – сказала жена, утешая мужа, – нужно будет лёгкое взять, а всё тяжёлое продать или бедным раздать, а самим идти в какую-нибудь другую страну.

И через несколько дней бывший советник взвалил себе на спину два огромных баула – один с едой, другой с одеждой, жена взяла детей за руки, и они покинули земли своего правителя и пошли неведомо куда; только невидимый глаз Судьбы всё видел и старался всё запомнить, запечатлеть.

Много дней и ночей были они в пути, с восхода солнца и до его заката предавались дороге. А в конце дня они останавливались там, где ночь заставляла, и, съев свой скудный ужин, ложились спать. Постелью для них была трава, а одеялом – звёздное небо, под головы клали они свои печальные мысли и тяжёлые думы – и так до рассвета спали, отходя от дорожной усталости. А с восходом солнца опять предавались дороге и шли неведомо куда, пытая Судьбу надеждой на то, что дорога – всегда дорога и она в конце концов приведёт их к какому-нибудь человеческому жилью. Но на сей раз дорога вместо жилья привела их к быстротечной, бурлящей горной реке, через которую можно было перейти только вброд. И бывший советник поправил на спине баулы, жена покрепче взяла детей за руки, и они стали, с трудом переставляя ноги, переходить бурную реку. Только было дошли до середины реки – о Худо! – и надо же такому случиться: напористое течение свалило с ног жену бывшего советника, мальчика вырвало из её рук, и он поплыл по реке, словно щепка какая, беспомощная и неподвластная своей воле. Кинулась мать с криком помощи за сыном своим, надеясь спасти его, да и дочурку выпустила из рук. Как ни старались муж и жена спасти своих детей, но так и не смогли.

Упал в огонь – дым возьмёт, упал в реку – вода возьмёт. Так и случилось на этот раз: взяла река детей и унесла неведомо куда. Ко всем горестям бывшего советника и его жены прибавилось ещё одно неизгладимое горе. Слышала и видела всю эту трагедию незримая человеческому глазу Судьба и постаралась всё-всё запомнить, запечатлеть.

Как бы то ни было, перебрались супруги на другой берег... Сколько они рыдали и молили Бога о помощи, нам не ведомо. Знаем только, что снова предались они дороге. Идут день, второй, третий... На глазах слёзы, на душе – камень, а впереди дорога без конца и края. Но в один из дней, когда они шли густым лесом, – и надо же случиться ещё беде, – напали на них разбойники, схватили жену бывшего советника, насильно посадили на коня и скрылись в лесу.

Остался бывший советник совсем один, без детей, без жены, безо всякой цели в своей жизни. Сел он на землю и заплакал – да так горько, что там, где на землю падали его слёзы, трава пожухла. Увидевший это не выдержал бы, чтобы тоже не расплакаться. Но слезами горю не помочь, от Судьбы никуда не деться. Связал бывший советник горе своё в один узел, положил за пазуху, на дно души, и пошёл дальше, уповая на Божью милость, но куда идёт – и сам не знает, не ведает.

Много дней и ночей бродил он по чужим и безлюдным местам. Много рек и лесов прошёл, но ни одной живой души так и не встретил, не нашёл: видно, не теми дорогами шёл. А когда совсем усталость к земле гнула, ложился там, где ночь его заставляла, и начинал свой горестный узелок развязывать – жену и детей вспоминать. Утром, с восходом солнца, так и не сомкнувши глаз, свяжет он своё горе в узелок, спрячет снова на дно души и опять зашагает то лесом, то оврагами. А если пить захочет – то в одной реке, то в другой, то в третьей напьётся. А есть захочет – то в одном, то в другом, то в третьем лесу диких яблок нарвёт. Как говорится, что бы ни есть, лишь бы есть, дабы от смерти себя сберечь.

Но в один из дней Судьба повела его по дороге через огромный сосновый лес, и слышит он в этом лесу – топоры стучат, деревья с треском валятся. Пошёл он на этот шум и видит: стоит низенький деревянный домик, а невдалеке люди сосны рубят, затем связывают

их по несколько штук и в реку сталкивают. Подошёл к ним бывший советник, поклонился и говорит:

– Вижу, вы люди добрые. Возьмите и меня к себе на работу. Я странник, и никого у меня нет. А иду я из далёких мест.

– Ну что ж, коль не боишься работы, оставайся с нами, – ответили ему лесорубы.

И стал бывший советник новое дело осваивать. Ещё солнце не успеет проснуться, а лесорубы уже топорами стучат. А вместе с ними и бывший советник своим огромным топором сосны рубит, да так, что щепки в стороны летят, а с него самого пот градом льётся. И так целыми днями работал бывший советник и в работе горе своё старался забыть, хотя бы на время. А поздно вечером, бывало, вернётся он с работы усталый, ляжет спать – только сон к нему всё не приходит. Лесорубы уже давно спят, а бывший советник лежит с открытыми глазами и уже в который раз горестный узелок развязывает – жену и детей вспоминает.

Много лет прошло с тех пор, как начал работать с лесорубами бывший советник, – он даже счёт времени потерял. Голова его поседела, сам он сгорбился, а руки очерствели от такой непосильной работы; лицо покрылось глубокими морщинами. А он всё никак не мог забыть своё горе непосильное. И каждую ночь, ложась уставший, то и дело распутывал горестный узелок свой, вспоминая жену и детей.

Пусть пока бывший советник живёт и трудится изо дня в день в этом лесу. А мы вернёмся к тем далёким временам, когда разбойники схватили и увезли его жену.

...В одном лесу под могучим деревом зияла своей таинственной пустотой пещера. Жили в этой пещере сорок разбойников. Занимались они тем, что совершали налёты на дворцы богатеев и грабили путников, шедших через дремучий лес. Тем промышляли и довольствовались.

Бриллиантами, жемчугами и золотом освещалась их пещера – так было всего много. Всё они могли достать и сделать, имея такое богатство. Но только одного не могли: найти женщину, которая бы добровольно согласилась жить с ними в лесу, готовить еду и стирать одежду. Была у них когда-то прислуга, но, лишённая общения

с людьми, умерла, как птица в клетке: не смогла, бедная, привыкнуть к неволе и к непосильным своим обязанностям. Похоронили её со всеми почестями, даже в могилу кувшин золота и драгоценные камни положили, мол, за честную службу. Погоревали разбойники, а затем и спросили сами себя: кто же будет теперь еду готовить, одежду стирать? Спросили и тут же решили: нужно где-то найти другую женщину.

И надо же такому случиться – в это самое время через этот лес шёл бывший советник со своей женой. «К разбойникам жертва сама в руки лезет», – говорит народ. Так случилось и на этот раз. Привезли они пленницу в свою пещеру и отдали атаману. Посмотрел он в её глаза и увидел безропотное смирение и полное безразличие ко всему происшедшему. Не выдержал, чтобы не сказать несколько утешительных слов.

– Тебя здесь никто не посмеет обидеть. Будь нам, сорока разбойникам, живущим в этой пещере, верной сестрой и помощницей. Всё у нас есть, но нет женщины, которая бы нам готовила еду и одежду стирала. Вот потому-то мы и похитили тебя. А грабим мы только правителей и всяких там богачей... Вернее сказать, тех, кто народ грабит. Я знаю, женщина, ты будешь нас хотя бы в мыслях осуждать за такой образ жизни... Да будет тебе известно, что на этот путь толкнули меня и этих юношей сами правители и богатеи. Они считают, если мы из бедных, то не достойны взять в жёны их дочерей. Амбары оширов ломятся от всякого там богатства. А откуда всё это у них? Они же палец о палец не ударяют. Это всё за счёт нас, которых они превратили в своих рабов... Ну, ладно, одевайся в мужскую одежду, будешь не сестрой нам, а сорок первым братом, который нам еду готовит и одежду стирает. Никто тебя не посмеет тронуть или оскорбить. Законы наши суровые. Кто нарушает их, того тут же вешают или сжигают на костре...

– Верно я говорю, ребята? – обратился атаман к разбойникам.

– Верно, – хором ответили они.

А атаман добавил:

– Клянитесь быть верными братьями нашему новому брату!

Разбойники обнажили свои кинжалы и крикнули:

– Клянёмся быть верными братьями нашему новому брату!

И стала бедная и несчастная жена бывшего советника на сорок человек готовить еду, стирать и всякую другую работу выполнять.

Вскочат разбойники на своих скакунов – только топот в лесу раздаётся – и ускачут на разбой. А бедная женщина вспомнит детей своих, в реке утонувших, мужа вспомнит, неведомо где находящегося или, может, вообще уже погибшего, наплачется вволю, до последней слезы. Что поделаешь: в мире одни плачут, другие смеются... Такова жизнь, а в жизни различные судьбы и промысел Божий каждому свой, и никто не знает, кому что уготовано и кого куда судьба заведёт и куда выведет... В голове её горестные думы и воспоминания, в глазах слёзы, а в руках бесконечная работа. А к возвращению разбойников она расставит на столе сорок мисок, положит в них жаркое, шашлыки подаст на шомполах, выкатит из погреба бочку вина и тоже – на стол... Вернутся разбойники с добычей, а здесь такой уют и покой, будто бы совсем не разбойничье логово, а дом родной, – и всё это создано неутомимыми руками жены бывшего советника. Чего скрывать, нелегко всё давалось этой обиженной судьбой женщине. А когда разбойники отправлялись на грабёж и отсутствовали несколько дней, а такое бывало – и довольно часто, к изнурительной усталости ещё прибавлялся и ужасающий страх: как-никак на весь огромный лес она оставалась совсем одна. Услышит, как скрипнет дерево, а ей кажется, что злой дух к ней в пещеру крадёт. Или услышит крик шакала или другой какой ночной твари, и опять её страх дрожью в теле колотит, а то и остриём кинжала под самое сердце кольнёт.

А между тем за ежедневными заботами пленница счёт дням потеряла и не знала, сколько лет и зим она трудится, и днём и ночью обслуживая разбойников. Много слёз пролила она, оплакивая свою несчастную судьбу и вспоминая детей и мужа, отчего глаза её поисохли, а сама она осунулась, будто годами ничего не ела. Что и говорить, много трудностей пришлось ей пережить, и эти мучительные испытания сгорбили её в прошлом стройный стан, а лицо покрылось сетью морщин. Бог весть сколько белья перестирала она за эти годы, отчего её нежные и мягкие в прошлом руки стали высохшими, как лапы старой вороны.

Видели всё это разбойники и жалели её, но вслух этого не высказывали.

И вот однажды они вернулись после удачного дела и привезли с собой молодую, полную сил и здоровья девушку.

– Будешь обеды нам готовить и одежду нашу стирать, – сказал атаман новой пленнице.

А спустя несколько дней атаман спросил у жены бывшего советника:

– Хотела бы ты уйти от нас? Быть свободной?

– Куда мне теперь идти, у меня ведь никого и нет. Был муж, и тот неведомо где и что с ним... Нет, не хочу, – ответила она, а сама подумала: «А что если уйти в ту сторону, куда мы шли с мужем? Может быть, там и отыщу его?»

А ещё через несколько дней атаман, видя, как бедная женщина затосковала, снова сказал ей:

– Дорогой наш брат, конечно, мы сами не хотели бы тебя отпустить, но видим: ты с нами, а душа твоя не переставая страдает. Глазами смотришь на нас, а кого-то оплакиваешь... Уходи, если хочешь... Бог да поможет тебе!

И она согласилась уйти. Наполнили разбойники ей в дорогу два полных хурджуна золота и драгоценностей, пожелали счастливого пути, и она, одетая в мужское платье, отправилась в путь. Днём в пути, а ночью найдёт в лесу дупло, спрячется и переночует, дрожа от страха. И так много дней и ночей, сменяя усталость на страх, страх – на усталость, шла через леса и по долинам, по горам и ущельям, и наконец дорога привела её в тот самый лес, где бывший советник стал лесорубом. Вошла она в этот лес и слышит – стук топоров раздаётся. Заспешила она на шум, бежит, спотыкается, ветками лицо себе царапает – только бы душу живую встретить и дорогу в нужную страну расспросить. И вдруг увидела она седого человека, который рубил огромным топором толстую, в несколько обхватов, сосну. Безмерно обрадовалась женщина встрече, приблизилась к нему, поклонилась и спешно спросила, по какой дороге идти ей в такую-то страну.

А лесоруб выпрямился, вытер со лба пот и спрашивает:

– А зачем тебе в ту страну идти?

И ответила женщина:

– Ищу мужа своего. Вот уже много лет как разбойники нас разлучили... Случайно ты не встречался с человеком, у которого жену разбойники в лесу похитили?

Как услышал бывший советник, о чём спрашивают его, так и замер на месте, не зная, что и ответить: ведь он и есть тот самый человек, у которого разбойники много-много лет назад похитили жену. Смотрит он на женщину, глаза свои тарашит, а поверить в то, что перед ним живая жена его, не может. Да как тут узнаешь, если она так состарилась, сгорбилась, истощилась, да ещё вдобавок в мужском наряде. Да и жена не узнала своего мужа и вряд ли бы узнала, если бы он не догадался спросить:

– А скажи, странник, ты случайно не встречал женщину, у которой река унесла детей?

Тут бывшая пленница разбойников посмотрела на лесоруба и узнала в его голосе знакомые нотки:

– Знаю... Знаю... Это я та самая несчастная мать погибших детей и похищенная разбойниками жена бывшего советника.

Бросились они в объятия друг другу. Обнимаются, плачут и не знают, от радости ли плачется им или от тягот пережитого. Но как бы то ни было, наплакавшись, стали они друг другу рассказывать, что пришлось за эти долгие годы разлуки испытать. Наконец, наговорившись, они задумались: как быть дальше? Куда податься? Думали-думали, и муж говорит жене:

– Везде хорошо, где нас нет... Мы одни на всём свете белом, и вместе нам свой век доживать. Останемся и здесь будем жить.

Как решили, так и сделали. Живут они так год, второй... Муж лес рубит, а жена обед на всех лесорубов готовит, бельё им стирает. Но в один прекрасный день один из лесорубов был в городе и слышал, как разъезжавший верхом на коне глашатай объявлял народу, что в таком-то году правитель такой-то страны задал двум своим советникам вопрос: «Блага жизни в молодости хороши или на старости лет?» Того советника, который сказал, что блага жизни в молодости хороши, – он оставил, а того, кто сказал, что блага жизни на старости лет хороши, – изгнал из страны вместе с женой и двумя маленькими детьми. И вот этот самый правитель разыскивает своего бывшего советника и хочет на старости лет создать ему и его семье все блага и тем самым искупить свой грех перед ними и Богом, да заодно и убедиться в правоте ответа на его вопрос.

Выслушал этот рассказ бывший советник и говорит жене:

– Нужно вернуться. Теперь-то и на нашей душе вместо тяжёлого камня лёгкий пух будет... Собирайся!

Сборы были недолгими. Попрощались они с лесорубами и, оставив им хурджуны с золотом и драгоценными камнями, которые жене бывшего советника достались от разбойников, двинулись в путь к своим родным местам.

Долго ли они находились в пути или не долго – это уже и не важно, важно то, что наконец дошли они до дворца и предстали перед правителем. Смотрит на них состарившийся, больной правитель и думает: «И задал же я им трудностей!» – А вслух спрашивает:

– Рассказывайте, где были, как жили?

А бывший советник говорит:

– Всемогущий правитель, вели всем явиться сюда, пусть тоже послушают.

Приказал правитель всем собраться в приёмном зале, а когда собрались, бывший советник начал рассказывать, что ему пришлось испытать за все эти долгие годы. Выслушал правитель и удивился: как только смог выдержать эти тяготы его бывший советник левой руки?

Затем о своих страданиях рассказала и жена бывшего советника.

Слушал-слушал правитель рассказ женщины и не выдержал, чтобы не прослезиться. Слёзы сострадания лились и у всех присутствующих здесь людей, и каждый из них то и дело восклицал: «О Худо! Как же они все эти ужасы вынесли!» Невидимое ухо слышало эти возгласы и запоминало. А невидимое око видело слёзы сострадания и тоже старалось запечатлеть их в сознании.

– А где же ваши детки? – утирая слёзы, спросил, наконец, правитель.

– Их река унесла, и мы не знаем, живы они или утонули, – ответили бывший советник и его жена.

Все присутствующие здесь стали высказывать свои предположения: одни утешали, говоря, что бывали чудеса, когда вода выносила тонущих на берег; другие сомневались и не верили в чудеса; третьи полагались на Бога, говоря: на всё, мол, воля Божья...

Кто знает, как долго продолжались бы эти рассуждения, если бы старый и больной правитель, хлопнув в ладоши, не призвал бы всех выслушать то, что он хочет сказать.

А сказал он вот что:

– Да, много горя пришлось испытать за эти долгие годы моему советнику левой руки, и всё это по моей глупой прихоти. За это я уступаю ему свой трон. Пусть пожинает блага жизни на старости лет – он это выстрадал. А вот мой советник правой руки все эти годы в меду и в масле со своей женой и детьми купался да весельям предавался. Теперь настал его черёд покинуть мою страну и испытать свою судьбу на старости лет. Как мне помнится, блага жизни ему в молодости хороши были.

Собрал советник правой руки хурджуны в дорогу, взял с собой жену и детей и покинул своё тёплое, насиженное место. А бывший советник левой руки спустя несколько дней вступил на правительственный престол и стал на старости лет вести государственные дела и пожинать вместе с женой блага жизни.

Вскоре умер и бывший правитель, предали его тело земле, как и подобает, со всеми почестями, и каждый занялся своими делами.

Шли годы, новый правитель и жена его постепенно оправились от былых тягот и недугов. Лица их, испещрённые глубокими морщинами – следами многолетних тягот и лишений, стали разглаживаться. И они уже о трудных и мучительных днях своей жизни вспоминали всё реже и реже.

Только одно горе угнетало их сознание и душу: это неизвестность о судьбе детей, которых унесла быстротечная река. Недаром же в народе говорится: «Одно горе сильнее, чем сотни радостей». Так было и с ними.

Но вот однажды жена и говорит мужу:

– Теперь ты почитаемый правитель. Всё у нас есть, только вот детей нет. Пошли глашатаев во все концы света... Пусть объявят, что правитель такой-то страны разыскивает своих детей, которых в таком-то году в таком-то месяце и в такой-то день унесла река... Если живые – объявятся, если мёртвые, то кто-то же мог видеть их тела.

Послушался правитель жену свою, послал глашатаев и стал ждать.

Пусть глашатаи объявляют послание своего правителя, а бывший советник и жена его дожидаются вестей. Я расскажу вам про те времена, когда быстротечная река унесла бедных деток неизвестно куда – то ли на дно затянула, то ли...

...На берегу одной реки стояла старая, покосившаяся мельница, и работали на этой мельнице муж и жена. Детей у них не было, а жили они тем, что мололи хозяину зерно, а то, что оставалось на жерновах, скребли и выпекали лепёшки. Несмотря на бедность, они часто с досадой говорили: «Эх, кабы был у нас ребёнок, пусть даже слепой или горбатый, только бы в нашем доме ребячий крик раздавался». А люди им в ответ осуждающе говорили: «Самим-то есть нечего, а тут ещё ребёнка хотите». На это мельник и его жена отвечали им такими словами: «От своего рта бы отнимали, а малыша кормили... Только бы был он у нас».

Какие только травы и корни не ела жена мельника, какие не читала наговоры, а ребёночка родить так и не могла.

Однажды утром вышел мельник на берег реки и видит: двоих малых деток быстрое течение реки несёт по направлению к мельничному колесу и вот-вот вращающееся колесо подхватит лопастями бедных деток и раздробит на куски. Ужас охватил мельника от предстоящей трагедии; прыгнул он, не мешкая, в реку и стал тонущих толкать к берегу. С трудом вытащил их, а они лежат бездыханные; изо рта, носа и ушей пена выходит, тельца синие-синие, будто кто избивал их до синяков.

Видело всё это невидимое око Судьбы и старалось всё запомнить, запечатлеть.

А мельник тем временем положил спасённых детей на спину, придавил им животы – из носа, рта и ушей потекла вода, и так несколько раз. Затем вдул им в рот воздух, и они ожили, приоткрыли глаза, а через некоторое время и на ноги встали. Обрадовался мельник: одного ребёночка хотели, а тут сразу двоих – мальчика и девочку – Бог принёс.

Привёл мельник спасённых им детей в дом и говорит жене:

– Ты всё ребёночка хотела... Вот тебе сразу двух красавцев... Нам их река принесла... Растить их теперь...

Обрадовалась сначала жена мельника, а потом спохватилась:

– И самим-то есть нечего, чем же их кормить?!

А мельник в ответ:

– Тьфу, болтушка, что сами будем есть, то и им дадим... Пеки скорее лепёшки... Детки наши голодные.

Побежала жена на мельницу, соскребла с жерновов мучную пыльцу, с пола всё подмела и в совок собрала, да и лепёшек напекла. Накормила она детей, кипятком запить дала и стала расспрашивать: как зовут, есть ли у них мать и отец, где они живут?

Рассказал мальчик, как отец и мать, переходя реку, уронили их, а быстрое течение подхватило и понесло; а где они живут – они не знают.

Выслушала детей жена мельника и говорит мужу:

– Похоже, их просто-напросто утопить хотели.

– Похоже, так, – согласился мельник.

– Ой, ой, бедненькие мои детки. Никому я вас не отдам... Ешьте! Ешьте! – обнимая их, стала причитать жена мельника.

И стала она заботиться о них как о собственных детях. Целыми днями теперь пребывала она на мельнице. Муж хозяйское зерно мелет, а она мучную пыльцу к пыльце собирает, а к вечеру наскребет миску муки, замесит тесто, лепёшек напечёт да на стол подаст. Едят детки, кипятком запивают и горя не знают.

Вскоре они подружились с соседскими детьми и в разные игры стали с ними играть. Полюбили их соседские ребята за находчивость в играх и честность в поступках, и потому каждый желал играть только с ними, а не с хозяйскими детьми, которые были драчливыми и жадными.

И вот однажды пришли хозяйские дети к отцу своему, хозяину мельницы, и со слезами на глазах жалуются:

– Все соседские ребята с детьми мельника играют, а с нами не хотят.

И решил тут злой хозяин лишить мельника и той мучной пыльцы, что скребла его жена с жерновов и детей кормила.

Пришёл он на мельницу и говорит:

– Эй, мельник, вот тебе веничек, будешь с жерновов мучную пыльцу в мешок сметать... И помни, чтоб ни пылинки на жерновах не оставалось... А то, ишь ты, на моём добре чужих детей растишь.

Понял мельник, что хозяин всё это от зависти делает. Взял он веничек и ни слова не посмел сказать. Попробуй сказать – хозяин тут же выгонит, тогда и без крыши какой-никакой останешься. Так во все времена было: хозяевам перечить нельзя, исход худой бывает.

Призадумались мельник и его жена: как же быть? Как же дальше деток своих растить и чем кормить? Думали-думали и надумали – брать детей с собой на мельницу. «Пусть целыми днями на мельнице сидят и мучную пыль глотают. Глядишь, что-то и в животе будет». Как порешили, так и сделали. Взяли детей с собой на мельницу, посадили вблизи жерновов, а сами трудом заняты. Сидят дети весь день, мучную пыль глотают, а ту пыльцу, что на лице и на одежде оседает, языком вылизывают и тоже в рот. И так день, другой, третий... А спустя несколько дней после этого они заболели, кашлять стали и в постель совсем слегли. Видят соседские ребята, что дети мельника на улицу играть не выходят, пришли их звать, а те и говорят:

– Мы заболели и есть сильно хотим, а есть нечего.

Принесли им соседские ребята кто что смог раздобыть: кто кусок лепёшки, кто луковицу, кто морковку с огорода. Поели дети мельника и поправились. А вскоре и на лужайку пришли в лапту играть. Играют они, а соседские ребята им опять угощения несут: кто кусок лепёшки, кто луковицу, кто яблоко.

Прожили кое-как ещё год, второй, третий... Но однажды стряслась беда для всех: градом побило огороды, сады и хозяйское пшеничное поле, – словом, всё побило градом в этих местах, да так, что ничего нигде не осталось. Коль нет зерна, нет и мельнице работы. А коль нет мельнице работы, то и мельник не нужен. Выгнал хозяин мельника.

– Живи где хочешь и как знаешь. Мне самому скоро есть нечего будет, – сказал он.

Осталась семья мельника без крошки хлеба, без крыши над головой. Долго раздумывал мельник над тем, как дальше жить. Разные мысли и заботы одолевали его. И тут он повздыхал-повздыхал и говорит жене:

– Нет у нас теперь и крыши над головой, да и есть нечего. Так, глядишь, и сами помрём, и детей загубим... Давай отвезём их в какой-нибудь большой город и там оставим, – кто-нибудь сжалятся, возьмёт их к себе и вырастит.

Расплакалась жена мельника, колени свои щиплет, по лицу себя бьёт, плачет.

– Нет, – говорит, – никому не отдам деток своих. По миру пойду, попрошайничать буду... Что с нами будет, то пусть и с ними будет... Гляди, как к нам привыкли. Папой и мамой нас называют.

Через несколько дней мельник с женой и их дети пошли по миру попрошайничать.

Шли они по разным городам и поселениям, прося милостыню, и наконец добрались до одного древнего города. Пришли они на базар, расположились у входа и стали милостыню просить. Целый день просили, а всего кусок чурека и одно гнилое яблоко заработали. Разделила жена мельника чурек и одно гнилое яблоко пополам – детей накормила, а сама с мужем голодной осталась. Вечером отыскали они в этом городе заброшенный сарай и переночевали в нём. А наутро опять пришли на базар и сели у входа просить милостыню. Целый день просидели, а всего одно гнилое яблоко заработали. Разделила жена мельника яблоко пополам, детям дала, а сами снова голодными остались. Переночевали они и вторую ночь в том же сарае, а утром опять на базар отправились попрошайничать. Только на этот раз мальчик и говорит матери:

– Нет, так дальше нельзя... Я пойду к кому-нибудь на работу наймусь.

Пришёл мальчик на базар и видит – один человек купил мешок картошки и кричит:

– Гей, амбал, где ты?.. Тьфу, как назло, ни одного не видно.

Подбежал тут к нему приёмный сын мельника и говорит:

– Дяденька, давайте я вам помогу... Отнесу мешок, куда скажете.

Взвалил мальчик тяжёлый мешок на спину и пошёл вслед за хозяином. Когда он принёс этот мешок картошки куда нужно, человек дал ему за труд чёрный пятак. Взял мальчик свой заработок и снова прибежал на базар. Нанялся он в амбалы к другому человеку, отнёс ему домой корзину яблок и груш, а тот его яблоком угостил да чёрный пятак дал за труд. Прибежал мальчик снова на базар, ищет, кому бы ещё что-нибудь отнести. Вдруг слышит – кто-то зовёт его:

– Эй, мальчик, не поможешь ли арбу разгрузить? Я тебе за это целый арбуз дам.

– Помогу, – говорит мальчик.

Разгрузил он арбу, получил свой арбуз и сразу домой прибежал.

– Вот, – говорит, – заработал.

Взяла жена мельника два чёрных пятака – первый заработок сына, руки ему целует.

– Дожила, – говорит, – когда сын сам стал зарабатывать да нас кормить.

В этот вечер купила она за два чёрных пятака еды, разрешила арбуз, и они все вкусно поужинали, а потом заснули спокойным сном.

А наутро мальчик опять пошёл на базар на заработки. А с ним и сам мельник отправился.

И стала вот так жить в большом древнем городе семья мельника. Что утром заработают – вечером едят; что вечером – откладывают.

Но как-то мальчик говорит:

– Нужно бы купить брёвна, чтобы крышу сарая починить. Скоро зима наступит, перемерзнем.

Купили брёвна, отремонтировали крышу заброшенного сарая и перезимовали в нём. А весной, откуда ни возьмись, у этого заброшенного сарая нашёлся хозяин. Выгнал он их да ещё обругал за самовольность. Осталась семья мельника опять без крыши над головой. Днём они приходят на базар на заработки, а ночью под чужим забором ночуют. Надоела такая жизнь мальчику, и он предложил построить где-нибудь на окраине города свой домик. Стали они иначе жить: что утром заработают – на постройку домика откладывают, что вечером заработают – тратят на еду.

Вскоре накопили они немного денег, выстроили себе домик на окраине города и стали жить. С утра отец и сын на базар на заработки идут, а вечером под свою крышу возвращаются.

И так жили они год, другой, третий.

Но в один из дней сын мельника, вернувшись с базара поздно вечером, уставший и голодный, задумался: «Не могу же я всю жизнь за такие гроши амбалом быть. Нужно ремеслу какому-то обучиться, да и сестру обучить нужно».

Спустя несколько дней купил брат сестре по дешёвой цене ковровый станок, а на остаток денег и немного шерсти, принёс домой и говорит:

– Учись, сестричка, ковры ткать. Ты будешь ткать, а мать будет продавать.

С этого дня и сестра, и мать мальчика стали ковровому ремеслу учиться. Целыми днями сидят они за станком, а к возвращению мужчин обед готовят.

А спустя ещё какое-то время сын мельника купил себе и отцу своему необходимые для сапожника инструменты, и они рядом со своим домиком открыли сапожную лавку: кто чувяки принесёт починить, кто сапоги, кто чарыки.

И зажила семья мельника на славу. Отец с сыном сапожничают, а мать с дочерью ковры узорные ткут да на базар продавать несут. С этих пор бедность покинула дом бывшего мельника. Недаром народ говорит: «Дети маленькие – обуза родителям, а на старости лет их – подмога».

Глядя на детей своих, бывший мельник и жена его чувствовали, как душа их радостью полнится, и от всего сердца благодарили Судьбу за добрую заботу по отношению к ним – уже немолодым супругам.

Но нет, недолго пришлось им пребывать в такой радости. Однажды отправился мельник на базар. И надо же такому случиться. Идёт он по базару, через толпу пробирается и вдруг слышит, как глашатай верхом на богато убранном коне в длинную трубу трубит и кричит:

– Люди!.. Слушайте!.. Правитель такой-то страны разыскивает своих детей – мальчика и девочку. В таком-то году, в такое-то время мать и отец, переходя вброд реку, нечаянно упустили малых тогда деток из рук, и быстрое течение унесло их... В настоящее время мальчику должно было исполниться столько-то лет, а девочке – на столько-то меньше... Тем, кто спас детей, или тем, кто хоть что-нибудь знает об их судьбе, правитель обещает щедрое вознаграждение и большие почести...

Догадался бывший мельник, что это его приёмных детей разыскивают, и со всех ног пустился к дому. Прибежал и всё, как слышал, жене пересказал, а жена от волнения пальцы кусает и приговаривает:

– Нет, старый, не отдам я никому деток своих. Они мои. Я вся поседела, пока их вырастила... Сама не ела, детям отдавала... Нет! Нет! Не отдам!

Ничего не оставалось старику, кроме как согласиться с мнением жены. А когда лёг он спать, стал размышлять: «Мало ли что мы растили, мало ли что мы всё отдавали им... Каково все эти годы было их настоящим родителям? Они разыскивали их, всё оплакивали, горевали, тоской изводили себя... Нет, не могу я поступить так, как жена того хочет... Над нами Бог есть, и он не простит нам, если мы скроем детей от истинных родителей...»

Встал утром мельник, стал жену упрекать, Богом пригрозил и говорит:

– Собирайся, жена, в дорогу... Нужно детей родителям доставить.

Поначалу жена стала возражать, мол, как же так, растили-растили, а потом смягчилась сердцем и стала в дорогу собираться. По дороге бывший мельник стал рассказывать детям всякие житейские истории, а между тем рассказал всю правду, касающуюся их самих, и даже сказал, что ведёт их к настоящим родителям.

Долго ли они шли, много ли рек, городов и всяких там поселений прошли – это им знать. Но в одно утро дошли они, наконец, до одного старинного города, где везде возвышались красивые каменные дома, храмы с крестами, голубые купола мечетей и множество величественных нимазов. Это и был тот самый город, где правили родители этих детей. Идёт бывший мельник через город, дивится красоте города и его площадей.

Вскоре, пройдя через главную городскую площадь, подошли они к дворцовым воротам и стали проситься лично к правителю. Гаравоши сообщили бывшему советнику, а теперь правителю, что к нему двое странников, а с ними юноша и девушка, на приём просятся. Почувствовала жена правителя, что это не простые посетители пришли. Выбежала она во двор и своим материнским сердцем поняла: стоят во дворе её родные дети. Не раздумывая, бросилась она обнимать и целовать их, целует и плачет. А тут и сам отец вышел и тоже стал своих некогда пропавших детей обнимать, целовать, крепко к груди прижимать. А дети стоят в растерянности и ничего толком понять не могут, стараются высвободиться да к мельнику и его жене жмутся.

И вот тут-то жена мельника сказала своё слово:

– Платок мой к ногам вашим, великий и всемогущий правитель, не нужно нам ваше богатство... Знайте одно: если вы родители детей, то я с мужем в муках и лишениях растила их. Если вы родные им отец и мать, и мы тоже как родные им... Нет, нет, не отдам я вам деток своих.

Жена мельника бросилась к детям, стала обнимать их, обливаясь горячими слезами. Брат с сестрой тоже к ней потянулись, обнимать и утешать стали.

Видя такое дело, своё слово сказала и жена правителя:

– Да, милая женщина. Я рожала их в муках, ты в муках растила. Я в трауре о них света Божьего не видела, ты в лишениях всё им отдавала... Пусть у детей отныне будут две матери и два отца... Оставайтесь навсегда с нами жить!

И остались мельник и жена его жить при дворе, рядом с детьми. И жили они в ладу и согласии, довольствуясь хотя бы на старости лет всеми благами жизни. Говорят, что всей семьёй они посещали намаз и благодарили Бога. И ещё говорят, что правитель ничего не предпринимал без согласования с мельником, и мельник без согласования с правителем ничего решительно не начинал. Словом, жили они так дружно, как бы не смогли жить два кровных брата. Так же дружно жили и их жёны. А дети радовали родителей и придворную знать своими знаниями и рукодельным мастерством.

А через два-три года родители решили женить сына и сказали ему:

– Пора бы тебе, сынок наш, жениться. Уже время... Выбирай себе невесту по душе.

И ответил им сын так:

– Я женюсь только на бедной девушке... Бедные скромны и честны бывают.

Нашли ему девушку-красавицу из бедной семьи, а вскоре и свадьбу богатую сыграли. Весь город пришёл разделить с ними радость. Все здесь – и бедные, и богатые – были равно почитаемы. Много подарков преподнесли гости молодым, а сестра в такой день подарила брату ковёр, сотканный своими руками: там были изображены мельница, где они долгие годы жили, и домик, который они выстроили на окраине города.

– Вот вам мой скромный подарок, – сказала она, обнимая брата и невестку.

Когда ковёр развернули, все так и ахнули, дивясь искусным узорам и тем изображениям, которые были на нём.

– Такой богатый ковёр ещё никто не ткал, – восторженно говорили одни.

– Да, у неё золотые руки! – хвалили другие.

– Это душа у неё золотая, добрая, – высказывали своё мнение третьи.

А сама она, смущаясь, отвечала:

– Да что вы всё меня хвалите. Это вы брата моего хвалите. Это он меня обучиться ковровому ремеслу заставил.

А гости, словно не слыша её слов, всё продолжали:

– Любой дом осчастливила бы эта умница своим приходом.

И тут же на свадьбе брата к родителям девушки приблизились сваты, посланные одним юношей из бедной семьи с тем, чтобы просить у них руки дочери.

Все думали, что родители красавицы откажут и посмеются, мол, дочь правителя и сын бедняка – где это слыхано. А родители девушки послушали и ответили:

– Пусть придёт сам жених и познакомится с нашей дочерью. Если они понравятся друг другу, то быть свадьбе.

А вскоре в правительственном дворце вновь справляли свадьбу. Сорок дней и ночей не смолкали звуки музыки и дробные выстукивания барабанов. Все пели, плясали, шутили, ели, пили араги за здоровье жениха и невесты, их родителей и близких людей.

Спустя некоторое время во дворце один за другим на свет появились мальчик и девочка – это были внуки не только правителя и его жены, но и мельника с женой. И стали теперь и те и другие целыми днями забавляться с малыми детками, радоваться тому, что хоть на старости лет к ним пришли по милости Божьей блага жизни.

А вам, дорогой читатель, наверное, небезынтересно знать, что же случилось с бывшим советником правой руки и его семьёй.

...Много дней и ночей шла семья бывшего советника правой руки степью, а в степи, как известно, ветра сухие дуют, с ног человека

валят, глаза ослепляют. А они шли – искали какой-нибудь большой город, чтоб остаться там жить. Стала их в пути усталость одолевать, а вскоре жена советника совсем с ног свалилась.

– Не могу я дальше идти, – говорит она мужу. – Оставь меня здесь. А сам с детьми иди в город.

А муж ей в ответ:

– Садись мне на спину... Немного понесу... Глядишь, и отдохнёшь.

Села она на спину мужу, так и продолжили свой путь. Долго шли они по дороге и к закату солнца дошли до дремучего леса и решили здесь в дупле огромного дерева заночевать. Утром встали, поели остаток пищи и опять двинулись в путь. Час шли, второй, третий – и всё лесом.

– Похоже, мы заблудились, – с тревогой сказал бывший советник правой руки.

А вскоре внезапно стемнело, поднялся ветер, в небе раздался гул, блеснули молнии, загромыхал гром и хлынул ливень. Ветер был такой сильный, что ветки деревьев со скрипом стали ломаться и с шумом валиться наземь.

– Надо укрытие искать! – встревожился бывший советник правой руки.

Бросились они на поиски укрытия, но, как говорится в народе: «Когда надо – всё не ладно». Так случилось и на сей раз. Промокли они до костей, дрожат, зуб на зуб попасть не может.

– Так и умереть можно, – сказала жена мужу. – Натаскай валёжника и костёр разожги.

Натаскали бывший советник правой руки и его уже не малые дети валёжника, сложили в кучу, а разжечь так и не смогли – всё было мокро, да и ливень пересиливал своей необузданностью тщетное усердие попавших в беду людей. Плюнул с досады бывший советник на свои усилия, мол, и этого пустячного дела не могу сделать; сел на мокрое бревно и отчаянно заплакал, проклиная и упрекая правителя, изгнавшего его, а заодно и ропща на Бога. Видя плачущего мужа, и жена не смогла удержаться от слёз. А дождь между тем, не переставая, лил и лил, и вскоре жена бывшего советника почувствовала во всём теле невыносимую боль, которая выказала себя жаром и удушливым кашлем. Вскоре она в бессилии распласталась на земле,

сильно захворав, пролежала так два дня и умерла. Похоронили её в лесу, поплакали и снова тронулись в путь в надежде добраться до какого-нибудь большого города, чтобы остаться там жить.

Много тропинок исходил отец с детьми в этом дремучем лесу. Много всяких страшных дум передумал он за время безысходного блуждания. А между тем силы стали сдавать, воля покидала его, ноги отказывались передвигаться. Опустился он, совсем обессилев, на пень, с тревогой посмотрел на детей, на их изорванную одежду, на их исхудавшие, измождённые лица и не смог удержаться от тяжёлого вздоха. Опечалились и его взрослые дети. Но слезами горю не помочь. Нужна сила, воля и жизненная смекалка. Но этих качеств бывший советник правой руки так и не нашёл, да и годы были уже немолодые. И пришла ему в голову мысль покончить с детьми и с собой. Отыскал он в лесу толстую палку и думает: «Стукну детей палкой по голове, а потом и себя убью. Лучше смерть, чем такие испытания».

Ходил-ходил он вокруг детей, то с правой стороны подойдёт, то с левой, а ударить их по голове и убить так и не решился – не поднялась рука на собственных детей. «Нет, – подумал он. – Пусть живут. Может, кто и встретится им в лесу и спасёт».

Подумал так и, сказав детям: «Побудьте здесь, а я скоро вернусь», – исчез за деревьями, нашёл крепкое дерево, с трудом взобрался на него, привязал к ветке свой ремень и повесился.

А между тем ждали-ждали дети возвращения отца и, не дождав-шись, отправились в ту сторону, куда он ушёл. Не прошли они и десяти-пятнадцати шагов, как видят – на дереве висит их отец. Испугались дети, увидев такое ужасное зрелище, жутко им стало, и они громко заплакали.

А в это время шли лесом двое охотников и слышат – кто-то плачет. Пошли они к тому месту, откуда доносился голос, и видят: висит на суку мужчина, а внизу – юноша и девушка волосы на себе рвут и криком исходят.

Спросили у них охотники, кто этот человек и кто его повесил.

– Это наш отец, – ответил юноша и рассказал охотникам всё, что с ними приключилось: и о смерти матери сказал, и о том, кем был его отец, и почему они оказались в этом дремучем лесу.

Сняли охотники с дерева покойника, отыскиали в лесу могилу его жены и похоронили рядом с ней. А брата с сестрой взяли с собой и привели в ту самую страну, где они раньше жили.

Подошли они ко дворцу и попросились к правителю. Приказал бывший советник левой руки привести путников к нему и стал спрашивать, кто они и с чем пожаловали.

Рассказали ему охотники о том, как они случайно набрели в лесу на юношу и девушку, как похоронили их родителей.

Понял правитель, что не смог бывший советник правой руки выдержать выпавшие на его долю тяготы Судьбы. Приказал он слугам пойти вместе с охотниками в тот лес, перевезти оттуда тела и захоронить в его городе по местному обычаю.

Сказано – сделано.

А детей-сирот правитель взял на воспитание, вскоре поженил юношу, а затем и сестру его выдал замуж. И, казалось бы, истории нашей конец. Но, несмотря на то, что все блага жизни пожинал советник левой руки на старости лет, одна мысль мучила его. Он не мог разрешить вопрос, заданный ему в своё время правителем этой страны, из-за которого настрадались и он, советник левой руки, с женой в молодые годы, и малые детки его, и на старости лет покойные уже советник правой руки и его жена.

Решил он тогда пригласить к себе мудрецов и спросить: блага жизни в молодости хороши или на старости лет?

Крепко задумались тогда мудрецы, никто не решился ответ дать. Но слышало всё это невидимое ухо и запоминало, видело всё это невидимое око и запечатлело в своём сознании. А иначе откуда бы я узнал эту историю и смог рассказать её вам?

Козни Шагаду

ил в ауле Куччи один очень бедный человек, у которого была большая семья. И однажды у него появилось десять рублей, и решил он пойти в селение Аriskюш купить там немного пшеницы и испечь хлеб для детей, а если что останется, купить и себе пищу. Взял он эти деньги и отправился в путь.

В пути бедняку встретился слепой старец. Он сидел на дороге и, обращаясь к проходящим, говорил:

– О, прохожий, дай мне денег! – и тут же добавлял: – Кто мне от имени дьявола даст пять рублей, тому Шагаду даст пять тысяч.

Удивился бедняк словам слепого старца, но всё же отдал ему пять рублей и пошёл дальше. Идёт и думает: «Дойдут до дьявола слова слепого старца, и он даст мне пять тысяч. Вот здорово!» всю дорогу думал бедняк, что купит на пять тысяч, и не заметил, как подошёл к аулу Аriskюш.

Вошёл он в аул и почувствовал, что изрядно проголодался. Зашёл он к своим друзьям, посидел, поговорил о том о сём, но никто его не угостил даже куском чурека. А между тем голод назойливо кишки выворачивал. Не стал тогда засиживаться бедняк у своих друзей

и пошёл дальше. Идёт и слышит – на другом конце аула играет музыка, свадьбу празднуют.

«Может быть, там дадут мне немного поесть», – подумал он и заспешил, ведомый звуками музыки. Подошёл к дому, где играли свадьбу, и видит: во дворе расстелен огромный персидский ковёр, и сидит на этом ковре ашуг. Он играет на сазе и поёт мугамы, а гости вознаграждают его деньгами. Кто пять рублей положит на медный поднос, а кто и десять рублей бросит.

Достал бедняк последние пять рублей и тоже положил на поднос. «Пять рублей я отдал слепому во имя дьявола, а Шагаду мне и пяти копеек не дал. А эти пять рублей я отдам ашугу во имя Бога. Может быть, Худо вознаградит меня», – утешал сам себя бедняк.

Вскоре гости сели за стол. Чего только не было на столах: зажаренная баранина, бочки вина, на медных подносах жирный плов! «Большое счастье у тех людей, которые будут кайфовать за этими столами», – подумал бедняк, не выдержал и тоже сел за стол. Увидел это хозяин дома, где игралась свадьба, и подозвал бедняка. Посадил он его за отдельный стол, что стоял в углу, и приказал одному из слуг угостить чем-нибудь бедняка.

Поставили перед бедняком стакан чаю и положили большой кусок чёрствого чурека. Поел бедняк и ушёл мрачный и недовольный. «Какой же я дурак! – думал бедняк, возвращаясь в свой аул. – Поверил словам слепого старца и отдал ему пять рублей во имя дьявола. А последние оставшиеся пять рублей – и те ашугу во имя Бога отдал. Видно, Нум-Негир у меня между ног прошёл! – в сердцах сказал он и добавил: – Лучше бы на эти деньги я детям зерно купил».

Дошёл бедняк до того места, где сидел слепой старец, и видит, что на том же самом месте сидит какой-то другой человек. Погружённый в свои грустные мысли, прошёл бедняк мимо этого человека и даже не поздоровался.

– Эй, о чём ты загрустил? – крикнул ему вслед сидевший на дороге человек.

Остановился бедняк и отвечает:

– Как же мне не грустить? Было у меня десять рублей. Пять рублей я отдал во имя дьявола нищему, а пять – во имя Бога ашугу. Сам же вместе с семьёй остался голодным... Потому и грущу...

– О, оказывается, я тебя дожидаюсь на этой дороге, – вдруг говорит бедняку незнакомец. – Я – дьявол. Я сейчас превращусь в мула, а ты отведёшь меня и продашь в селении Захрабкент человеку по имени Мешед-Али.

Не поверил бедняк словам дьявола и решил съязвить:

– Чтоб твоя сегодняшняя неправда пошла вслед за вчерашними байками.

Захотел дьявол, да так громко, что земля под ногами бедняка задрожала. Поверил тогда бедняк, что и вправду перед ним дьявол, и говорит:

– Ладно, превращайся в мула, отведу тебя в селение и продам человеку по имени Мешед-Али. Ну, а чем кончится это дело?

Дьявол подошёл к бедняку, положил ему на плечо руку и говорит:

– Слушай в оба уха. Приведёшь мула в Захрабкент к Мешед-Али и скажешь: «Мой мул стоит десять тысяч, а отдам тебе его за пять». Мешед-Али удивится и спросит у тебя: «Почему твой мул стоит десять тысяч? Это очень дорого». А ты ему и скажешь, что твой мул – не как все мулы. Он – волшебный. Путь, который другие мулы проходят за год, он проходит за час. И ещё: если тебе вдруг нужно будет передать кому-то что-то, ты скажешь всё это на ухо мулу, и он отнесёт твою весть и принесёт ответ... Понятно? – спрашивает дьявол.

– Да, – отвечает бедняк.

Дьявол топнул ногой о землю и тут же превратился в мула. Сел бедняк на мула и отправился в Захрабкент.

Подъехал он к дому Мешед-Али и говорит:

– Мир дому твоему!

– Спасибо! И тебе доброго здоровья, – отвечает Мешед-Али, – будь гостем, заходи!

Загнал бедняк мула во двор и говорит:

– Мешед-Али, купи мула. Дети голодные, потому и продаю.

– Вначале зайди в дом, посидим, поговорим, – предложил Мешед-Али.

Зашли они в дом. Жена Мешед-Али угостила их крепким чаем, выложила на стол соленья. Едят они, говорят о том о сём, о новостях в ауле, и, наконец, хозяин дома спрашивает у бедняка:

– А сколько тебе дать за мула?

– Мой мул стоит десять тысяч, а тебе продам его за пять, – отвечает бедняк.

– Ты что говоришь, такой мул и тысячи не стоит! – удивился хозяин дома.

– Мой мул не такой, как другие. Он – волшебный, – ответил бедняк и рассказал всё, как велел ему дьявол.

– Не может быть! – усомнился Мешед-Али и добавил: – Хорошо, беру за пять тысяч, но сначала давай проверим. Пошлём его в другой город.

Долго думали бедняк и Мешед-Али, куда же послать волшебного мула.

– У меня в Москве живёт брат, – наконец, сказал Мешед-Али. – Я напишу ему письмо, пусть мул отнесёт его и принесёт ответ.

Как решили, так и сделали. Написал Мешед-Али письмо, привязал его к шее мула и прошептал ему на ухо, куда и кому отнести это послание. Выпроводили мула за ворота, а сами вернулись в дом и стали пить чай.

Спустя некоторое время вернулся мул, стал у ворот и кричит:

– И-а-а, откройте!

Вскочил Мешед-Али и видит – на шее мула висит ответное письмо. Взял он письмо, а в письме брат сердится на него, говорит: почему, имея такого волшебного мула, ни разу не приехал?

– Машалла! Машалла! – восхищается Мешед-Али. – Беру твоего мула.

Мешед-Али и бедняк заключили договор о сделке. Взял бедняк свои пять тысяч и довольный направился к своему аулу.

Вышел бедняк из Захрабкента и опять встретился с дьяволом.

– Получил свои деньги? – спрашивает дьявол.

– Получил, – говорит бедняк и благодарит дьявола.

Попрощались они и на том разошлись.

А Мешед-Али решил, не откладывая, поехать к брату в Москву.

– Жена, собери мне хурджун в дорогу, – кричит он жене.

Сложила жена в хурджун чуреков, сыру, фруктов. Взвалил Мешед-Али на животное хурджун, сам сел и погнал волшебного мула по направлению к Москве.

Вышел мул за ворота – да как пустится бежать. Много ли бежал, мало ли пробежал, увидел мышиную норку и залез в неё. Мешед-Али видит, что мул его лезет в мышиную норку, прыгнул, схватил его за хвост и стал тянуть. Вдруг хвост мула оторвался, а Мешед-Али не удержался на ногах, упал на землю и сильно ушибся. Встал он, стряхнул с себя пыль, вытер пот с лица, взял хвост и вернулся к себе домой.

– Что случилось? – встревожилась жена.

– Да чтобы Бог разрушил дом этого бедняка, – зло отвечает Мешед-Али. – Пропали мои пять тысяч. Мул в мышиную нору сбежал.

– В какую мышиную нору? Ты что, с ума спятил?! – говорит жена.

– Мул сбежал в мышиную нору, – опять сказал Мешед-Али и, показывая хвост, продолжил: – Хвост остался, а сам мул в мышиную нору ушёл.

Удивилась такому жена и посоветовала, не откладывая на завтра, отправиться к бедняку.

Пошёл Мешед-Али в аул Куччи, зашёл в дом к бедняку и говорит:

– Да чтобы Бог разорил твой дом, несчастный! Какого мула ты продал мне?

Рассказал Мешед-Али о случившемся.

– Никогда такому не бывать. Чего выдумываешь! Мулу не залезть в мышиную нору, – говорит бедняк.

В ответ ему Мешед-Али показал хвост.

– Зарежь меня, и то не поверю, – опять сказал бедняк.

Заспорили Мешед-Али и бедняк и решили сходить к старосте: пусть он их рассудит.

Пришли они к старосте, рассказали всё, как было, а староста отвечает:

– Пойдите к судье, только он разберётся в вашем споре.

Пришли они к дому судьи, постучались.

– Что привело вас ко мне, уважаемые? – спрашивает их судья.

– Да быть срезанной моей бороде! – отвечает ему Мешед-Али. – Купил я у этого бедняка мула. Мы договорились, что если этот мул сходит в Москву, отнесёт моему брату письмо и принесёт ответ, я беру

этого мула за пять тысяч рублей. Мул отнёс моё письмо и принёс ответ от брата... Я заплатил бедняку за мула пять тысяч рублей. Потом сел я на мула, чтобы самому съездить в Москву. Только выехал за ворота, мул как понесёт меня, а потом увидел мышиную нору и залез в неё.

– Мешед-Али, – смеётся судья. – Мулу не пролезть в мышиную нору.

– Отцом клянусь, что это правда... Схватил я его за хвост, – продолжал Мешед-Али, – и стал тащить. Хвост оторвался – а мул в мышиную нору ушёл... Не веришь – вот хвост!

Мешед-Али не успел вынуть и показать хвост мула, как видит – хвост превращается в барабан.

– Это же барабан, – говорит судья.

«Ведь это был хвост мула! Как же хвост превратился в барабан?» – думает Мешед-Али.

– Огнём клянусь, – говорит судье Мешед-Али. – Вот договор с этим бедняком, по которому я у него мула купил.

Пока он вытаскивал договор, тот успел превратиться в колоду игральных карт.

– Не веришь – вот договор, – и Мешед-Али протянул судье колоду карт.

– Это же карты, – говорит судья и добавляет: – Дорогой Мешед-Али, у тебя разум помутился, над тобой надо заговор прочесть.

Эти слова вконец рассердили Мешед-Али. Он начал злиться и ходить по комнате.

– Успокойся, лучше садись, отведай плова, – предложил судья.

Сели они за стол. Только Мешед-Али коснулся плова, видит – из плова вылезли уши мула. Мешед-Али, не раздумывая, засунул руку в плов и кричит:

– Я поймал его. Он здесь, в плове.

Испугался судья, даже вскочил из-за стола.

– Да, да, он здесь, – продолжает кричать Мешед-Али.

Видит судья, что Мешед-Али и вправду сошёл с ума, и приказал слугам вывести его из дома. А бедняку судья велел удалиться с глаз долой и поскорее.

Направился бедняк домой. Только он вышел на дорогу, а навстречу ему слепой старик. Поздоровались они, рассказали друг другу о злой шутке над Мешед-Али, посмеялись и стали прощаться.

– Да будут тебе на пользу эти пять тысяч. Иди, проешь их на здоровье, – сказал, прощаясь, старик. – Ты, не скупясь, дал мне свои последние пять рублей. За твою доброту я подарил тебе пять тысяч.

Топнул старик ногой о землю и превратился в дьявола.

«Теперь у меня много денег, – думал бедняк. – Нужно пойти в селение Аriskюш и еду детям купить».

Снова пустился бедняк в путь, идёт и думает: «Как же так, пять рублей я дал ашугу во имя Бога, а Бог наградил меня чёрствым чурком и стаканом чая; ещё пять рублей я дал во имя дьявола, и Шагаду вернул мне пять тысяч, как и обещал. Где же правда?»

Но тут бедняк понял, как проголодался, и решил купить себе еды. Но от радости, что у него теперь так много денег, не удержался и выпил араги.

Сколько он выпил, нам не ведомо, только проснулся бедняк где-то в лесу: ни денег, ни одежды, хорошо ещё сам живой.

«Да, – подумал бедняк. – Бог мне хотя бы чёрствый чурек и стакан чая за мои пять рублей дал, а Шагаду что дал, то и взял, да я ещё за это мои пять рублей заплатил».

Правильно говорят в народе: «Подружившись с дьяволом – наказан будешь!»

Отец и сын

В одном ауле жил бедный крестьянин, и был у него сын, которого он очень любил. Однажды отправились они вдвоём на дальнее поле. А дорога проходила через лес. Идут они с мотыгами на плечах и с хурджунами за спиной. Отец вспоминает о том, сколько трудностей пережили они с матерью, пока вырастили сына. А взрослый сын – радость родителей – ни о чём не думает, идёт радостный и весёлый. То обгонит отца, то отстанет, чтобы лесных орехов нарвать.

Долго ли они шли или не долго, но старый отец очень устал. И решил он тогда попросить сына, чтобы тот взял его на спину и немного понёс.

– Сынок, ноги мои отказываются идти дальше. Посади меня на себя и немного понеси. Я отдохну, а там, смотришь, и сам пойду, – сказал отец, решив тем самым испытать сыновние чувства.

Сын не стал возражать. Он посадил отца к себе на спину, и они продолжили путь. В лесу птицы песни поют. И каждая – на свой лад. Решил отец узнать у сына, что это за птицы, и спрашивает:

– Сынок, ты не скажешь, что это за птица поёт?

– Не знаю, – отвечает сын, с трудом переводя дыхание.

Идут они дальше. А когда прошли мимо старого дуба, отец снова спрашивает:

– Сынок, а не скажешь ли ты мне, что это за дерево?

А сын с раздражением ему в ответ:

– Не знаю!

Идут дальше. А когда они стали проходить мимо родника, отец опять спрашивает:

– Сынок, а не знаешь ли ты, где здесь поблизости можно напиться?

Рассердился сын и зло отвечает:

– Мало того, что на мне сидишь, ещё и глупые вопросы задаёшь... Не знаю!

– Чего ты сердишься, сынок, – спокойно говорит отец, – пронёс меня несколько шагов и уже попрекаешь. А как же я носил тебя, когда ты был маленьким, и отвечал на все твои вопросы?.. Подожди, дай сойду!..

Воистину, коль своих ног нет, на чужую спину не надейся, и старый отец зашагал рядом с сыном.

Долго шли они – старый отец и сын. И оба молчали. Каждый думал о своём: сын о том, что обидел отца, а отец о том, что придёт время, когда и сын будет отцом и узнает, каково оно – чувство обиды, нанесённое сыном.

Всё, что дадите, Бог вернёт

еподалеку от одного города жила нищая вдова, у которой было шестеро детей. Каждый день она ходила в город просить милостыню. Получив что-нибудь от добрых людей, нищенка всегда говорила: «Всё, что дадите, Бог вернёт!»

В то время жил в городе один ошир, жадный и жестокий человек. Однажды нищая вдова постучалась в ворота его дома, и на стук вышла жена ошира.

– Всё, что дадите, Бог вернёт! – как всегда проговорила вдова.

Эти слова рассердили жену ошира, и она решила отвадить нищенку от своего дома. И вот, когда бедная вдова пришла в следующий раз, жена ошира дала ей отравленный кусок чурека. Вдова поблагодарила хозяйку и пошла дальше. Когда её хурджун наполнился, бедная вдова вышла из города и направилась в сторону своего дома.

По дороге ей встретились двое юношей, которые верхом на лошадях возвращались с охоты. Один из них был сыном той самой женщины, которая подала ей чурек с ядом. Сын богача сильно проголодался на охоте. Увидев бедную вдову, он сказал своему товарищу:

– Мне очень хочется есть. Попрошу-ка я у этой нищенки кусок хлеба, только ты не говори об этом моим родителям.

Тот сказал:

– Потерпи, скоро мы будем дома.

– Не могу, – говорит сын ошира.

Поравнявшись с вдовой, он попросил её:

– Тетушка, я очень хочу есть, дай мне, пожалуйста, кусок хлеба.

«Таких молодцов некрасиво угощать огрызками», – подумала вдова. Порывшись в хурджуне, она достала тот самый кусок чурека, который дала ей жена ошира, и протянула юноше:

– Ешьте, дети мои, на здоровье!

Затем вдова пошла дальше, а сын богача разломил кусок чурека надвое и одну половинку предложил другу. Тот отказался, а сын богача с удовольствием начал есть. Но не успела лошадь пройти и десятка шагов, как юноша вывалился из седла и с криком упал на землю. Он кричал от боли, проклинал нищенку, молил Бога, но ничего не помогло, – и вскоре он умер.

Друг привёз его тело в город и постучался в ворота дома ошира. Увидев мёртвого сына, мать стала рвать на голове волосы. Друг юноши протянул жене богача остаток чурека и рассказал о встрече с нищенкой. Увидев отравленный ею чурек, жена богача обезумела.

– Всё, что дадите, Бог вернёт! Всё, что дадите, Бог вернёт! Всё, что дадите, Бог вернёт! – непрерывно кричала она всю ночь до рассвета.

Когда сына богача хоронили, один мудрый человек сказал:

– Да! Всё, что дадите, Бог вернёт. Зло сеет зло, добро – отвечает добром.

Три дочери купца

чём рассказать вам, о ком пове-
дать? Расскажу я вам об одном знатном купце. Слава о его несмет-
ных богатствах и трёх прекрасных дочерях давно разнеслась
по всему свету. Девушки были до того светлы и лучезарны, что их
лица в любое время дня и ночи могли своей ослепительной красо-
той затмить даже солнце и луну.

И вот однажды этот известный всем купец собрался отправиться
за пределы падишахства, в котором жил много лет. Нагрузил он свои
товары на верблюдов и перед дорогой позвал к себе дочерей
и ласково спросил их:

– Дети мои, скажите, что вам привезти из дальних стран, и я
с радостью выполню каждое желание ваших милых сердец.

Старшая дочь сказала:

– Дорогой отец, привези мне платье, сшитое из тонкой кожуры
лука. Больше мне ничего не надо.

Средняя дочь сказала:

– Привези мне, дорогой отец, чудесное зеркало.

А младшая дочь сказала:

– Я хочу, чтобы ты привёз мне пушистую кошку.

Обнял купец своих дочерей и рано утром отправился в дальний путь. Через месяц он достиг одного падишахства, пришёл на базар и стал торговать.

За неделю купец продал свои товары и купил другие, которые можно будет за большие деньги продать в своём падишахстве. Но перед тем как отправиться домой, он достал для средней дочери чудесное зеркало, для младшей дочери – пушистую кошку, а для старшей дочери нигде не мог найти платья, сшитого из тонкой кожиры лука.

Грустно стало на душе у купца, что не выполнил он просьбу старшей дочери. Но что поделаешь? Надо ехать домой.

Погнал купец перед собой караван верблюдов, а сам позади поплёлся. Брёл он без отдыха и сна по тропам и дорогам около месяца, а печаль неисполненного обещания всё тяготила его душу. Наконец добрался он до окраины родного города. И здесь решил купец немного отдохнуть. Но как только опустился он под тенистым деревом, внезапно перед ним возник красивый молодой дервиш.

– Добрый путник, – сказал он купцу, – ты похож на опечаленного человека. Пожалуйста, не стесняйся меня и раскрой своё сердце. Быть может, узнав о твоих невзгодах, я чем-нибудь смогу тебе помочь.

Дервиш смотрел на купца умоляющими глазами, и казалось, что он готов выполнить любую просьбу.

Такие добрые слова не могли не понравиться купцу. Он доверился молодому дервишу, подробно рассказал ему о просьбах своих прекрасных дочерей и добавил:

– Для средней дочери я купил чудесное зеркало, для младшей же дочери – пушистую кошку. А вот для старшей дочери я не нашёл платье, сшитое из тонкой кожиры лука. Это и опечалило меня, уважаемый дервиш!

Выслушал молодой дервиш купца и сказал:

– Дорогой купец, я найду для твоей дочери платье, сшитое из тонкой кожиры лука. Но взамен ты должен свою дочь выдать за меня замуж.

Задумался тогда купец над его словами и ответил:

– Я согласен, добрый дервиш, но надо сказать об этом старшей дочери. Завтра утром мы встретимся под этим тутовником.

Молодой дервиш кивнул головой в знак согласия и тут же исчез.

Через час купец уже был дома. Он обнял дочерей и стал раздавать подарки: средней дочери протянул чудесное зеркало, младшей дочери отдал пушистую кошку. А старшей рассказал о своей неожиданной встрече с молодым дервишем и разговоре с ним.

Старшая дочь выслушала отца и сказала:

– Дорогой отец, платье, сшитое из тонкой кожиры лука, мне очень нужно. И если молодой дервиш выполнит своё обещание, то я согласна выйти за него замуж. Так ему и передай.

Проснулся утром купец очень рано, оделся в праздничные наряды и отправился на окраину города. Молодой дервиш уже ждал его под тенистым деревом. Купец поздоровался с ним и передал согласие своей старшей дочери. Затем они ещё поговорили, назначили день свадьбы и разошлись.

На следующий день молодой дервиш взял с собой дорогие подарки, платье, сшитое из тонкой кожиры лука, и пришёл в дом невесты. Все дни до свадьбы, соблюдая обычаи, молодой дервиш делал невесте и её сёстрам разные подарки, а отцу невесты выплатил задаток калыма.

А уже утром, сразу после свадьбы, он посадил свою жену – старшую дочь купца на белого коня и повёз в свой замок, что находился в лесу, на окраине падишахства. В замке было очень тихо, ни одной живой души, даже птицы не пели и букашки не трещали.

Девушка очень удивилась этому и спросила:

– А почему, дорогой дервиш, в замке так тихо и нет слуг?

Молодой дервиш усмехнулся и ответил:

– Я слуг терпеть не могу. Я привёз тебя сюда, чтобы ты увидела, какое наследство мне досталось от моего отца.

И они стали ходить по замку, а дервиш показывал ей огромные своды и мраморные ступени дворца, роскошные террасы и большие фонтаны в своём саду.

На следующий день молодой дервиш показал ей тридцать девять великолепных комнат, заполненных коврами, шкурами животных, золотом, серебром и драгоценными камнями, а сороковая комната была заперта на ключ, и дервиш предупредил старшую дочь купца, что в эту комнату никто не должен заходить. И вот молодой дервиш повёл девушку в гостиную, сел за стол и ласково сказал:

– Душа моя, замок мой ты посмотрела, теперь покажи, какая ты хозяйка. Вот на столе тарелка с шашлыком. Принеси из погреба кувшин с вином, дорогая.

– Сейчас, – сказала девушка и направилась в погреб.

Пусть она пока накрывает на стол, а я коротко расскажу вам о молодом дервише.

В том падишахстве, где он жил, никто не знал, что он злой волшебник и людоед. Многие годы молодой дервиш мечтал найти среди девушек падишахства хоть одну людоедку, но всё это время его поиски были неудачными.

Принесла девушка из погреба кувшин с вином, поставила его на стол и приблизилась к тарелке, в которой был шашлык. Неприятный запах ударил ей в нос, и она поняла, что вышла замуж за дервиша-людоеда, но, подавив в себе отвращение, села за стол.

Молодой дервиш ел шашлык с большим аппетитом. А старшая дочь купца подносила маленькие кусочки ко рту и незаметно для дервиша опускала их за ворот платья. Но дервиш-людоед был хитёр. Он то и дело подсматривал за женой и видел всё, что она делала. А потом сказал:

– Встань, душа моя, и принеси из того шкафа, что стоит у окна, бутылку с уксусом.

Девушка встала и пошла к шкафу. Маленькие кусочки мяса проскользнули между телом и широким платьем и упали на пол. Увидев это, она растерялась.

«Нет, – усмехнувшись, подумал дервиш-людоед, – из такой жены людоедка не получится. Надо её съесть!» Он тут же схватил девушку, связал ей руки и поволок в сороковую комнату. Там он приподнял жену вверх и повесил за косы на толстый гвоздь.

А тем временем две другие дочери купца сидели в своей спальне и рассказывали друг другу разные небылицы. После короткого молчания средняя сестра сказала младшей:

– Уже три дня прошло после свадьбы и столько же дней, как старшая сестра покинула родной дом, а вестей от неё никаких нет. Схожу-ка я сестру проведаю.

Взяла средняя дочь купца своё чудесное зеркало и отправилась в замок дервиша. Пришла она в замок и видит: молодой дервиш сидит

в гостиной один, а сестры не видно. Подошла она к хозяину замка и спрашивает:

– Дорогой дервиш, а где же моя сестра?

Посмотрел на неё дервиш-людоед с грустью и ответил:

– Эх, красавица, твоя старшая сестра с утра отправилась с подружками на прогулку и до сих пор не вернулась. А мне так хочется есть, что ждать уже нет силы. Принеси, милая, из того шкафа, что стоит у окна, тарелку с шашлыком и кувшин вина. Посидим вместе и поедим. Быть может, за это время и жена моя вернётся.

Девушка аккуратно положила своё чудесное зеркальце на стол и направилась к шкафу, принесла тарелку с шашлыком и кувшин с вином. Вскоре дервиш-людоед с нею поступил так же, как и со старшей сестрой.

А тем временем младшая дочь купца подошла к отцу и сказала:

– Прошло уже много времени, как средняя сестра пошла в замок дервиша проведать старшую сестру и почему-то задержалась там. Пойду проведу их. Ты только не беспокойся, я скоро вернусь.

– Хорошо, иди, доченька, – согласился купец.

Девушка спрятала под шалью свою пушистую кошку и отправилась в замок дервиша-людоеда. И вот вошла она в замок и видит: молодой дервиш сидит один в гостиной, а сестёр не видеть. Подошла девушка к нему и спросила:

– Дорогой дервиш, а где же мои сёстры?

Посмотрел дервиш-людоед с грустью на неё и ответил:

– Эх, красавица, твои сёстры отправились на прогулку и до сих пор не вернулись. А мне так есть хочется, что нет силы их ждать. Принеси, милая, из того шкафа, что стоит у окна, тарелку с шашлыком и кувшин вина. Посидим вместе и поедим, а за это время, быть может, твои сёстры уже вернутся.

Младшая дочь купца подошла к шкафу, взяла с полки тарелку – и быстро зажала нос, потому что почувствовала запах человеческого мяса. И тут поняла девушка, что сёстры попали в руки дервиша-людоеда. «Нет, надо делать вид, что ем вместе с ним, и всё выяснить», – решила она и, подавив отвращение, поставила тарелку с шашлыком и кувшин вина перед людоедом на стол.

Дервиш-людоед ел шашлык с большим аппетитом. А младшая дочь купца подносила маленькие кусочки ко рту и незаметно для людоеда бросала их на пол, где сидела её пушистая кошка и сразу съедала брошенное ей мясо.

Каким бы хитрым не был дервиш-людоед, но на этот раз он ничего не заметил в поведении девушки. Но всё же для проверки сказал ей:

– Встань, душа моя, и принеси из того же шкафа бутылку с уксусом.

Девушка встала, вышла из-за стола и направилась к шкафу. Людоед внимательно посмотрел ей вслед и, не увидев выпавших из-под платья кусочков мяса, чуть не подпрыгнул от радости. «Эта красавица мне подходит. Из неё получится настоящая людоедка, о которой я мечтал всю свою жизнь!» – решил он и ласково сказал:

– Уже темно, ты можешь лечь спать в той комнате, а утром, если твои сёстры не вернутся, я пойду искать их.

Утром следующего дня молодой дервиш разбудил девушку и сказал:

– Сейчас я иду на охоту. Там в лесу буду искать твоих сестёр. Они, наверно, ушли далеко от замка и заблудились. А ты пока без дела не сиди, по хозяйству приберись. Да, вот тебе ключи от комнат. Открой двери и проветри все тридцать девять комнат, а сороковую не открывай. Она заколдована. Знай: если ты откроешь дверь этой комнаты, тебя ударит молния и убьёт на месте. И не вздумай уйти, я сквозь стены вижу, только лишь золото мне глаза слепит.

Взял он ружьё, хурджун и, отправляясь в путь, подумал: «Эта красавица мне по душе. Из неё получится хорошая жена и людоедка. Я буду держать её в замке, пока она не привыкнет. Без своих сестёр она всё равно никуда не уйдёт».

Когда молодой дервиш ушёл, девушка заплакала от мысли, что её сестёр в лесу съели волки. Но, посмотрев на зеркальце, которое средняя сестра оставила на столе, подумала: «Не такие уж глупые мои милые сёстры, чтобы целые сутки прогуливаться по незнакомому лесу, и не оставила бы сестра подарок отца в чужом доме. Дервиш-людоед или убил их, или запрятал в той комнате, которая заколдована».

подавив испуг, девушка медленно подошла к двери сороковой комнаты и, подобрав ключ, открыла её. В комнате было очень темно, жуткий страх охватил её, и она остолбенела от ужаса. Очнувшись, она взяла чудесное зеркало и вошла в комнату. Темнота немного рассеялась, и младшая сестра увидела своих сестёр, подвешенных за косы на больших гвоздях. Она бережно опустила сестёр на пол и освободила им руки от верёвок. Когда девушки пришли в себя от пережитого, то решили наказать дервиша-людоеда.

Долго ли они думали, нам не ведомо, но придумали сёстры хитрый план. Тут же, не откладывая, взяли в одной из комнат три больших хурджуна золота и отправились в лавку ювелира.

– Уважаемый мастер, – сказали девушки, войдя в лавку, – вот тебе три больших хурджуна золота. Сделай нам, пожалуйста, из этого золота сундук на четырёх колёсах с неприметным окошком и чтобы этот сундук закрывался изнутри. В этот сундук должны вместиться три человека. За свой труд ты получишь ещё один хурджун золота.

– Хорошо, красавицы, – согласился ювелир. – Завтра на рассвете сундук будет готов.

Рано утром сёстры пришли в лавку ювелира, отдали ему хурджун золота, спрятались в четырёхколёсном сундуке и покатались домой к отцу рассказать, какое несчастье приключилось с ними. Но вскоре, проезжая через лес, младшая сестра увидела, что навстречу идёт дервиш-людоед. Она быстро закрыла окошко и велела сёстрам сидеть молча. Девушки прижались друг к другу и затаили дыхание.

Дервиш-людоед подошёл к золотому сундуку, провёл ладонью по его поверхности и, ничего не заподозрив, восхищённо воскликнул:

– Что за чудо! Отнесу я этот сундук в свой замок!

Но сколько он ни старался поднять или покатить золотой сундук с девушками, так и не сумел даже сдвинуть его с места. Плюнул людоед от досады, топнул ногой и отправился в замок, чтобы привязать сундук к своему белому коню и так дотащить богатство до дома.

Вернувшись в замок, дервиш удивился, что его никто не встречает, а когда он подошёл к сороковой комнате, то увидел – дверь открыта и девушек там нет. Догадался тогда людоед, что сёстры спрятались в том самом четырёхколёсном сундуке, который ему

встретился на лесной тропе. Завыл он от злости и кинулся догонять беглянок.

А тем временем сёстры, прячась от любопытных глаз, прикатились в золотом сундуке в дом своего отца, который от волнения и места себе не находил. Каково же было горе купца, когда он узнал, за кого выдал замуж старшую дочь свою. Расстроенный отец понимал, что спрятать дочерей в своём доме он не может: злой дервиш-волшебник обязательно будет их здесь искать и если обнаружит, то всем грозит смертельная опасность.

«Как спасти дочерей? – тревожно думал купец. – Как спрятаться от злого дервиша?»

– О, Худо! – воскликнул купец, а потом продолжил уже шёпотом, в душе радуясь посетившей его хорошей мысли. – Дети мои! Там в дальнем падишахстве живёт один всезнающий данандей, люди про него говорят, что он никого в беде не оставляет и нам обязательно поможет, – закончил отец.

Сёстры, не задерживаясь, сели в золотой сундук и покатались дальше. Долго ли они ехали, сколько раз поднимались в горы и спускались с гор, нам не ведомо, но пока дервиш-людоед бегал по лесу в поисках золотого сундука, девушки к вечеру приехали в падишахство, про которое им рассказывал отец, и остановились у городских ворот. Стражники уже собрались было закрыть ворота, но младшая сестра выглянула из сундука и взмолилась:

– Добрые люди, не оставляйте нас за воротами падишахства! Скоро наступит ночь, и мы окажемся в руках разбойников.

Пожалели стражники девушек и впустили в город. Сёстры доехали до берега реки и переночевали прямо в сундуке. Наутро горожане пришли к реке и, увидев на берегу диковинный золотой сундук, стали его рассматривать со всех сторон, некоторые пытались утащить драгоценность, но не смогли сундук даже с места сдвинуть.

И надо же было такому случиться, что в это время сын падишаха вышел из дворца и заметил у реки огромную толпу. Он подозвал своего нукера и приказал ему:

– Быстро сходи и узнай, что там случилось.

Прибежал слуга к реке и видит: стоит на берегу четырёхколёсный сундук, окружённый со всех сторон любопытствующей толпой,

а из сундука доносятся голоса девушек. Примчался он к молодому сыну падишаха и подробно рассказал обо всём увиденном и услышанном.

А между тем старшая дочь купца в своём платье, сшитом из тонкой кожиры лука, вылезла из сундука и обратилась к горожанам:

– Добрые люди! Будьте великодушны! Мы были долго в пути, устали. Принесите, пожалуйста, кувшин для умывания, кусок мыла и гребешок, а сами расходитесь.

Тем временем молодой сын падишаха уже стоял со своей свитой у реки среди горожан. Подозвал он одного из них и сказал:

– Ты рыбак и живёшь ближе всех. Сходи к себе домой и принеси то, что просит эта незнакомка в платье из тонкой кожиры лука.

А своим слугам велел, чтобы они незаметно разогнали толпу.

Рыбак побежал к себе домой, взял кувшин для умывания, кусок мыла, гребешок, принёс всё это на берег реки и отдал прекрасной незнакомке в платье из тонкой кожиры лука. Девушка, поблагодарив его, посмотрела, что все разошлись, и позвала своих сестёр. Молодой сын падишаха, спрятавшись за скалой, наблюдал, как незнакомки помыли головы, причесались и снова спрятались в золотом сундуке. Старшая дочь купца в платье из тонкой кожиры лука понравилась сыну падишаха с первого взгляда. Он подошёл к сундуку и спросил у девушек:

– Милые красавицы, почему вы, помыв головы, снова залезли в сундук? Выходите и не бойтесь, мы не обидим вас.

Сёстры послушно вышли из золотого сундука и рассказали юноше, кто они, откуда приехали сюда и что с ними приключилось. Сын падишаха выслушал их внимательно, привёл к отцу во дворец и робко сказал ему:

– Отец, с этими девушками приключилась страшная история, и я хочу, чтобы ты сам попросил всезнающего данандея помочь им.

Послушался старый падишах своего сына и пригласил во дворец всезнающего данандея.

Снова рассказали девушки свою страшную историю, и никого во дворце падишаха она не оставила равнодушным. Особенно испугался за старшую дочь купца сын падишаха, потому что уже успел полюбить эту красивую девушку в платье из тонкой кожиры лука.

– Я слышал о дервише-людоеде, – сказал всезнающий данандей. – И знаю, что нужно делать: поселите девушек во дворце падишаха и поймайте в лесу дикого льва и огромного паука. Пусть они всё время охраняют дворцовые ворота. А тебе, – обратился он к старшей сестре, – нужно подружиться с ними и научиться разговаривать на их языке.

Сын падишаха тут же выполнил всё, что сказал всезнающий данандей. Отныне дворцовые ворота стали охранять дикий лев и огромный лесной паук.

А тем временем дервиш-людоед уже побывал в доме отца девушек. Но сестёр там не обнаружил и ушёл разгневанный, проклиная девушек, что обманули его. Протоптал злой дервиш множество тропинок и дорог, заглянул в дома и закоулки разных сёл и аулов и, наконец, добрался до того самого города, где дочери купца вышли из золотого сундука и нашли защиту у падишаха. Войдя в город, он начал расспрашивать прохожих о золотом сундуке с четырьмя колёсами и трёх его обитательницах. Те, не ведая, что он людоед, подробно рассказали ему обо всём.

Обрадовался злой дервиш-волшебник, что нашёл беглянок. Купив на базаре несколько кусков мяса и снотворное снадобье, дервиш-людоед подошёл к дворцовым воротам, накормил льва и паука мясом со снотворным и, когда они уснули, направился прямо во дворец. Он знал, что сын падишаха отправился на охоту и вернётся не скоро. Поэтому дервиш смело вошёл в комнату старшей дочери купца, сбросил со спящей девушки лёгкое шёлковое одеяло.

– Вставай, подлая, будешь впредь знать, как от мужа убегать! Я ещё и до сестёр твоих подлых доберусь! Если на помощь будешь звать, на месте убую! Идём! – скомандовал дервиш-людоед громовым голосом.

Девушка молча встала с постели, быстро оделась и последовала за людоедом. Возле мраморных ступеней тот схватил её за руку и, подтолкнув вперёд, приказал:

– Спускайся вниз первой!

Старшая дочь купца взмолилась:

– Милый дервиш, ты не думай, что я от тебя сбегу. О нет! Я только хочу сказать, что мраморная лестница очень крутая и я боюсь

поскользнуться. Сделай милость, иди первым, и если я не удержусь, ты меня подхватишь.

Дервиш-людоед злобно заглянул ей в глаза и, захохотав, сказал:

– О нет, подлая, с твоей хитростью я уже знаком! Ты сбежала от меня один раз, но во второй раз не сбежишь. Спускайся первой!

Девушка сделала вид, что очень испугалась, и начала спускаться по ступенькам первой. За ней неотступно следовал дервиш. И вот они во дворе. Лев и паук к этому времени уже проснулись, и людоед вытащил из своего хурджуна новые куски мяса, которые хотел послать снотворным, чтобы снова усыпить их, но старшая сестра, воспользовавшись моментом, встала между пауком и львом и крикнула:

– Дорогой паук, вяжи злодея! Милый лев, рви его на клочья!

Не успел дервиш-людоед поднять голову, как паук и лев бросились на него и разорвали на мелкие кусочки.

Вот так расправился всезнающий данандей со злым дервишем-людоедом.

А старый падишах подозвал сына и сказал:

– Дитя моё, я знаю, ты выбрал старшую дочь купца в платье из тонкой кожиры лука. Я рад твоему выбору!

В скором времени сыграли свадьбу. На средней сестре женился сын главного везира, а на младшей – сын векила. И все были счастливы.

Вот так и получилось, что платье старшей сестры, сшитое из тонкой кожиры лука, принесло всем сёстрам счастье, любовь и богатство. С этой минуты все дочери купца и их мужья стали жить спокойно и радостно, не забывая и тех людей, которые разделили с ними радость их спасения. Особые почести достались всезнающему данандею, который придумал, как избавиться от дервиша-людоеда.

Спустя некоторое время все три сестры с молодыми мужьями приехали в дом своего отца и безмерно обрадовали его, ибо он думал, что они погибли. На радостях отец устроил пир и пригласил на него всех жителей своего города. Семь дней и семь ночей все пили, ели, веселились и рассказывали всякие небылицы. И были так счастливы, что никто даже не вспоминал о злом дервише-людоеде.

Амелум и Сурхесер

Жил некогда в одной восточной стране падишах. Он был жестоким и кровожадным правителем, сама внешность, да и его походка выдавали эти качества. Роста он был невысокого, зато голова его была огромной, не как у всех людей, и казалось: стукни по ней и она издаст звук пустой дубовой бочки. Лоб у этого правителя был маленьким и покатым, ну прямо как у обезьяны, а глаза были большими, выпуклыми и извергали из самых глубин такую силу, от которой у окружающих дрожали ноги и отнимался на время язык. А стоило этому правителю приказать, – а он только этим и занимался, – не знавший и не привыкший к его манерам человек навсегда становился зайкой. Народ не любил своего правителя и прозвал его Хун-хур-падишах, что значит «кровопийца-правитель».

Множество невинных людей были казнены по его воле. Если падишаху что-то не нравилось, он в злобе сдвигал грозные брови и, уставившись на человека своим хищным взглядом, властно приказывал палачам – безропотным исполнителям его прихоти:

– Казнить!.. Отсечь голову!.. Четвертовать!.. – других слов он не знал.

Но злодеяния правителя не ограничивались только его приказами! На беду была у этого жестокого падишаха дочь, которая характером своим была копией отца, и звали её Дерд-Мурджан, что значит «мучительница до смерти». Своё имя она множество раз подтверждала своими поступками. Вместе со своим отцом-правителем они причинили много горя жителям всего падишахства.

Правда, что касалось красоты девушки, то здесь природа её не обделила, а напротив, одарила с лихвой. Узкие, крашенные сурьмой брови, как два крыла, огибали её большие круглые глаза, а аккуратный носик на маленьком круглом и румянном, как яблоко, лице делали её ещё прелестней, и эта общая привлекательность притягивала к ней всех, кто её видел. Но, столкнувшись с её жестоким и несносным характером, все тут же старались отдалиться от неё, как от источника бед и горестей. Она, как и отец её, имела привычку, выйдя на хейвун дворца, что выходит на площадь, подражая тону Хун-хур-падишаха, приказывать слугам и служанкам: «Принеси!.. Поддай!.. Сделай!..» – и всегда грозила в случае неповиновения отсечь голову. Отцу по душе было такое поведение, и он, любя так похожую на себя характером красавицу дочь, щедро одаривал её драгоценностями, ублажал и всегда выполнял любую её прихоть.

И вот в один из дней, когда дочери Хун-хур-падишаха исполнилось семнадцать лет, жестокий правитель пригласил в тронный зал своих везиров – советника правой руки и советника левой руки – и задал им вопрос: кому он может отдать замуж свою красавицу дочь?

– За сына знатного и богатого правителя любой другой страны,
– сказал советник правой руки.

– За сына мудреца, – ответил советник левой руки.

Но решила спор сама Дерд-Мурджан.

– Почтеннейший отец, прикажи объявить всему народу, что дочь такого, как ты, высокочтимого правителя выйдет замуж только за того из юношей, кто сможет спрятаться от неё так, чтобы она не смогла его найти.

– Что ты задумала, дочь моя? – спросил отец, весь горя огнём любопытства и предвосхищая ответ, который приготовила ему любимая дочь. А она, вздёрнув свои узкие брови, отчего и без того большие глаза её стали ещё больше, кокетливо ответила:

– А задумала я вот что... Жениться на мне пожелают многие юноши... Как-никак я дочь такого богатого правителя, как ты, да и в нашей стране красивее меня нет девушек... Вот потому-то я предложу всем, кто пожелает стать моим женихом, прятаться три раза, где им угодно и как угодно, а сама с помощью волшебного свойства воды нашего бассейна отыщу их, а отыскав, велю палачам отсекалть их безумные головы и накалывать на столбы, что напротив нашего дворца... Такова моя задумка, отец.

Обрадовался жестокий и кровожадный Хун-хур-падишах выдумке своей любимой дочери и воскликнул:

– Умница!.. Забавное будет зрелище... Очень забавное!

Тут же Хун-хур-падишах послал во все концы своего падишахства глашатаев, чтобы те донесли до народа волю его красавицы дочери и чтобы все желающие приезжали свататься на предлагаемых условиях.

Вскоре ко дворцу правителя стали съезжаться юноши из аулов и городов. Каждого влекло желание испытать своё счастье; оно и понятно: не так уж и плохо жениться на дочери такого богатого падишаха, да к тому же красавице.

Но рассказывают про некоторых: «На вид красива, а в душе змея». И понятное дело: кто свою судьбу свяжет со змеёй, от змеи и погибнет. Так случилось и с добрыми юношами, пожелавшими связать свою жизнь со злой и кровожадной Дерд-Мурджан.

Прибывшие подходили под расписной хейвун дочери Хун-хур-падишаха и с нетерпением ждали, когда же, наконец, покажется красавица невеста и прикажет им прятаться. А Дерд-Мурджан взяла за привычку томить прибывших долгим ожиданием: ведь она была уверена, что молва о необыкновенной красоте её и богатстве отца не позволит таким отважным джигитам смалодушничать, отступить. И это было так: будущие женихи целыми днями и ночами могли стоять под её хейвуном и тешить себя надеждой на непременною удачу. А когда Дерд-Мурджан и вправду появлялась на балконе, откидывала с лица вуаль, открывая своё красивое лицо, и притворно улыбалась, неискушённые юноши тут же теряли рассудок и не могли сказать ни слова. Они готовы были исполнить любую волю такой красавицы, как Дерд-Мурджан. А дочь падишаха, в свою очередь, бывало, важно поклонившись женихам, говорила:

– Эй вы, прежде чем прятаться, сначала посмотрите вон на те столбы, на которых будут торчать ваши безумные головы... Я вас, где бы вы ни прятались, с помощью волшебной воды нашего бассейна найду и велю отрубить вам головы.

– Красавица, а если не найдёшь – и вправду станешь достойной женой победителя? – спрашивал кое-кто из юношей.

В таких случаях Дерд-Мурджан лукаво и кокетливо улыбалась, обнажая свои мелкие белые зубки, и властно, чуть повышая голос, как это делал отец, отвечала:

– Я дочь достойнейших родителей, и мне не пристало врать. – С этими словами она исчезала со своего хейвуна, а дворцовые художники рисовали лица прибывших смельчаков, записывали их имена, затем всё это передавали своей госпоже, а потом уже слуги приказывали юношам прятаться, кто где хочет.

Какие только укрытия не находили себе изобретательные женихи! Кто в подвалах прятался, кто в глубокие колодцы спускался, кто на дне горных пещер таился, кто в расщелины скал забирался... Словом, не было такого места на земле, где бы они не прятались. А жестокая Дерд-Мурджан тем временем приказывала своим служанкам принести ей в медной чаше из волшебного бассейна, который охраняли сорок вооружённых стражников, волшебную воду. И когда одна из служанок, сбегав к бассейну, приносила в покои своей госпожи воду, то ставила чашу на тахту, а сама быстро удалялась. Дерд-Мурджан усаживалась поудобнее и, сдвинув брови, со всем присущим ей упорством и злостью начинала пристально искать в отражении на воде место, где мог спрятаться тот или иной смельчак. Бывало, посмотрит она на юг, посмотрит на север, посмотрит на восток, посмотрит на запад; заглянет во все подвалы и колодцы, дома и сакли, замки и крепости; в небесные и подводные владения; везде и всюду посмотрит, везде заглянет и, наконец, найдёт того, кого искала, и, найдя, злорадно рассмеётся и торжествующе крикнет, называя имя несчастного и то место, где он скрывается:

– Эй ты, глупый из глупых, дурак из дураков, вижу, где ты спрятался!.. Выходи!.. Прячься снова, да получше.

И так три раза через три дня и три ночи прятался каждый юноша, но жестокая Дерд-Мурджан снова и снова находила их, а найдя, приказывала палачам:

– Голову на столб, тело – собакам!

И палачи исправно несли свою службу, делая всё так, как приказывала дочь их правителя.

С каждым днём всё больше и больше появлялось на столбах голов несчастных юношей. И вскоре слух о жестокостях дочери Хунхур-падишаха разнёсся по всей стране. И узнав правду о злодеяниях правителя и его дочери, люди возмутились и обрушивали проклятия на головы злодеев. Как-то докатился слух о жестоких проделках Хунхур-падишаха и его красавицы дочери и до одного небольшого горного аула, где жила бедная вдова. И был у этой вдовы сын-охотник, и звали его Амелум. Он был уважаемый всеми охотник. Никогда он без добычи не возвращался с охоты и всегда помогал тем, кто оказался в беде.

И вот, услышав о злодеяниях дочери Хунхур-падишаха, Амелум сказал своей матери:

– Совесть моя и мужская честь не позволяют мне сидеть дома... Я должен отправиться в тот город и, победив в глупой игре Дерд-Мурджан, покончить с её жестоким самодурством.

Долго отговаривала мать сына не ехать туда, выбросить эту затею из головы.

– Много смельчаков, – говорила она, – лишилось головы от рук палачей. Ни за что ни про что и ты, сын, свою голову сложишь. Пусть остынет твой пыл и гнев, не езжай туда.

Но уговоры и слёзы матери были напрасны. Тогда она сняла со стены саблю и передала сыну.

– Это всё, что осталось от твоего покойного отца. И по праву эта сабля принадлежит тебе, – сказала мать и добавила: – Да помогут тебе молитвы отца, и Бог пусть будет помощником тебе!

Сел Амелум на своего доброго скакуна, пристегнул к поясу саблю отца и отправился в путь.

Много дней и ночей скакал Амелум, и очутился он у самого моря, на берегу которого стоял могучий лес. Погнал он коня своего по раскалённому прибрежному песку: справа – море спокойно раскинулось, ни шума в нём, ни волн; слева – лес зовёт своей прохладой. Повернул Амелум коня налево, и конь поскакал по лесной тропинке. Скачет он час, другой, третий, и вдруг конь встал на дыбы и как

заржёт, да так сильно, что с деревьев листья посыпались. Бьёт Амелум коня своего кнутом, криком кричит: «Но-о!.. Гей!..» – а конь всё ржёт, на дыбы поднимается, а с места не двигается.

«Что-то здесь недоброе», – подумал Амелум и, спешившись, привязав коня к дереву, направился по тропинке в глубь леса. Не успел он сделать и ста шагов, как вдруг увидел на лужайке небольшую хижину. Приблизился он к хижине и, открыв дверь, вошёл внутрь, а там темным-темно, так темно, что, сделав шаг, не решишься сделать второй.

– Кто здесь есть? – громко крикнул Амелум.

Не успел он крикнуть, как в хижине раздались страшные голоса: «Не сметь!.. Не сметь!.. Не сметь!..» А по всей хижине замигали во множестве какие-то странные огоньки.

Амелум вновь, но уже тише, крикнул:

– Кто здесь?.. Выходи!.. Я с миром пришёл!

В ответ он услышал со всех сторон страшный, душераздирающий смех: «Ха-а-ха-а-ха-а-аха-ах!» Амелум почувствовал, как кто-то невидимый сильно дышит ему прямо в лицо, стараясь задуть ему глаза. У Амелума от страха сжалось сердце, ноги стали подкашиваться, голова пошла кругом. Ему уже почудилось, что вот-вот он свалится и не встанет. Но тут он вспомнил о своей сабле, вмиг обнажил её, и мрак рассеялся, крики смолкли.

Он осмотрелся и увидел лежащий на самодельном дубовом столе гроб без крышки. Амелум подошёл ближе и видит: лежит девушка ослепительной красоты. Ему показалось, что она спит, но когда он наклонился над ней, то понял, что красавица мертва. Но, несмотря на бездыханность девушки, он не смог сдержать в себе пробудившееся в нём чувство и поцеловал её прямо в губы. И вот тут-то свершилось чудо: девушка открыла глаза, привстала и, мотая головой, как бы освобождая себя от глубокого сна, быстро вылезла из гроба. Золотые длинные волосы её разметались по плечам, и в хижине стало так светло, будто само солнце пожаловало во всей своей мощи и щедрости. Но вскоре этот яркий свет стал ослепительно-нестерпимым, и случилось это оттого, что воскресшая красавица стала, как безумная, бегать по хижине и громко кричать:

– Надо бежать!.. Эней идёт!.. Надо бежать!.. Эней идёт!..

Поначалу Амелум испугался, видя всё это, но потом, догадавшись, что девушка чем-то напугана, преградил ей дорогу и сказал:

– Не бойся, красавица. Я не дам никому тебя в обиду.

Девушка посмотрела на юношу, окинула его испуганным взглядом и тихонько спросила:

– Кто ты такой и как сюда попал?

Амелум, поклонившись, сказал:

– Я – Амелум, сын бедной вдовы. А иду я в Хун-хур-падишахство. Хочу испытать своё счастье, жениться на дочери падишаха. Сюда я попал случайно. Вижу – хижина. Вошёл, а здесь тьма крошечная, какие-то страшные чудовищные крики раздаются, да повсюду огоньки мигают. А как только обнажил свой меч, мрак рассеялся, и я увидел гроб, а в нём ты лежишь. Я поцеловал тебя в губы, и ты тут же вскочила и стала бегать и кричать: «Надо бежать!.. Эней идёт!..» Ну а ты кто такая? – спросил юноша.

Девушка некоторое время молчала, как бы осмысливая, что и как, а затем, улыбнувшись, сказала:

– Благодарю тебя, мой спаситель, за то чудо, что ты совершил, спас меня от чар колдуньи.

Затем она попросила юношу сесть, села сама и продолжила:

– Зовут меня Сурхесер... Вижу, добрый юноша, тебе хочется знать, кто я и как попала в этот огромный лес... Это лучше всего расскажут тебе мои друзья. Я их сейчас позову.

Девушка вырвала со своей головы волосок, дунула на него. Волосок поднялся к потолку и тут же исчез. Вскоре в хижину прибежали лесные звери, прилетели птицы, приползли змеи, даже жуки и муравьи пожаловали, и очень были удивлены, увидя девушку живой.

– Друзья мои, все ли собрались? – Сурхесер окинула всех взглядом и добавила: – Опять кита Сердара нет. Видимо, он с морем расстаться не может... Мои друзья, – продолжала она, – позвала я вас сюда, чтобы познакомить с моим спасителем. Это он, добрый юноша, поцеловал меня, бездыханную, и вернул мне жизнь... Но ему очень хочется знать, кто я и как попала в этот лес... И я вас, друзья мои, попрошу рассказать моему спасителю всё, что знаете обо мне... Лохматый пёс Кеск, начни ты... Ведь ты жил когда-то во дворце падишаха солнечной страны.

Лохматый пёс Кеск пролаял трижды, призывая всех собравшихся ко вниманию, и начал свой рассказ:

– О, юноша, спаситель нашей прекрасной лесной царицы, то, о чём мы расскажем тебе, – это удивительная история. Итак, слушай!..

Первый рассказ лохматого пса Кеска

Жил я, лохматый пёс Кеск, когда-то при дворце Бинесуб-падишаха. А падишахство его находилось в далёком солнечном краю. На весь мир славились чайные сады этого падишаха. Не было такой страны, откуда бы не приезжали в страну Бинесуб-падишаха, чтобы купить чай или обменять на него дорогие шелка, хрусталь, фарфор или множество других товаров.

Кто бы ни посещал падишахский дворец, каждый считал за честь погладить меня, угостить каким-нибудь лакомством. А сам падишах никогда не расставался со мной. Какие бы события ни происходили во дворце, обо всём я, лохматый пёс Кеск, знал. Бывало, приедут купцы за товаром, а Бинесуб-падишах сядет на свой золотой трон, посадит меня к себе на колени, гладит и деловые разговоры ведёт с заезжими купцами или какими другими гостями... Что и говорить, он очень любил меня. Детей ведь у него не было, и он забавлялся со мной.

Была у Бинесуб-падишаха жена, которую он безмерно любил. Звали её Аёр. Она нисколько не любила своего мужа, а только делала вид. Хитрая плутовка обманывала доброго падишаха. У неё чувство не в сердце покоилось, а на кончике языка. А язык – всем известно – в тёплом месте находится. Иногда она подсыпала мужу в чай или в вино снотворный порошок и усыпляла его. А когда он, уставший от государственных дел, засыпал, она, путаясь ногами в подоле своего чёрного халата, прибегала в дом европейца по имени Мавр, что служил у Бинесуб-падишаха старшим охранником, и сбросив с себя халат, оставалась у него до самого рассвета. А утром возвращалась в свои покои, давала мужу понюхать какую-то жидкость, он просыпался и со словами: «Моя любовь, моя умница!» – обнимал её, гладил волосы.

Знали о бесстыжих делах Аёр во дворце, но сказать, опечалить своего доброго правителя никто не решался.

Часто в часы отдыха мудрые советники рассказывали Бинесуб-падишаху сказки о коварстве женщин. Но, сильно любивший жену свою, он не мог понять намёков. А хитрая жена в таких случаях приносила в покои мужа на золотом подносе чай или вино и говорила:

– О, мой любимый, ты так устал от важных дел, на тебе лица нет... Выпей, утоли жажду и ложись отдыхать.

– Благодарю, моя любовь! – говорил падишах, целуя её руки. А спустя какое-то мгновение он и вправду чувствовал, что устал и что ему хочется спать.

– Слуги! – кричал он в такие минуты, хлопая в ладоши. – Спать!.. Спать!.. – Слуги укладывали его на тахту, раздевали, и он тут же погружался в сон.

Шли годы... В падишахстве произошло большое событие: Бинесуб-падишах ждал от своей жены ребёнка. Он был так счастлив, что всё вокруг было озарено его радостью; вот только Аёр стала раздражительной и без причины кричала на слуг, но искусно скрывала своё настроение в присутствии мужа.

Однажды я, лохматый пёс Кеск, увидел такую картину. Аёр вдруг почувствовала слабость и слегла в постель, а через некоторое время приказала слугам позвать к ней момой. Когда же та пришла, она сказала:

– Сделай так, чтобы всё было хорошо, а не то велю отрубить тебе руку.

Поняла момой, в чём тут дело, и, налив в глиняную чашку воды, стала гасить в ней горящие лучинки и, воздев руки к небу, приговаривать:

– Во имя души огня и чистой воды, да будет исход благополучным!.. Аминь!.. Во имя души огня и чистой воды, да будет исход благополучным!.. Аминь!.. Единый Боже! Дай ей радость разрешиться...

И через несколько минут в комнате раздался детский крик. В семье Бинесуб-падишаха родилась дочь. Задумалась Аёр – ведь заботы о дочери не входили в её коварные планы, и приказала она слугам позвать к ней европейца Мавра. Когда он пришёл, она спросила:

– Что будем делать с ребёнком? Если оставим, то Бинесуб-падишах всё своё богатство и любовь дочери передаст, а нам с тобой ничего не достанется.

Европеец с ухмылкой ответил:

– Нужно подкупить мамой, чтобы она падишаху горестную весть принесла – будто ребёнок мёртвый родился, а девчонку в лес отнести и бросить. Тогда падишах тебя ещё сильнее любить и жалеть будет, пока ты ему ещё ребёнка не родишь!

Недолго думая, бездушная Аёр спрятала голого младенца под свой халат и пошла в лес. Побежал и я, лохматый пёс Кеск, за ней. Бросила она девочку, а сама бегом, без оглядки заспешила во дворец.

Лежит младенец в кустах, плачет на весь лес, кулачками и пятками в небо стучит, словно у Бога защиты просит. А острые колючки до крови царапают нежное, незащитное тельце. Вижу я, лохматый пёс Кеск, как дитя мается и плачет, и тоже плачу.

«Нет, нельзя крошку оставлять в этом огромном лесу, – подумал я, лохматый пёс Кеск, – нужно вытащить её и во дворец отнести». Кое-как влез я, лохматый пёс Кеск, в середину колючего кустарника и попробовал как-нибудь схватить младенца и вытащить. Схватчу зубами за руку – больно ей, она ещё сильнее кричит. Схватчу за ногу – опять кричит. Тогда я, лохматый пёс Кеск, схватил её за горло, думаю – не станет тогда кричать. И вправду перестала она кричать, но изо рта пена пошла. Испугался я, как бы не задушить, и отпустил. Тогда я, лохматый пёс Кеск, от отчаяния завыл, да так громко, что, наверное, Всевышний мою мольбу о помощи услышал и подсказал, что делать нужно: кое-как протиснулся я, лохматый пёс Кеск, через кустарник, да спину под девочку подставил. Сжала она свои маленькие кулачки и за шерсть мою уцепилась; так, на спине, я её и понёс, боясь оступиться. Бегу, из её ссадин кровь капает, а с меня пот ручьём течёт. Долгой была дорога. Я, лохматый пёс Кеск, в густом лесу даже заблудился, но как бы то ни было, добрёл до родного дворца. Иду и думаю: «Прямо к своему хозяину в покои понесу и у ног брошу... Пусть знает, какую жену он любит».

Но когда я, лохматый пёс Кеск, пролез через щель в дворцовых воротах и стал осторожно бежать с младенцем по дворцу, увидела меня жестокая Аёр, отняла младенца и отнесла крошку в дом любовника. В это время я, лохматый пёс Кеск, тайком подкрался к двери и слышу, как Аёр говорит европейцу:

– Вот гадкий Кеск!.. Так он нас мог и разоблачить.

А любовник отвечает:

– Нужно девочку опять отнести и бросить в лесу. А с Кеском я сам разделаюсь...

И в тот же день жестокая Аёр спрятала младенца под халат и опять отнесла в лес. А меня, бедного пса, схватили и бросили в холодный и тёмный колодец в саду.

Семь дней и ночей от холода дрожал я и голодом томился в этом колодце. На восьмой день случилось так, что садовнику понадобилась вода. Опустил он бадью в колодец, и едва бадья достигла уровня воды, я, лохматый пёс Кеск, напряг весь остаток своих сил и тут же прыгнул в бадью. А когда садовник вытащил бадью наверх, я выпрыгнул на землю, стряхнул с себя воду, семь раз перевернулся через спину и во весь дух пустился бежать к лесу, вынюхивая след, который и привёл меня в логово одной волчицы. Почуяла она, что я не просто здесь появился, а затем, чтобы младенца забрать. Выбралась из логова и со всей волчьей яростью бросилась на меня. Крепко, ой, как крепко мы тогда сцепились с ней, так крепко, что шерсть клочьями и с кровью от нас отлетала. Да-а, до тех пор дрались мы, пока, наконец, оба уставшие, не свалились на землю и не начали вести мирные переговоры. Я поведал волчице – а это была всеми уважаемая волчица Рухс, как бедная крошка попала в этот лес. Мы поняли друг друга, и я, лохматый пёс Кеск, попросил волчицу Рухс разрешить мне жить у неё.

«Не хочу во дворец возвращаться. Злой и жестокий европеец всё равно убьёт меня», – помню, сказал я ей тогда. И она не возразила... Так вот я, лохматый пёс Кеск, и расстался с богатым падишахским дворцом и любящим меня хозяином... А что было после того, как жестокая Аёр вторично принесла младенца в лес и бросила здесь девочку совсем одну, пусть расскажет спасителю нашей лесной царицы волчица Рухс, – закончил свой рассказ лохматый пёс Кеск.

Когда Кеск перестал говорить, все звери, птицы и змеи задвигались, разминая успевшие устать от неподвижного состояния мышцы. Размялся и Кеск.

– Ну что же, волчица Рухс, начинай свой рассказ, мы ждём, – вздохнув глубоко, сказал лохматый пёс Кеск.

Волчица Рухс посмотрела своими зелёными глазами на лесную царицу Сурхесер, прося у неё разрешения начать свой рассказ. Красавица Сурхесер откинула с плеч свои золотые волосы, отчего по всей хижине во множестве побежали солнечные блики, и сказала:

– Начинай!

И волчица Рухс, сев поудобнее, начала.

Рассказ волчицы Рухс

Как-то раз, когда я кормила двух своих волчат, донёсся до меня плач ребёнка. С неба лил дождь, да такой сильный, что представить себе нельзя. Заволокла я волчат в глубь логова, чтобы, чего доброго, под дождём не продрогли, и понеслась туда, откуда доносился тревожный плач ребёнка. Бегу, а сама думаю: «Волчата мои голодные, принесу им ребёночка, пускай полакомятся».

Когда я взобралась на косогор, то увидела, как стая лютых и голодных волков обступила лежащего в середине колючих кустов ребёнка. Так сильно он плакал, что своим плачем заглушал шум дождя, да и душу тербил тому, кто слышал этот жуткий плач. А между тем множество зелёных глаз волчьей стаи смотрели на свою жертву с готовностью схватить и разорвать младенца на клочки. Но никто не мог решиться, ибо все знали, что любой, кто бросится первым и оцарапает себя до крови, сам невольно станет жертвой для других членов стаи. И потому они зло лязгали клыками, выли, скалили друг на друга зубы, показывая тем самым свою силу, а значит и право стать обладателем жертвы. Ведь у волков свои волчьи законы: кто сильнее – тот и властвует.

Видя такое дело, я не стала долго раздумывать. Ой, как хотелось мне угостить волчат своих молодым мясом и свежей человеческой кровью. Выскочила я из-за косогора, прыгнула в колючий кустарник, где лежал неведомо чей ребёнок, и, схватив младенца зубами за плечо, пустилась большими прыжками бежать вниз по оврагу, в сторону моего логова. Бегу, а стая разъярённых волков огромными прыжками за мной несётся. Вскоре они настигли меня и стали хватать со всех сторон. Кто за ногу укусит, кто за бока, только клочьями шерсть с меня летит. Ни о чём другом я тогда не думала, кроме как

накормить человечьим мясом своих голодных волчат, и потому ни на что не обращала внимания, не чувствуя даже боли от волчьих укусов. Так быстро, как в тот раз, я ещё никогда не бегала, и вскоре вбежала в своё логово, бросила подальше свою добычу и встала мордой в сторону входа. Стою и с каждым, кто хочет пролезть в мое убежище, в драку вступаю. Одного лапой ударю, на другого зло зарычу, с третьим сцеплюсь, только клочья шерсти летят да кровь течёт, но пролезть в моё логово никому не даю. Долго и яростно я тогда защищалась. Ведь не могла же я свою добычу так просто отдать.

А меж тем этот самый младенец, который должен был быть съеденным, со всей доверчивостью прижался к моему животу и замолк. Я с волками дерусь, а малютка мои сосцы сосёт, чмокает, да ещё и что-то своё бормочет.

Когда волки ушли ни с чем, я хотела разорвать на клочки свою жертву, чтобы мои волчата могли человечины попробовать, но так и не смогла. Она доверчиво, всем своим крохотным существом прижималась ко мне, словно к своей родной матери, а я, видя это, не решилась лишить её жизни. И так вот стало это маленькое человеческое беспомощное существо жить с нами. Стала я кормить девочку своим молоком, всякими кореньями и ягодами, а волчатам своим наказала, чтобы любили её, как родную сестру, не обижали.

Но через несколько дней, когда я на охоте вдруг услышала собачий лай и жуткий запах псины, мне подумалось, что это люди с собаками пришли в лес на поиски моего приёмыша. Я тут же пустилась со всех ног к своему логову. Прибежала и жду. Гляжу, несётся какой-то лохматый пёс, а это был не кто иной, как известный теперь нам всем Кеск. Я как увидела его, тут же, не раздумывая, выбежала навстречу и первой бросилась на незваного гостя... Да-а, сильно мы тогда схватились. Насмерть стояли. Помню, как я со всей присущей мне яростью бросилась на Кеску, хотела вцепиться клыками в морду, да так, чтобы сразу сразить, но не тут-то было. Кеск ловко увернулся в сторону и, прежде чем я успела броситься на него снова, кинулся на меня, в прыжке схватил меня за загривок и сильно ударил о землю. Но я тоже схватила его за плечо, и мы оба покатались с пригорка.

Долго мы тогда дрались, изорвали друг друга, но, наконец, оба уставшие и израненные, свалились на землю и стали мирно переговариваться.

– Волчица Рухс, отдай мне ребёночка, – говорит мне мой противник. – Я знаю, ты хочешь съесть эту крошку.

Я отвечаю:

– Не отдам... Я её буду растить и никому в обиду не дам, и даже тебе, лохматый пёс.

Тогда лохматый пёс Кеск рассмеялся и говорит:

– А знаешь ли ты, волчица Рухс, чья это девочка и как она попала в этот лес?

– Нет, – ответила я и попросила рассказать.

И лохматый пёс Кеск рассказал мне всё, как было, а в конце сказал:

– Можно, я останусь жить с вами?.. Не хочу во дворец возвращаться. Злой и жестокий Мавр всё равно убьёт меня.

И я сказала:

– Оставайся!

И лохматый пёс Кеск остался жить с нами, и жили мы как одна семья. Шли дни за днями, месяцы за месяцами... На нашем совместном совете решили назвать девочку Сурхесер, что значит – Златокудрая.

Волчата мои полюбили человеческое дитя. Ничего без неё не ели, никуда не ходили. Бывало, взберётся Сурхесер на спину одному из моих волчат, а они и рады тому, что красавица леса с ними играет, катают её по очереди по всему лесу, словно напоказ, только золотые волосы царицы по ветру развеваются. Поёт наша царица весёлые песни и всех зверей, птиц, змей... – одним словом, всех обитателей этого леса возле себя собирает, каждого погладит, приласкает, добрым словом приветит.

Так вот и жили мы много лет подряд.

Но однажды случилась беда. Через наш лес проходил ослиный караван с купцами. Ехали они за товаром в далёкий солнечный край, где правителем был Бинесуб-падишах. Увидели они нашу лесную златокудрую царицу, да ещё верхом на волчонке сидящую, и сговорились между собой: во что бы то ни стало забрать её с собой. Один из купцов стрельнул из лука в волчонка моего, который в это время катал по лесу Сурхесер, и убил его. А нашу златокудрую царицу леса поймали, связали верёвками и стали расспрашивать: кто она, чья и как попала в этот огромный лес?

И наша златокудрая царица, конечно же, рассказала всё как есть.

«Значит, ты и есть законнорожденная дочь Бинесуб-падишаха из далёкой солнечной страны?» – спросили купцы. Наша лесная царица сказала, что да. Тогда купцы решили скорее доставить её в падишахство Бинесуба и обо всём рассказать ему.

И я, старая волчица Рухс, и лохматый пёс Кеск в это время были далеко от этих мест и ничего не знали о случившемся. Но когда к нам прилетела добрая куропатка Кокул и рассказала о случившейся беде, то и я, и лохматый пёс Кеск тут же пустились вдогонку. Вместе с нами помчались догонять караван все волки нашего леса. Догнали мы этот самый караван и тут же напали на них и почти всех растерзали. Только тем, кто был на быстрых арабских скакунах, удалось спастись. Всем остальным – и ослам, и людям – мы перегрызли глотки. Как бы то ни было, нашу златокудрую царицу леса мы спасли. Но она была от испуга без чувств. Тогда я, старая волчица Рухс, велела лохматому псу Кеску пойти вдогонку тем, кто смог удрать, а сама позвала змей и попросила их отнести нашу царицу на дно одного ущелья, где росло множество лечебных трав и цветов.

Семь змей на своих головах понесли бедную нашу царицу вниз, к ущелью. Несут они, а золотые кудри нашей красавицы по траве стелются, всё вокруг освещают.

Семь дней и ночей пробыла наша Сурхесер среди благоухающих трав и цветов и, наконец, пришла в чувство. А когда подняли её наверх, то медведь Ай-Аюв раздобыл кубок мёда, смешал его с молоком серны Джан-Джейраны и дал выпить нашей царице леса. От этого лекарственного напитка она тут же поправилась.

Вот так мы, лесные её друзья, спасли нашу красавицу Сурхесер... Но если бы только всё этим кончилось, это было бы полбеды. Но полную беду принесла на голову нашей лесной царицы её жестокая мать в сговоре со злой и хитрой колдуньей Эней... Как всё это было, пусть расскажет спасителю нашей лесной царицы наш лохматый пёс Кеск. Он там был, всё слышал, всё видел и одержал победу.

Лохматого пса Кеска уговаривать не пришлось. Повилял он своим хвостом, ушами поводил, сел поудобнее и начал рассказ.

Второй рассказ лохматого пса Кеска

И вот пустился я, лохматый пёс Кеск, по следу тех купцов, которым удалось удрать на своих быстроногих арабских скакунах. Долго ли гнался за ними или нет, не помню, но знаю, что догнал их у самых дворцовых ворот Бинесуба в то время, когда они стучались. Спрятался я, лохматый пёс Кеск, в цветнике, что у самых ворот, и думаю: как же мне незаметно проникнуть во дворец и прямо к самому Бинесуб-падишаху пройти. Чего доброго, увидят меня злодейка Аёр и жестокий европеец Мавр, тут же убьют.

Много всякого передумал я, лохматый пёс Кеск, в те долгие минуты, когда таился в цветнике, но ничего дельного так и не смог придумать. И тут вдруг перед купцами открылись дворцовые ворота, охраняемые вооружённой стражей. Купцы стали проходить во дворец, держа под уздцы коней. В это самое время я, лохматый пёс Кеск, бесшумно спрятался за длинный халат одного купца и тоже прошёл во дворец. Вскоре они поднялись по каменным ступеням в приёмные покои самого Бинесуба. Проник туда же и я, лохматый пёс Кеск.

«Да пусть продлятся дни твои, почтенный и радушный Бинесуб-падишах, – начали купцы, отбив поклоны. – На этот раз наш караван в одном лесу постигла беда... Всех, кроме нас пятерых, что стоят перед твоими глазами, растерзала стая разъярённых волков. И всё из-за одной златокудрой красавицы».

«Как это случилось?» – с любопытством спросил мой бывший хозяин.

И купцы начали рассказывать: «Когда мы, двенадцать купцов и тридцать погонщиков каравана, навьюченного шелками, проезжали лес, что лежит на пути к тебе, почтенный Бинесуб-падишах, то в этом лесу встретили девушку необыкновенной красоты. Лицо её излучало свет подобно восходящему солнцу, а золотые кудри и вовсе слепили глаза глядящего на неё; стан же её был гибок, словно виноградная лоза; глаза ясны, будто летнее небо; походка легка и стремительна, как дуновение ветра, а голос звучал как волшебная музыка флейты. Живёт красавица в лесу и катается верхом на волке...»

Да, обо всём как есть рассказали купцы Бинесуб-падишаху. А когда кончили свой рассказ, Бинесуб-падишах спросил: «Значит,

вы, дорогие гости, говорите, что эта красавица, как она сама вам сказала, законнорожденная дочь моя, а жена втайне от меня занимается прелюбодеянием с моим старшим стражником?»

Купцы низко склонились и в один голос ответили: «Да, почтенный Бинесуб-падишах, так рассказала нам эта златокудрая красавица, из-за которой наш караван, наши друзья и слуги погибли».

Бинесуб-падишах, глубоко вздохнув, снова спросил: «Значит, вы, дорогие гости мои, говорите, что эта красавица рассказала вам о том, что моя жена отнесла нашего младенца в лес и бросила там и что эту девочку подобрали лесные звери и вырастили?»

Купцы вновь поклонились и в один голос ответили: «Да-да, почтенный, Бог свидетель, мы говорим правду».

Бинесуб-падишах в гневе хлопнул в ладоши, требуя своих слуг. Вскоре в тронный зал вошли везири – советник правой руки и советник левой руки; тут же были и писари. Вошедшие низко поклонились своему правителю и сказали: «Что прикажешь, почтенный Бинесуб-падишах?»

Бинесуб-падишах кратко и с печалью поведал своим советникам о том, что рассказали ему купцы, и спросил: «Скажите мне, может ли быть так, что жена моя, которую я люблю, могла тайно обманывать меня с моим старшим стражником Мавром, а дочь, рождённую от меня, бросить в лесу на погибель?!»

Советники в один голос ответили: «Да, наш почтеннейший и уважаемый правитель, это, к сожалению, правда».

И тут у Бинесуб-падишаха дрогнули скулы, смуглое лицо его вмиг посерело, как зола, а крепкие широкие плечи опустились. Бинесуб-падишах, не глядя на присутствующих, дрогнувшим голосом сказал: «Отрубите немедля европейцу голову и принесите к моим ногам... И жене... тоже», – добавил он и тяжело вздохнул.

Советники хлопнули в ладоши, призывая палачей, и крикнули: «По приказу нашего правителя и воле Всевышнего старшему стражнику Мавру за связь с женой нашего правителя и неверной Аёр отрубить головы и бросить к ногам Бинесуб-падишаха».

Вскоре у ног убитого горем и обманутого правителя лежала окровавленная голова жестокого и подлого европейца Мавра.

Бинесуб-падишах встал со своего трона и, подойдя ближе, плюнул в сторону отрубленной головы и во всеуслышание сказал: «Подлец, за хлеб мой и кров мой ты подлостью и ничтожеством благодарил меня всё это время».

Бинесуб-падишах повернулся к слугам и спросил: «А где же голова блудницы?»

Слуги ответили: «Всюду искали жену вашу, нигде не нашли, почтеннейший».

А я, лохматый пёс Кеск, в это самое время выскочил из укрытия и бросился на поиски злой и коварной Аёр. Искать пришлось недолго. Коварная Аёр пряталась в доме старой момой. И я, лохматый пёс Кеск, пролез в подпол её дома и стал слушать, о чём они говорят.

«О, кабы я знала, что она останется в живых и свалит на мою голову горе, я тогда сама бы своими руками задушила её, – говорила знахарке Аёр, шумно расхаживая по комнате. – Помоги мне убить виновницу моих бед», – просила она.

А старая момой, шамкая беззубым ртом, отвечала: «Но как?! Теперь нам это дело будет не под силу. Твою златокудную дочь берегут все лесные твари... Но я тебе дам совет: возьми с собой ларец с драгоценностями и сходи в тот самый лес, где живёт твоя дочь. В лесу ты найдёшь старый-престарый дуб. Подойди к этому дубу и поскреби кору. Когда ты поскребёшь кору, на дереве покажется старая ведьма Эней. Она спросит у тебя: «С чем пришла?» И тогда ты открой крышку ларца, покажи ей драгоценности и скажи: так, мол, и так, есть дело, нужна твоя помощь. Она скажет: «Только злом могу помочь». И вот тут-то ты и выложи ей всё, что задумала против своей дочери... Всё как пожелаешь, так и сделает старая и хитрая ведьма Эней... Ступай, да не забудь захватить ларец с драгоценностями».

«Скажи мне, как я узнаю, что буду иметь дело не с кем-то, а с Эней?» – спросила злая и коварная Аёр.

Старая момой ответила: «Эней самая безобразная и страшная старуха на всём свете. У неё на голове крутой рог, нижняя челюсть касается груди, на верхней – торчат всего два зуба, которые вылезают поверх нижней челюсти. Нос длинный, вздёрнут вверх и касается макушки головы, на руках и ногах у неё длинные согнутые когти. Сама она тощая, кожа отвисшая, да гремит костями, глаза как

у рыбы – выпученные и всё время вращаются, как мельничные жернова... Ступай, найдёшь!»

Затем злодейка Аёр, вознаградив свою советчицу двумя золотыми и спрятав под свой чёрный и длинный халат ларец с драгоценностями, незаметно оставила пределы дворца через только ей одной известную лазейку и заспешила в сторону леса, взбивая дорожную пыль.

Я, лохматый пёс Кеск, не успел шмыгнуть за ней и выбежал через городские ворота, стараясь догнать её, теряя след в дорожной пыли. Нагнал я Аёр только в лесу и, чтобы не обнаружить себя, спрятался за кустами, еле сдерживая прерывистое дыхание.

Аёр стояла около старого-престарого дуба, о котором говорила знахарка. Она поскребла кору ногтями, и тут на дереве появилась страшная Эней. «Эй-гей, женщина в чёрном, с чем пришла?» – спросила Эней, шамкая беззубым огромным ртом.

Злодейка Аёр показала ей ларец с драгоценностями и крикнула: «Нужна твоя помощь... Сделаешь так, как пожелаю, вознагражу этими драгоценностями».

Старая Эней прыгнула вниз так, что кости её загремели, и, облизывая длинным языком свои безобразные губы, стала разглядывать незнакомку. Наглядевшись, она приказала открыть ей ларец с драгоценностями. Аёр открыла. Эней увидела ослепляющие глаза драгоценности и сказала: «Только злом могу помочь... Говори, женщина в чёрном, в чём нужна моя помощь?»

Аёр рассказала Эней о том, как в таком-то году родила она на свет девочку, принесла в этот лес и оставила на съедение волкам. Повела о том, как недавно к ним в страну прибыли несколько купцов, которые, проезжая через лес, увидели её дочь уже взрослой, поймали её и заставили рассказать, кто она, чья дочь и почему живёт в этом лесу. Сообщила Аёр и о том, как эти купцы обо всём услышанном из уст её дочери рассказали мужу. А муж разгневался и приказал отрубить тут же голову и ей, и её любовнику.

«Ему уже отрубили голову, а я, Аёр, успела убежать, захватив эти драгоценности... Уважаемая Эней, ты должна умертвить мою дочь. Она живёт в твоём лесу. Я хочу, чтобы рассказы купцов не подтвердились. Умертвишь её, да так, чтобы я могла в этом убедиться, – получишь в награду весь этот ларец с драгоценностями».

Эней почесала в затылке своими длинными согнутыми когтями, несколько раз подпрыгнула на месте, предвкушая радость от злодеяния, которое ей предстояло сделать, и сказала: «Эй, женщина в чёрном, всё будет сделано, как ты сказала... А сейчас отдай мне ларец».

Аёр, не скрывая своей радости, спросила: «А не обманешь?»

Эней захохотала, да так громко, что с деревьев посыпались листья, а я, лохматый пёс Кеск, от ужаса так и замер в своём укрытии. «Оставшимися клыками клянусь, сделаю так, как ты сказала», – ответила Эней.

Аёр передала ей ларец с драгоценностями. Эней тут же ловко прыгнула на дерево и скрылась в каком-то дупле. Вскоре на дереве появилась огромная большеклювая когтистая орлица с кручёным рогом на голове.

«Эй, женщина в чёрном, жди меня здесь, – шамкая, сказала орлица. – Сейчас я исполню своё обещание». Орлица расправила два огромных, как чёрные тучи, крыла и с шумом, ломая ветки, взлетела в небо. Вскоре она поднялась так высоко, что превратилась в маленькую точку.

Я, лохматый пёс Кеск, смотрел на парящую в небе точку, стараясь не потерять её из виду, и никак не мог понять, что же будет дальше. А дальше случилось вот что. Орлица полетела вниз, но куда, я так и не увидел, а через несколько минут, так же с шумом, ломая деревья, прилетела и села прямо возле Аёр. В когтях она держала уже умерщвлённую нашу златокудрую лесную царицу Сурхесер.

«Эй, женщина в чёрном, вот она, твоя дочь. Она уже мертва, – Эней небрежно бросила свою жертву и продолжала: – Теперь можешь со спокойной душой идти и сказать, что купцы наврали. Никакой златокудрой девушки в лесу нет и не могло быть... Ступай!»

Я, лохматый пёс Кеск, видя нашу лесную царицу мёртвой, готов был со всей яростью и злобой броситься и на Эней, и на коварную Аёр, но понял, что ужасная старуха вмиг заколдует меня. И мне ничего не оставалось делать, как сидеть в своём укрытии и ждать, что же будет дальше.

И вот, когда злая Аёр, довольная тем, что наконец-то увидела свою дочь мёртвой, заспешила во дворец обвинить мужа в безум-

стве, вот тут-то я, лохматый пёс Кеск, решил отомстить коварной Аёр за все её злодеяния. Бегу я вслед за ней, прячась в придорожных кустах и за деревьями, и выжидаю удобный момент, чтобы броситься на неё и растерзать. Но тут мне встретила Лисонька-Лиса. Она поздоровалась со мной и спросила, куда это я бегу.

Я, лохматый пёс Кеск, рассказал ей обо всём случившемся и добавил, что хочу отомстить коварной Аёр. Лисонька-Лиса спросила: «А где же эта самая Аёр?» Я, лохматый пёс Кеск, показал на спешно идущую по тропинке женщину. «Это мы сделаем», – сказала тогда Лисонька-Лиса и тут же исчезла.

Я, лохматый пёс Кеск, всё же решил преследовать Аёр дальше. И вот, когда тропинка, по которой она шла, привела её к дороге, я, лохматый пёс Кеск, увидел посреди дороги замертво лежащую Лисоньку-Лису. Увидела лежащую лису и злодейка Аёр. Она обрадовалась и, сказав: «Пригодится», – нагнулась, чтобы поднять свою находку, но тут наша Лисонька-Лиса как вскочит на ноги да как зафырчит... Злодейка Аёр так испугалась, что тут же упала в беспмятстве. Тогда Лисонька-Лиса и я, лохматый пёс Кеск, перегрызли злодейке горло и поспешили найти и оповестить волчицу Рухс о том, что сделала с Сурхесер колдунья Эней.

Волчицы Рухс у себя в логове не было. Она хоронила своего погибшего волчонка и, конечно, ничего об умерщвлении нашей лесной царицы не могла знать. О, как она тогда опечалилась: готова была разорвать нас на части за то, что мы не смогли спасти златокудрую нашу царицу... Конечно, она сама бы не решилась вступить в драку со злой колдуньей. Её и вправду никто не сможет победить... Её жизнь в яйце находится, а яйцо это в желчи. А желчь она носит с собой. Зло, говорят, живуче, но как же нам быть с той, которую Эней умертвила? Волчица Рухс попросила змей, чтобы они вновь отнесли нашу златокудрую лесную царицу в ущелье, где растёт множество лечебных трав и цветов. «Может быть, снова оживёт», – сказала волчица Рухс.

Семь змей, как и раньше, понесли на дно ущелья нашу лесную царицу и оставили её на сорок дней и ночей среди благоухающих лечебных трав и цветов. Но нет, не ожила наша Сурхесер.

Тогда мы, все лесные обитатели, построили на полянке, недалеко от берега моря, эту хижину, сколотили гроб, положили в него нашу лесную царицу и со слезами на глазах и плачем на устах внесли её в эту хижину. «Пусть, – думаем, – пока лежит мёртвой, а мы, все её друзья, попробуем уговорить колдунью Эней вернуть нашей лесной царице жизнь».

Как только мы, все обитатели этого леса, не просили, не уговаривали колдунью Эней оживить умерщвлённую красавицу! Нет, ничего не помогло. Даже Лисонька-Лиса не смогла никакими хитростями обмануть, уговорить её. На все наши просьбы и уговоры она злорадно хохотала. А когда мы ей надоели, вселила в стены хижины, где лежала в гробу красавица Сурхесер, Шагаду. Стоило нам войти в избу, чтобы проведать нашу лесную царицу, как Шагаду тут же начинал противно кричать и жечь плошки, нагоняя на нас жуткий страх. И мы всё это долгое время никак не решались войти внутрь избы, чтобы посмотреть на лежащую в гробу нашу лесную царицу.

Только ты, добрый юноша Амелум, смог вернуть жизнь нашей Сурхесер... Правы люди, когда говорят, что любовь и мёртвых воскрешает. И эта правда подтвердилась... А мы, уважаемый Амелум, все обитатели этого огромного леса, клянёмся тебе, спасителю нашей лесной царицы, быть верными слугами всегда и во всём, – закончил свой рассказ лохматый пёс Кеск.

Все здесь присутствующие обитатели леса – птицы, звери, змеи и даже жуки, пауки, муравьи, – словом, все последовали примеру Кеска и тоже произнесли клятву верности Амелуму, на что охотник ответил:

– Да быть мне вашей жертвой! Огнём клянусь! Ничего особенного я не сделал.

– Сделал ты или не сделал, это уж позволь знать нам, добрый спаситель, – сказал лохматый пёс Кеск и добавил: – А пока лучше послушай рассказ о том, что же случилось с Бизнесуб-падишахом и его дворцом.

– А что же случилось? – спросил Амелум.

И тут лохматый пёс Кеск снова начал рассказывать.

Третий рассказ лохматого пса Кеска

Знай, добрый спаситель нашей лесной царицы, что после того, как разгневанный Бизнесуб-падишах отрубил подлому европейцу Мавру голову, случилось страшное несчастье.

Начну с начала. Жизнь в нашем лесу шла своим чередом. Птицы перелетали с ветки на ветку, пели свои песни; животные бродили по лесу и растили своих детёнышей; змеи, свернувшись в клубок, грелись на солнце; орлы парили высоко в небе; жуки и другие насекомые перелетали с цветка на цветок; муравьи, как всегда, трудились, на зиму запасаясь едой; я же, лохматый пёс Кеск, украдкой от колдуньи Эней сторожил избу, где находилась умерщвлённая наша златокудрая лесная царица. И вдруг я почуял запах гари. А спустя некоторое время небо над нашим лесом затянуло густым дымом, и на лес стала падать сажа. Если правду сказать, то я, лохматый пёс Кеск, испугался, подумал, что наш лес горит. Но тут, на моё счастье, неподалёку от меня сел на дерево орёл.

«Эй, орёл Сумург-гуш, не знаешь ли ты, где и что горит?» – спросил я, лохматый пёс Кеск. «Знаю, – ответил тот, – это дворец солнечного края горит».

Как только я, лохматый пёс Кеск, узнал, что это дворец Бизнесуб-падишаха горит, тут же пустился туда, желая узнать, в чём там дело. Долго ли я, лохматый пёс Кеск, бежал, не помню, но наконец добежал до дворца Бизнесуб-падишаха и вижу: даже каменные зубчатые стены дворца и чугунные резные ворота охвачены огнём. Всё горит и рушится, а люди то и дело бегают взад-вперёд, кричат, не знают, что делать, как погасить разбушевавшийся огонь.

Подошёл я, лохматый пёс Кеск, к толпе людей и слышу, как одна из женщин говорит другой: «Всё из-за блудницы Аёр». А та, другая, видимо чужестранка, спрашивает: «А в чём дело?» – «А дело в том, что эта самая злодейка Аёр, жена нашего падишаха, втайне от мужа слюбилась с одним европейцем, который служил у нашего правителя предводителем стражи, и даже когда родила дочку, то, боясь потерять любовника, бросила девочку на съедение волкам. Когда об этом узнал Бизнесуб-падишах, он приказал отрубить голову своей жене и подлому европейцу. Но об этом узнал младший брат казнённого».

«Оказывается, его младший брат, – начала рассказывать третья женщина, – был атаманом сорока разбойников и жил где-то далеко. Когда до него дошли вести о том, что Бинесуб-падишах отрубил его брату голову, он приехал сюда и отомстил нашему правителю».

«Как же удалось разбойникам поджечь дворец? Ведь он не мог не охраняться?!» – спросила опять чужестранка.

«Они обманули Бинесуб-падишаха, – начала та, что говорила первой. – Несколько человек попросились на приём к нашему правителю. Когда тот принял их, то чужестранцы сказали Бинесубу, что они торговцы из какой-то там страны и везут продавать мёд. Потом они попросили у Бинесуб-падишаха позволения остановиться на ночь у него во дворце. Всегда радушный Бинесуб-падишах разрешил их каравану остановиться во дворце, а кое-кого из этих людей он пригласил к себе в покои и накрыл в честь гостей стол. Поздно ночью, когда все уже спали, разбойники и подожгли дворец...»

«У них в глиняных сосудах не мёд был, а горючая жидкость, – вставила та женщина, которая говорила третьей. – А самому Бинесуб-падишаху отрубили голову и увезли с собой».

«И всё это случилось из-за коварной блудницы Аёр, – вздохнув, сказала женщина, которая говорила первой. – А он, бедный наш правитель, так её любил, так ей верил!.. Вот какие беды может сотворить плохая женщина...»

Подслушал я, лохматый пёс Кеск, разговоры этих женщин, вспомнил, как когда-то жил в этом дворце, сидел на коленях у доброго Бинесуб-падишаха, посочувствовал всему тому, что случилось, да и поплёлся к себе в лес охранять мёртвую нашу лесную царицу Сурхесер.

А между тем дворец горел и горел и, наконец, совсем дотла сгорел, золой стал. Вот и вся история и страшная правда о нашей красавице Сурхесер.

... Некоторое время все сидящие в хижине молчали, грустные, исполненные сочувствия. Кто знает, сколько бы они так сидели и печалились, если бы Амелум вдруг не спросил златокудрую Сурхесер:

– Скажи мне, красавица из красавиц, почему ты, когда ожила от моего поцелуя, испуганно кричала: «Надо бежать!.. Эней идёт!.. Надо бежать!.. Эней идёт!..»?

И вот тут Сурхесер начала рассказывать:

– Сидела я на лужайке и плела венки. Но вдруг увидела, как Эней в образе страшной орлицы с самого неба стрелой падает на меня. Тут я в страхе подумала, что надо бежать. Но не успела даже сделать и шага, как Эней схватила меня своими цепкими когтями и подняла высоко в небо. В воздухе она произнесла какие-то заклятия, и сердце моё тут же остановилось... А твой поцелуй, мой спаситель Амелум, снова заставил его биться... И теперь я должна исполнить любое твоё желание, – сказала Сурхесер Амелуму.

Тут охотник Амелум, обращаясь ко всем собравшимся, сказал:

– Согласитесь ли вы, добрые обитатели этого чудесного леса, отдать мне в жёны вашу лесную царицу?

Все звери, птицы, змеи и даже жуки, пауки и муравьи, – словом, все-все вопросительно посмотрели в сторону девушки, всё существо которой излучало свет, и, поняв, что и она согласна стать женой такому доброму и отважному джигиту, в один голос сказали:

– Да, согласны!

Сурхесер радостно улыбнулась, отчего уста её стали походить на расцветшую красную розу. Она кокетливо трянула своими золотыми кудрями, и в хижине забегали солнечные блики. Затем она, подойдя к Амелуму, обняла его и покорно опустила ему на грудь свою голову, освещая блеском своих волос лицо возлюбленного.

Звери, птицы, змеи, жуки и муравьи – все-все, толкаясь, направились к выходу: они поняли, что сейчас они здесь лишние.

Три дня и три ночи пробыл Амелум вместе со своей невестой. Но на четвёртый день вспомнил, зачем он пустился в путь, и, рассказав обо всём Сурхесер, добавил:

– Мне надо ехать!

– Не уходи, мой спаситель! – взмолилась Сурхесер. – Не заставляй меня смотреть на дорогу в ожидании твоего возвращения.

Но Амелум был непреклонен.

– Я должен скакать туда и положить конец жестокостям Хун-хурпадишаха и его коварной дочери, – сказал он. – Сколько там добрых юношей лишились головы, а сколько ещё лишатся.

– Ну что ж, как решил, так и поступай, – тяжело вздохнув, согласилась красавица Сурхесер, а у самой слёзы на глаза навернулись: так ей не хотелось расставаться со своим добрым спасителем Амелумом. – Вот тебе три волоска с моей головы. Если вдруг будет невмоготу, пусти один из этих волосков по воздуху, и я тут же пришлю на помощь волчицу Рухс. Она доставит тебя к нам, а мы-то здесь все вместе и придумаем, как помочь беде.

Охотник Амелум и красавица Сурхесер поцеловались на прощание и, сказав: «До скорой встречи!» – расстались.

Вскоре Амелум пришёл к тому дереву, где три дня назад привязал своего доброго коня. Но странно – конь его стал каменным.

– О, мой верный друг, что с тобой? – взволнованно спросил Амелум коня. – Какой злодей тебя так заколдовал?

И тут конь заговорил человеческим голосом:

– О, добрый мой хозяин, меня заколдовала колдунья этого леса, и зовут это страшилище Эней... Она ударила меня и сказала: «Стань ни мёртвым, ни живым». Вот я и стал таким, каким ты меня видишь... Она сказала, что и тебя, о, мой хозяин, заколдует. «Будет, – говорит, – знать, как соваться куда не следует...» Спеши, мой хозяин! Уходи из этого проклятого леса!.. Пропадёшь, заколдует тебя злая Эней.

И Амелуму ничего не оставалось делать, как с болью в душе оставить заколдованного коня своего и идти пешком.

Идёт он в тревоге час, другой, третий, а лес всё не кончается. Когда Амелум был уже далеко от того места, где остался его заколдованный конь, вдруг услышал он за спиной шум и треск. Юноша повернулся и видит, как, издавая стон, падают огромные деревья: это гналась за ним, гремя костями, сама колдунья Эней.

Амелума охватил страх, и он пустился бежать. А Эней, видя, что Амелум убегает, возликовала, выражая свою радость страшным хохотом, и ещё быстрее побежала вдогонку. Бежит, хохочет, да так громко, что листья с деревьев осыпаются, ветки трещат...

– Догоню!.. Загрызу!.. – кричит вся взъерошенная Эней.

Но надо же было такому случиться: Амелум от испуга споткнулся о пень и упал в траву. Подбежала ужасная Эней к лежащему Амелуму и, хохоча, схватила его своими страшными когтями за одежду, потрясла несколько раз в воздухе и ударила о землю.

– Ха-ха-ха-а, – хохотала она и приговаривала: – Когда я тебя ни мёртвым, ни живым сделаю, тогда будешь знать, как свататься к заколдованной мною Сурхесер... Ишь ты, жених нашёлся!.. Я вам покажу ещё, как мои чары расколдовывать, двумя своими клыками клянусь!.. По-ка-жу-у!

Злая Эней вся тряслась от злобы и ярости. Она снова и снова хватала Амелума за одежду, трясла в воздухе и бросала на землю.

Разозлился Амелум, и пропал его страх. Собравшись с силами, он вырвался из цепких рук Эней, быстро обнажил свою саблю и разом отсёк злодейке голову. Голова, хохоча, упала на землю и тут же превратилась в огромную, большеклювую когтистую орлицу с кручёным рогом на голове. Амелум, не раздумывая, бросился к орлице, чтобы убить её, но она расправила огромные, как чёрные тучи, крылья и взлетела в воздух, успев при этом схватить когтями Амелума за плечи. Как только бедный Амелум не старался освободиться от цепких когтей злой орлицы, но ему никак не удавалось это сделать: орлица, размахивая своими мощными крылами, взлетала всё выше и выше.

– Вот когда я справлюсь с тобой, негодник, – говорила, шамкая, орлица, набирая высоту. – Вот когда я разобью тебя, как щепку, о скалы или же брошу в море... Ха-ха-ха-а! – хохотала она на всё огромное небо.

Амелум посмотрел вниз – под ним всё кружилось: и лес, и море, и горы – всё-всё... Но вдруг молодые глаза Амелума заметили человека, поднявшего в их сторону лук. И вскоре пущенная с земли стрела угодила орлице прямо в голову.

Орлица с жертвой в когтях полетела вниз и упала с распростёртыми крыльями на лесную поляну, придавив своей тяжестью Амелума. Амелум напряг все свои силы и, сбросив тяжёлую тушу, отошёл в сторону, как вдруг изо рта орлицы полилась желчь и выкатилось яйцо. Там, где желчь попала на траву, на цветы, пожухли лесные растения. Вначале Амелум не понял, что происходит, но, вспомнив слова лохматого пса Кеска о том, что смерть колдуньи Эней находится в яйце, тут же схватил его.

– Теперь-то, колдунья, жизнь твоя в моих руках, – сказал Амелум не то колдунье, не то самому себе. Затем он взял свой хурджун, положил в него яйцо и, крепко завязав, зарыл под деревом на краю поляны.

А вскоре к Амелуму подошёл тот самый юноша, который пустил в орлицу стрелу и попал в неё.

– Доброго дня тебе и удачи в пути, – сказал этот юноша Амелуму и тут же спросил: – Как ты себя чувствуешь?.. Не ушибся?.. Вижу – орлица несёт в когтях человека... Вот я и пустил в неё стрелу.

Амелум ответил ему на приветствие и сказал:

– Да, ты меткий стрелок... Я в долгу у тебя, мой спаситель.

Они сели напротив друг друга и стали расспрашивать: кто, откуда, куда путь держит и зачем.

Рассказал Амелум всё как есть и попросил своего спасителя рассказать о себе.

– Зовут меня Мушнадар, – начал стрелок, – история моя, охотник Амелум, не так интересна, как твоя. А иду я из страны жёлтых песков. У меня нет ни жены, ни матери, ни отца, даже собственной крыши нет над головой. Живу как придётся. А пустился в путь лишь потому, что решил стать зятем Хун-хур-падишаха. Или зятем стану, или отсекут мне голову... Какой смысл жить бродягой...

– Значит, в страну Хун-хур-падишаха идёшь? Хочешь в его жестокой забаве быть очередной жертвой?

– Да, – ответил Мушнадар.

– Вот и я туда иду, – сказал Амелум, – но затем, чтобы покончить с жестокой игрой Хун-хур-падишаха и его дочери Дерд-Мурджан... Хватит лишать голов добрых, но безрассудных по молодости юношей!

– Вот здорово! – воскликнул Мушнадар. – Значит, вместе идти, друзьями быть!

Вскоре Амелум и Мушнадар уже шли по дороге, ведущей в далёкую страну Хун-хур-падишаха.

Много дней и ночей провели друзья в пути. Много раз устраивали привал, много рек оставили позади, и наконец пришли они, куда путь держали. Когда Амелум и Мушнадар приблизились к высоким зубчатым стенам Хун-хур-падишахского дворца, то увидели на дворцовой площади столбы, на которых торчали головы юношей, здесь же толпился народ. Одни рыдали и били себя в грудь, оплакивая казнённых; другие осуждали их отчаянный поступок.

– Безрассудного и дурака одна дорога ждёт: горе и беда, – говорили они.

Амелум и Мушнадар постояли в толпе, посмотрели на отрубленные головы, и им стало страшно, но оба понимали, что настоящий джигит глаза на чарыки не опускает.

– Ну что, – сказал Амелум, – надо объявить дочери Хун-хур-падишаха о нашем желании принять участие в придуманной ею игре.

Через некоторое время на хейвун вышла сама Дерд-Мурджан в своих драгоценных нарядах. Она кокетливо, как и всегда, откинула с лица вуаль и предстала перед Амелумом и Мушнадаром во всей своей красоте. Когда Мушнадар увидел своими глазами эту красавицу, тут же на время лишился дара речи: хотел ей признаться в любви, но так и не смог молвить ни слова. Но по глазам его было видно, что он готов на всё, только бы она стала его женой. Но Амелум, увидев воочию поистине достойную преклонения красоту Дерд-Мурджан, не проявил к ней никаких чувств: у него было перед кем поклоняться, кого боготворить.

– Кто там ещё хочет испытать своё счастье?! – крикнула сверху Дерд-Мурджан, холодно улыбаясь.

– Мы, – ответили Мушнадар и Амелум.

Дерд-Мурджан злорадно, как это она делала всегда, рассмеялась:

– Надеюсь, условия вам известны?

– Да! – ответили друзья.

– Кто же будет первым прятаться? – спросила Дерд-Мурджан.

Друзья переглянулись.

– Охотник Амелум, позволь мне прятаться первым, – попросил Мушнадар. – Мне терять нечего... Что суждено, тому не миновать.

Амелум одобрительно кивнул головой. И тогда Мушнадар крикнул вверх Дерд-Мурджан:

– Я, красавица, буду первым прятаться.

– Смотри, юноша, найду тебя три раза, отрублю голову и на столб воткну, – предупредила его дочь Хун-хур-падишаха.

Друзья обнялись на прощание. Амелум пожелал своему спасителю удачи и пошёл в караван-сарай отдыхать.

А Мушнадар тем временем побежал к одному человеку, умеющему мастерить сундуки, и попросил сколотить ему сундук, в который бы он мог встать.

Ремесленник этот сколотил сундук и отдал Мушнадару. Тот отнёс его к реке, спустил на воду, привязал к корню дерева, что росло у самой воды, а сам спрятался в дупле этого дерева. Сидит он в этом укрытии и радуется, что своей выдумкой обманет коварную красавицу. А та между тем приказала принести из волшебного бассейна чашу с водой.

Сказано – сделано. Принесли служанки чашу с волшебной водой и поставили перед своей госпожой. Посмотрела Дерд-Мурджан на запад – нет; посмотрела на восток – нет; посмотрела на юг – нет; посмотрела на север – нет; заглянула во все подвалы и колодцы, дома и башни; все леса и горы проверила – нет нигде; в небесные и подводные царства посмотрела – тоже нет... Словом, везде посмотрела, везде заглянула, – и вдруг видит: в одной речке на воде сундук качается, а плыть не плывёт. Заглянула она внутрь сундука – пустой. Но случилось так, что она увидела верёвку, что тянулась от сундука к корню дерева, росшего у самой реки. Посмотрела она внимательно в свою волшебную воду, и надо же – в дупле сидит, скорчившись, не кто иной, как сам Мушнадар. Сидит он там ни живой, ни мёртвый, боится даже глазами повести.

– Э-гей-гей!.. Мушнадар!.. Вижу! – победно крикнула Дерд-Мурджан. – У реки в дупле дерева сидишь. А к корню дерева сундук привязан... Выходи...

Ничего не оставалось делать Мушнадару. Пришёл он снова под хейвун красавицы и сказал, что второй раз будет прятаться.

На этот раз он отправился в небольшой лес в горах. Поджёт его со всех сторон, а сам спрятался в одной из пещер этого леса.

«Ни за что не догадается, что среди огня можно прятаться», – думал Мушнадар.

А Дерд-Мурджан тем временем приказала принести из волшебного бассейна чашу с водой и стала искать. Искать пришлось недолго. Вдруг на глади волшебной воды увидела она горящий лес. «Не влюблённый ли безумец поджёт и спрятался там?» – подумала Дерд-Мурджан. Стала она смотреть в чашу с волшебной водой и видит: в огне и дыму горящего леса пещерка, а в пещерке Мушнадар сидит, задыхаясь от дыма.

– Э-гей-гей, безумец, вижу, – победно крикнула она. – Ты поджёт

лес, а сам спрятался в пещерке, что в горе, на которой лес растёт... Выходи!

Мушнадар переждал, когда потухнет огонь, и с поникшей головой явился под хейвун жестокой красавицы. Здесь его встретил Амелум.

– Друг мой, подожди прятаться в третий раз. Жестокая Дерд-Мурджан всё равно тебя найдёт... Лучше дай я попробую спрятаться, – сказал Амелум.

Мушнадар согласился.

Тогда Амелум крикнул дочери Хун-хур-падишаха:

– Красавица, позволь мне теперь прятаться...

А Дерд-Мурджан спрашивает:

– А тот юноша больше не будет прятаться?

– Будет, только после меня... Он заболел, – ответил Амелум.

Дерд-Мурджан улыбнулась, обнажая свои мышиные зубки, и сказала:

– Ну что ж, прячься, если твоя башка тебе не дорога!

Отправился в этот день Амелум на окраину города, достал из-за пазухи золотые волосинки с головы своей невесты и один из них пустил на воздух. Волосок поднялся высоко в небо и вскоре совсем исчез из глаз.

В это мгновение к нему примчалась волчица Рухс.

– Амелум, садись верхом на меня, да держись крепче! – сказала она.

Амелум сел верхом на волчицу, и та мигом доставила его к златокудрой красавице Сурхесер. Обрадовались они встрече, заключили друг друга в объятия. Лишь потом уже Амелум рассказал ей о том, как он встретился с Эней, как она хотела убить его, как один юноша по имени Мушнадар спас его от явной смерти, которую уготовила ему колдунья... Рассказал также обо всём увиденном и услышанном в Хун-хур-падишахстве; поведал, как его спасителю уже грозит казнь и что теперь вот его, Амелума, очередь настала прятаться.

– Прекрасная моя Сурхесер, если правду сказать, то я даже не знаю, где же мне прятаться, чтобы жестокая Дерд-Мурджан не смогла найти. Если она все три раза найдёт меня, то торчать моей голове на столбе против её дворца.

Сурхесер вырвала со своей головы один волосок, дунула на него. Волосок поднялся к самому потолку и тут же исчез.

Вскоре в хижину прибежали все лесные звери, прилетели все птицы, приползли змеи, даже жуки и муравьи, – словом, все-все явились.

– Чем можем служить?.. Приказывай, наша лесная царица, – говорил каждый, кто переступал порог хижины.

Когда все звери, птицы, змеи, жуки и муравьи были в сборе, красавица Сурхесер рассказала им обо всём, что услышала от Амелума; рассказала, что грозит её жениху, если ему не удастся спрятаться от бездушной Дерд-Мурджан – дочери Хун-хур-падишаха. В конце она попросила своих лесных друзей помочь спрятать Амелума так, чтобы Дерд-Мурджан не смогла с помощью волшебной воды найти.

– Царица наша, позволь мне спрятать нашего Амелума, – предложил орёл Сумург-гуш, который прилетел сюда из-за моря.

– А как же ты будешь прятать его? – спросила Сурхесер.

– Он сядет мне на спину, и я подниму его высоко в небо. Думаю, что никакая волшебная вода Дерд-Мурджан не сможет на такой высоте увидеть нас, – сказал орёл Сумург-гуш.

Вскоре Амелум попрощался со своими лесными друзьями, нежно обнял свою любимую, поцеловал её волосы и вышел из хижины.

На дворе орёл Сумург-гуш сказал:

– Амелум, садись ко мне на спину, только привяжись покрепче поясом.

Амелум уселся птице на спину, упёрся ногами в распростёртые могучие крылья и привязал себя поясом к самому большому перу. Орёл Сумург-гуш с шумом взлетел и стал делать в небе круги, набирая высоту. Вскоре он уже был так высоко, что превратился в маленькую движущуюся точку.

Амелум на спине орла в небе летает, а жестокая Дерд-Мурджан ищет его на земле, под землёй, на воде и под водой – везде и всюду, но найти никак не может. В который раз она смотрит на запад – нет Амелума; на восток – нет; на юг – нет; на север – опять нет. В который раз она заглядывает в подвалы и колодцы, в дома и башни, леса и горы, в небесные и подводные владения, но нигде не может найти Амелума.

Разгневалась жестокая Дерд-Мурджан, покраснела от злости: не знает, куда же ещё смотреть. Тут к ней подошла одна из её служанок и спрашивает:

– Нигде не видно?

– Нет, не видно, – зло отвечает Дерд-Мурджан. – Везде посмотрела, нигде нет и не видно.

– И намёка нигде нет? – спрашивает служанка.

– Видела высоко в небе одного орла, но человека на нём не видно.

– А ты лучше посмотри, может быть, на орле сидит, – посоветовала служанка и вскоре ушла.

Жестокая Дерд-Мурджан снова стала следить за парящим высоко в небе орлом. И надо же случиться такому: когда орёл слегка наклонился, чтобы сделать круг, Дерд-Мурджан вдруг увидела на спине юношу да как крикнет:

– Вижу!.. Вижу!.. Ну и бесстрашный ты юноша, коль на спине орла так высоко мог подняться... Спускайся и прячься вторично!

Услышал Амелум её слова и велел орлу спуститься на землю. Когда орёл Сумург-гуш спустился, он тут же пришёл под хейвун и сказал, что будет прятаться вторично.

– Прячься, бесстрашный юноша. Только не вздумай ещё раз так высоко подниматься... Всё равно найду, – сказала Дерд-Мурджан и ушла с хейвуна.

Посмотрел Амелум на столбы, на которых торчали окровавленные головы таких же, как он сам, юношей, и подумал, что скоро и его голова будет рядом.

Всякие страшные и тоскливые мысли приходили ему в голову, а лёгкий ветерок трепал пряди его чёрных кудрей. Когда же Амелум добрался до окраины города, достал из-за пазухи оставшиеся золотые волоски с головы своей невесты и один из них пустил по ветру; волосок поднялся высоко в небо и вскоре совсем исчез из глаз.

В это самое мгновение к нему примчалась волчица Рухс.

– Амелум, садись на меня, да держись крепче! – сказала она.

Сел Амелум верхом на волчицу, и она тут же доставила его к Сурхесер.

– Видно, и моей голове быть отрубленной, – сказал он с грустью.

– Не надо так говорить, – рассердилась Сурхесер и обняла своего жениха. – Мы сейчас сходим к берегу моря и попросим кита Сердара, чтобы он спрятал тебя под водой... Под водой жестокая Дерд-Мурджан никогда не найдёт.

Пришли они к берегу моря. Сурхесер вырвала из головы один волосок, бросила в воду, и они стали ждать.

Вскоре из воды показался огромный кит Сердар.

– Слушаюсь и повинуюсь, царица, – сказал он. – Чем могу служить?

Сурхесер рассказала киту Сердару обо всём и попросила спрятать её жениха под водой.

– Это мы можем, – сказал кит Сердар. – Прыгай в мою пасть и прячься под моим языком.

Амелум поцеловал свою златокудрую невесту и прыгнул киту в пасть. Кит Сердар быстро исчез под водой, спустился на самое дно и зарылся в песок.

С утра до полудня, с полудня до вечера искала жестокая Дерд-Мурджан юношу и даже про еду и отдых забыла.

В который раз она смотрела в чашу с волшебной водой в надежде найти того, кого искала. Ни на востоке, ни на западе, ни на юге, ни на севере не было места, куда бы не смотрела Дерд-Мурджан. Все горы и леса, реки и озёра, небеса и подводные царства – везде и всюду заглянула, но нигде не смогла найти Амелума. Дерд-Мурджан уже стала злиться, кричать на своих служанок, будто они были всему виной.

– Неужели нигде не видно? – спросила одна из служанок.

– Нет, нигде не видно, – отвечала Дерд-Мурджан. – Везде смотрела, нигде его нет... Видно, я проиграла.

– И намёка нигде нет? – опять спросила служанка.

– Видела я на самом дне моря кита одного, зарывшегося в песок. Вот уже целый день он так лежит и не двигается... Больше ничего такого не видно.

– А ты, госпожа, наберись терпения и не спускай с этого кита глаз, – посоветовала служанка и вскоре ушла, путаясь ногами в подоле халата.

Стала Дерд-Мурджан не спуская глаз смотреть за этим китом. Долго она так смотрела. Но вдруг случилось так, что киту захотелось зевнуть. Кит раскрыл свою пасть, и тут жестокая Дерд-Мурджан увидела под языком кита Амелума.

– Вот хитрый сын вдовы, – зло сказала она и крикнула громко-громко: – Э-ге-гей!.. Вижу!.. Вижу!.. В пасти у кита на дне моря прячешься... Выходи!..

Услышал Амелум крик Дерд-Мурджан и велел киту Сердару доставить его на берег. Пришёл юноша под хейвун жестокой Дерд-Мурджан и попросил разрешения прятаться в последний раз.

– Прячься! Прячься! Да получше... Видно, и твоей голове торчать на столбе, – сказала Дерд-Мурджан, ехидно хохоча.

Загрустил Амелум. Теперь-то он никакого выхода не видел и уже смирился с тем, что и ему отсекут голову. Но любовь к златокудрой невесте заставила его прийти на окраину города. Ему очень захотелось в последний раз, хоть на мгновение, увидеть свою возлюбленную. Достал он из-за пазухи последний волосок с её головы, пустил его по ветру и стал ждать.

Вскоре примчалась добрая волчица Рухс и приказала жениху их лесной царицы садиться верхом на неё.

Сел Амелум на волчицу и тут же был доставлен к своей златокудрой Сурхесер. Увидела Сурхесер опечаленное лицо жениха, да и сама пригорюнилась. Долго сидели они в этот раз вместе, много всяких дум передумали, но ничего толком так и не смогли придумать.

– Неужто и наша Лисонька-Лиса нам не подскажет, как быть? Она всегда своей хитростью поражала всех, – наконец промолвила златокудрая красавица.

Вырвала она со своей головы волосок, дунула на него, волосок коснулся потолка и тут же исчез.

Вскоре к ним сбежались все лесные обитатели. Пришла и Лисонька-Лиса. Повела лесная царица обо всем своим друзьям, сказала и о том, что если и на этот раз жестокая Дерд-Мурджан найдёт её жениха, то ему отсекут голову и наденут её на столб у дворца.

– Лисонька-Лиса, может быть, ты нам что присоветуешь? – чуть не плача, сказала Сурхесер, обращаясь к ней.

Лиса важно повертела своим пушистым хвостом и ответила:

– Все мои хитрости в хвосте моём... Сейчас посоветуюсь с ним... Может, что и придумаем. – Лиса приложила к уху свой пушистый хвост, как бы слушая, что он посоветует, и, обращаясь ко всем, кто был в хижине, сказала:

– Приду-у-мала!.. Нужно просто-напросто сделать так, чтобы вода в бассейне потеряла свою волшебную силу.

– Это невозможно... Бассейн день и ночь охраняют сорок до зубов вооружённых стражей. Кто подходит без разрешения Дерд-Мурджан к бассейну, тому тут же отсекают голову, – сказал Амелум.

Лисонька-Лиса посмотрела на юношу и спокойно продолжала:

– А мы это дело поручим нашей ласточке Парустек. Она быстро пролетит над бассейном и бросит в него то, что я ей дам.

С этими словами Лисонька-Лиса попрыгала на месте, наскребла щепотку земли, плюнула в эту щепотку, попросила плюнуть туда же и Сурхесер, и Амелума, и лохматого пса Кеска, и волчицу Рухс, и всё скатала в шарик. Затем этот шарик положила в клюв ласточки Парустек и сказала:

– Вот и всё... Теперь лети в страну Хун-хур-падишаха и всё сделай так, как я сказала.

Быстрокрылая ласточка Парустек помчалась во дворец и, пролетая над волшебным бассейном, бросила туда комок глины, который ей положила в клюв Лисонька-Лиса, а затем вернулась в хижину, где её все ждали, и особенно Амелум и его златокудрая невеста.

– Ну как? – спросила первой Лисонька-Лиса.

– Всё как надо! – ответила ласточка Парустек.

И вот тут Лисонька-Лиса сказала Амелуму:

– Теперь можешь быть спокойным. Никогда и никого больше не сможет найти жестокая Дерд-Мурджан... Вода в бассейне теперь не волшебная.

– А что же делать дальше? – спросил Амелум.

Лисонька-Лиса усмехнулась и ответила:

– А дальше вот что. Мы с тобой придём под её хейвун и будем смотреть, как она, глядя в свою волшебную воду, будет злиться.

Как решили, так и сделали. Пришли тёмной ночью Лисонька-Лиса и Амелум под хейвун жестокой Дерд-Мурджан и стали ждать, что же будет она теперь делать.

Долго стояли они внизу и ожидали, что же будет дальше. И вдруг до них донеслись крики самой Дерд-Мурджан.

– Ничего не видно... Эта вода не из нашего бассейна... Что случилось? – кричала разгневанная злая дочь Хун-хур-падишаха на своих служанок, а те в страхе снова и снова бегали к бассейну и приносили ей в чаше воду. Но вода так и не проявляла своих волшебных свойств, от чего ещё более злилась и ругалась Дерд-Мурджан.

– Вот бы увидеть своими глазами, как она беснуется, – сказал Амелум.

Лисонька-Лиса усмехнулась, посмотрела уголками своих хитрых глаз на Амелума и ответила:

– Это можно. На тебе кукурузное зерно... Посади его под балконом.

Амелум взял зерно, посадил и с удивлением посмотрел на Лисоньку-Лису. Та три раза плюнула, дунула на то место, где только что посадили зерно, и на этом месте тут же до самого хейвуна вырос толстый кукурузный стебель с несколькими огромными початками.

– Влезай по нему, спрячься в початке и смотри себе сколько хочешь... Я тебе больше не нужна... До скорой встречи в нашем лесу.

Сказала так Лисонька-Лиса и убежала. А Амелум спрятался в кукурузном початке и стал смотреть через открытую дверь в комнату Дерд-Мурджан. Отсюда ему было видно всё: вот, путаясь ногами в полах халата, вбежала в комнату служанка и, дрожа от страха перед гневом госпожи, передала в который раз чашу с водой.

– Из самой глубины бассейна зачерпнула, – волнуясь, говорила она.

И видит Амелум, как Дерд-Мурджан со всем усердием уставилась в чашу с водой в надежде что-то увидеть, разглядеть в ней. Долго смотрела она, не моргая, не дыша, но вода больше ничего не отражала. Сильно разгневалась дочь Хун-хур-падишаха и, выплеснув из чаши воду, гневно кликнула служанку. И когда та прибежала и хотела броситься в ноги повелительнице, Дерд-Мурджан ударила бедную девушку по голове тяжёлой чашей и оглушила её.

Увидев это, в комнату вбежали сразу семь служанок, пали ниц у ног своей госпожи и со страхом в голосе все вместе воскликнули:

– Да быть нам твоей жертвой, госпожа, но что нам делать? Вода в бассейне уже не волшебная.

Не стала дочь Хун-хур-падишаха более слушать оправданий своих служанок, приказала каждой из них принести из бассейна по чаше воды. Мигом исполнили они её приказ. Смотрит она в одну чашу – ничего в воде не отражается. Смотрит во вторую – то же самое. Смотрит в третью – тоже ничего не видно... Во все чаши посмотрела, но ничего не смогла в них рассмотреть.

– Измена! – в бешенстве крикнула она и бегом помчалась к волшебному бассейну. Стража, увидав разгневанную дочь Хун-хур-падишаха, тут же расступилась перед ней. Она зачерпнула чашей воду и так же быстро вернулась в свою комнату. Стала она снова смотреть в чашу, но так ничего и не увидела. Поняла она, что кто-то и вправду лишил воду в бассейне волшебной силы. Она в ярости выскочила на хейвун и стала кричать:

– Палачи!.. Сюда!.. Сюда!..

Палачи строем выстроились под балконом и хором по команде ответили:

– Приказывай, красавица!

– Отсеките головы всем охранникам моего волшебного бассейна... Они предатели! – властно крикнула она, указывая на испуганную стражу.

Палачи все разом обнажили свои кривые мечи и, приблизившись к дрожащим от ужаса охранникам, отвели их до исполнения приговора в зиндан.

Дерд-Мурджан вбежала в свои покои, трясаясь от злости, схватилась руками за голову и свалилась обессиленная на тахту. Ей было дурно, и она чувствовала себя так, будто кто-то её поколотил палками. Она плакала навзрыд, горюя о своём поражении.

Но время близилось к ночи, и жестокая красавица должна была смириться с поражением и выполнить своё обещание: стать женой того, кто победил её.

Наконец, со слезами обиды на глазах, она сказала:

– Выходи, юноша, из своего укрытия. Ты выиграл, и я согласна быть твоей женой.

А Амелуму того и надо было.

– Красавица, я не выйду из своего укрытия до тех пор, пока ты не позовёшь отца своего и его советников. Они должны видеть, как ты вынуждена будешь написать о том, что ты проиграла мне и потому согласна стать верной и любящей женой, – сказал Амелум.

Ничего не оставалось делать Дерд-Мурджан; она позвала отца и его советников и, поведав им о своём поражении, подписала договор, где подтверждалось, что она согласна стать верной и любящей женой юноши, сумевшего спрятаться от неё.

– О, юноша, я от усталости даже забыла, как зовут тебя. Скажи мне своё имя, я запишу его в договор, – учтиво сказала Дерд-Мурджан.

И вот тут-то Амелум назвал имя, но не своё, а имя своего друга Мушнадара. Вписала Дерд-Мурджан в договор это имя и сказала:

– Выходи теперь, юноша, из своего укрытия. Я твоя, а ты мой.

– О нет, красавица, я не могу верить договору без печати и подписи отца твоего, – сказал Амелум.

Попросила дочь отца своего поставить на договор печать и подпись. Сказано – сделано: поставил Хун-хур-падишах печать и подпись, передал дочери договор и в сопровождении советников удалился в свои покои. А дочь, держа в руках договор, говорит:

– Всё сделано, как ты пожелал. Выходи!

А Амелум ей и говорит:

– Сверни договор в свиток и брось мне с хейвуна, чтобы я мог своими глазами видеть.

Свернула Дерд-Мурджан договор и бросила вниз, а Амелум схватил свиток и со всех ног пустился к караван-сарая, где в это время пребывал его друг Мушнадар. Вбежал он в караван-сарай, крепко обнял Мушнадара и передал ему договор.

– Поздравляю! – сказал Амелум другу. – Теперь ты законный жених красавицы Дерд-Мурджан... Спешите к невесте... Теперь она, похоже, подобрела и готова быть покорной женой своего мужа.

Прочёл Мушнадар, не поверил, вновь стал читать договор, где написано, что отныне она, дочь Хун-хур-падишаха, обещает быть верной женой того, кто смог укротить в ней жестокий характер.

– Поздравляю, Мушнадар! – ещё раз сказал Амелум и добавил: – Будешь правителем, не забывай любить народ своей страны.

Не причиняй никому зла, как Хун-хур-падишах, а делай добро. И первое: освободи из-под стражи охранников бассейна. Второе: предай земле головы и тела казнённых юношей, а родным их раздай из казны Хун-хур-падишаха милостыню в утешение.

Мушнадар поклялся другу, что он будет справедливым и верным народу правителем.

– Душой солнца клянусь, – сказал Мушнадар. – Я сам из простого народа и народу буду честно служить.

Вскоре они подошли к падишахскому дворцу. Стража широко распахнула перед ними большие расписные ворота, и друзья вошли в прекрасный, утопающий в зелени дворец. Навстречу им вышел сам Хун-хур-падишах со своими советниками и слугами. Все они поклонились смелому жениху и провели его и Амелума в покои красавицы невесты.

Предстали жених и невеста друг перед другом, оба красивые, молодые, в глазах любовь и радость сияют, да так, что всё вокруг озаряют этим светом, радуя и самого Хун-хур-падишаха, и его советников и слуг, а особенно Амелума: ведь как-никак зло и коварство наконец-то стараниями добрых сил были укрощены и направлены на служение добру.

На следующий день Хун-хур-падишах устроил по такому случаю богатую свадьбу. Семь дней и ночей не смолкала музыка во дворце, и семь дней приходили и уходили гости. На восьмой день Амелум попрощался со своим другом и с его женой и, пожелав им счастья, любви и рождения сыновей, направился в сторону того самого леса, где с нетерпением дожидалась его невеста – златокудрая красавица Сурхесер.

Как никогда долгой казалась Амелуму дорога. Недаром же говорится в народе: «Со спешкой в душе и короткая дорога длинной делается». Так случилось на этот раз и с Амелумом. Много дней и ночей шёл он то по большим дорогам, то по лесным тропинкам, но томительной дороге не было конца. От этого его бросало то в жар, то в холод; он много раз спотыкался, ибо не видел ничего под ногами от своей спешки. «Когда спешишь – и на ровной дороге споткнёшься», – говорится в народе. Но как бы то ни было, душой и сердцем он уже был рядом со своей прекрасной невестой, хотя ноги всё

ещё находились в пути. Сколько дней и ночей ещё идти ему, Амелум и сам не знал.

Но случилось так, что вдруг навстречу ему вышла добрая волчица Рухс. Она словно из-под земли выросла и встала перед ним.

– Амелум, садись на меня, да держись крепче, – сказала она, – наша лесная царица заждалась тебя... Спеши!.. К свадьбе всё готово!

Сел Амелум на волчицу Рухс и мигом очутился в лесу, где жила его любимая Сурхесер. Когда волчица Рухс доставила его к краю леса, что выходит к берегу моря, то он увидел поистине сказочное зрелище. Семь змей на головах своих держали сплетённый из разноцветных прутьев паланкин, который весь был усыпан множеством разных цветов и трав. На паланкине стояла улыбающаяся, нарядная, в одеянии из трав и листьев, его невеста Сурхесер. Её золотые распущенные волосы водопадом струились по плечам до самой земли. Множество других змей танцевали вокруг своей лесной царицы величественный и грациозный танец. Они, извиваясь, поднимались из травы и с шипением всё выше и выше вздымались над землёй свои головы, сверкая маленькими зрачками зелёных глаз. При этом змеи качали головами, похожими на крупные груши. То плавно поднимаясь, то опускаясь в такт музыке, которую создавали своим пением множество птиц, змеи сливались с землёй и, вытянувшись во всю длину, замирали на мгновение, а затем снова поднимались из травы и с шипением всё выше и выше тянулись над землёй. По одну сторону паланкина важно выступал лохматый пёс Кеск, по другую – Лисонька-Лиса, а орёл Сумург-гуш парил сверху. Зайцы, жуки, муравьи и другие обитатели леса тоже плясали, но каждый на свой лад: зайцы на задних лапках, хлопая длинными ушами и виляя короткими бойкими хвостиками; жуки, раскрыв прозрачные крылышки, с жужжанием кружились над благоухающими цветами; муравьи же, пританцовывая в такт лесной музыке, не переставали трудиться, таская в свой огромный муравейник всякие коренья.

Амелум увидел здесь и незнакомых ему животных – это были гости: пятнистые с длинными шеями жирафы; рядом с ними красавцы олени с ветвистыми золотыми рогами. Они были приглашены

из далёких чужих лесов и потому стояли, как и подобает гостям, совсем близко к невесте и, улыбаясь восторженно, топали копытами в такт музыке, как бы подбадривая танцующих змей.

А из воды показался и кит Сердар. Он радостно улыбался и, широко раскрыв глаза, смотрел на всё здесь происходящее. Вокруг кита Сердара кувыркалось в воде множество серебристых рыб, в эти минуты они походили на серебряное покрывало, плывущее по морским волнам. Короче говоря, всё: и море, переливающееся под лучами ласкового и доброго летнего солнца, и лес, щедро дарящий прохладу и тень, и высокое голубое небо, – словом, всё жило и дышало радостью и весельем.

Но, как ни странно, среди всех веселившихся на этой свадьбе не было косолапого медведя Ай-Аюв.

Амелум, удивлённый таким неопишуемым зрелищем, не знал, как ему быть. Он сидел на волчице Рухс с застывшими от изумления глазами. Но на выручку пришла одна из танцующих змей. Она вытянулась у ног Амелума и сказала:

– Наш добрый царь Амелум, встань мне на голову.

Змея, радостно сверкая глазами, вытянулась и, танцуя, понесла жениха к паланкину, где стояла невеста. Здесь змея вытянулась во весь рост и плавно опустила Амелума на паланкин.

И вот тут-то началось самое главное.

Птицы стали громче и звонче петь. А змеи, зайцы и все другие обитатели этого леса предались весёлым танцам. Знатные гости начали подносить свои дорогие подарки. Лани снимали со своих голов золотые ветвистые рога и клали у ног жениха и невесты. А пятнистые жирафы стряхивали с себя свои круглые жёлтые пятна, и пятна эти, касаясь земли, тут же превращались в золотые монеты. А рыбы то и дело ныряли до самого дна моря и, достав оттуда блестящие жемчуга, бросали на берег, отчего весь берег был усыпан драгоценностями.

Откуда-то тут же нашли зурну – трубку из камыша, а вместо бубна раздобыли какую-то бочку, обтянутую бараньей кожей, нашлись и искусные музыканты, и всё вокруг наполнилось дробными звуками бубна и переливчатыми трелями зурны. И вот тут-то жених плавно и стремительно пронёсся по кругу и, став на одно колено перед своей златокудрой невестой, пригласил её на танец.

Долго и красиво танцевали они этот огненный танец горцев, называемый лезгинкой. Амелум, широко раскинув руки, ходил на носках, а златокудрая Сурхесер, вскинув руки над головой, грациозной ланью плыла впереди жениха своего. Иногда она плавно кружилась на одном месте под вытянутой рукой своего любимого. А все гости и лесные друзья их восторженно хлопали в ладоши в такт музыке и кричали: «Арса!.. Арса!..»

В самый разгар танца из лесной просеки появился косолапый медведь Ай-Аюв. Он катил впереди себя огромную бочку с мёдом и широко улыбался. Все, увидев его, на время перестали танцевать.

– Дорогие гости и друзья, по нашим обычаям в день такого веселья положено угощаться мёдом из рук невесты, – пробасил медведь Ай-Аюв, выкатив бочку на середину лужайки. Затем он легко открыл крышку бочки и, сунув в неё правую руку златокудрой Сурхесер, сказал: – Кто первый?

Первым подошёл и лизнул лохматый пёс Кеск.

– Мои милые, – сказал он, обращаясь к жениху и невесте, целуя их в лоб, – жить вам в вечной любви!

Второй подошла волчица Рухс.

– Пусть молоко, которым я вскормила тебя, наша лесная царица, вечную молодость и красоту твою сохранит, – сказала она и, слизнув с руки невесты мёд, поцеловала жениха и невесту и добавила: – Я была тебе верной и любящей матерью.

Волчица Рухс даже прослезилась.

Затем к сладкой руке златокудрой красавицы Сурхесер потянулись и Лисонька-Лиса, и орёл Сумург-гуш, и кит Сердар, и знатные гости, и зайцы, и жуки, и змеи, и муравьи... Все-все одаривали молодожёнов добрыми пожеланиями и снова продолжали своё веселье.

Вдруг Амелум посмотрел в глаза своей невесте и заметил в них какую-то тревогу.

– Милая моя, о чём ты думаешь в эту минуту? – спросил он.

– О счастье, о нас и о том, где мы будем жить, – ответила она.

Не успела она закончить свою речь, как кит Сердар с шумом ушёл на дно моря – только круги разошлись по глади воды. Вскоре так же с шумом всплыл кит Сердар, неся на спине огромный дворец, который так сверкал, переливался под лучами солнца, что глаза не могли долго на него смотреть.

Да, да! Это был великолепный дворец. Стены его были мраморными, а крыша – из разноцветных алмазов, колонны – из серебра и золота. Во дворце оказалось сорок комнат с хейвунами, и все заставлены всевозможными расписными шкафами и столами, устланы дорогими коврами, сотканными умелыми руками искусных мастериц древности. Глядя на узоры ковров и утвари, можно было бы рассказать множество забавных историй.

– Это мой скромный подарок, – сказал кит Сердар, обращаясь к жениху и невесте, и легко бросил на песок свой дар. – Когда-то очень давно злая Эней заколдовала этот дворец и спустила на дно моря. Амелум победил злую колдунью, и теперь вы владельцы этого дворца. Живите в нём на счастье друг другу, на радость нам всем.

Когда кит Сердар закончил свою речь, к Сурхесер и Амелуму подползли змеи, держа на головах паланкин. Молодые встали на него, и змеи в сопровождении всех здесь присутствующих, в такт вновь ожившей музыке, внесли их по хрустальным круговым лестницам внутрь дворца и понесли по комнатам, показывая жениху и невесте, где они будут жить. Все здесь присутствующие шли вслед им и восторженно восхищались невиданной красотой дворцовых покоев.

Но нет, не радовали Амелума в эту минуту красота и богатство. В глазах его таилась какая-то грусть. Чуткая Сурхесер заметила это и спросила:

– Любимый, скажи мне, о чём ты думаешь в эту минуту?

И Амелум ответил:

– Вспомнил мать свою, оставленную в далёком горном ауле. Вот бы она, бедная, увидела всё это... Так бы радовалась за нас...

Не успел Амелум закончить свою речь, как орёл Сумург-гуш с шумом вылетел в открытое окно и взметнулся высоко в небо. Вскоре он вернулся, неся на спине старушку-мать Амелума, влетел в залу, где шла свадьба, и сел у ног жениха и златокудрой невесты.

– Вот, теперь все собрались вместе, – сказал орёл Сумург-гуш.

Сколько тут было взаимных радостей и объятий! Это надо было видеть собственными глазами.

До самого рассвета не смолкала свадебная лесная музыка. Все вокруг веселились, плясали, угощались мёдом и вкусными кореньями. Разве только вокруг или во всём лесу?! О нет!.. И на небе

всё весельем наполнилось: луна и её вечные спутники – звёзды тоже устроили свой хоровод. А море тоже жило в этот вечер весельем.

Но как бы то ни было, всякое начало, всякий путь, всякое время имеет свой конец. С рассветом весёлая, шумная свадьба постепенно затихла. Гости отправились в свои далёкие леса, обитатели этих мест занялись своими делами, а влюблённые нежно заключили друг друга в объятия и говорили друг другу самые ласковые слова. А мать Амелума смотрела на них и радовалась, отчего её морщинистое, старческое лицо стало молодым и гладким. Ведь недаром говорят: «Радость детей и старых родителей молодыми делает».

Но спустя несколько дней, проведённых в свадебных торжествах, Амелум вспомнил о своём добром коне, которого заколдовала злая Эней, и решил освободить его. Взял он свою саблю и пошёл к тому месту, где когда-то зарыл хурджун с яйцом, в котором находилась жизнь злой и жестокой колдуньи. Пришёл он туда, откопал хурджун и достал яйцо – душу колдуньи.

– Вот теперь-то и пришло время навсегда покончить с тобой, злая колдунья, – сказал он, обращаясь к яйцу.

А яйцо ему отвечает:

– Пожелай чего хочешь, всё исполню, но только не губи мою душу.

Попросил Амелум, чтобы злая колдунья Эней расколдовала его доброго коня и к нему привела. Яйцо произнесло какие-то заклинания, и вмиг перед Амелумом встал его добрый конь, живой и невредимый.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой хозяин, – сказал конь и сильно-сильно от радости заржал на весь лес, да так, что на ржание это сбежались, слетелись, приползли все обитатели леса, приехала сюда верхом на волчице Рухс и сама Сурхесер.

– Что здесь происходит? – спросили они встревоженно.

Амелум рассказал им обо всём, как было. Но тут яйцо и говорит:

– Пожелай!.. Всё, что хочешь, всё исполню, только не лишай меня жизни, не губи мою душу. – Яйцо даже захныкало.

Амелуму жалко стало Эней, и он хотел было и впрямь оставить её в живых, но все обитатели этого леса в один голос сказали:

– Амелум, если ты подаришь злой и жестокой Эней жизнь, то знай, это будет самая страшная твоя ошибка... Зло добром никогда не станет. Если не хочешь убивать её, то выбрось это яйцо в море.

Послушался Амелум советов своих лесных друзей, отнёс яйцо к морю и бросил в воду. Не прошло и нескольких минут, как море вдруг взбушевалось, взвыло, заходило сердитыми, шипящими волнами. Оказывается, это злая Эней рассвирепела там, на дне огромного моря, оплакивая свою нелёгкую подводную жизнь.

Долго смотрели Амелум и его златокудрая невеста на шумное, беспокойное море, словно сравнивая этот шум, волнение и жестокость со своими земными, невыносимо трудными испытаниями, которые им пришлось выдержать и победить во имя взаимной любви. Вскоре они, взяв друг друга за руки, зашагали в сторону своего роскошного дворца, где их с нетерпением и радостью дожидалась мать. Следом за ними, приплясывая, шёл конь – верный и испытанный друг Амелума.

Рассказывают, что через несколько недель к ним в гости пожаловал – кто же, вы думаете? – сам Мушнадар со своей женой Дерд-Мурджан. Правда, говорят, что долго он упрашивал свою своенравную супругу посетить друга Амелума, – и уговорил.

О, какое несказанное торжество устроено было в честь дорогих гостей! Все обитатели этого леса и соседних поселений собрались здесь. И вновь было веселье, как и во время свадьбы охотника Амелума и златокудрой лесной царицы Сурхесер.

Глаза у всех излучали любовь друг к другу, а уста то и дело проносили самые нежные и ублажающие сердце и душу слова. И казалось, что никто и никогда более не будет творить в мире ни зла, ни коварства, ни жестокостей, а напротив – только мир и любовь будут извечными спутниками всех живущих на земле людей. Об этом думала в эти минуты и красавица Дерд-Мурджан и всей душой желала, чтобы такое Божье чудо свершилось и в падишахстве её отца – Хун-хур-падишаха.

Охотник и соловей

Жогда-то давно, в одном из древних городов, что располагался высоко в горах, жил охотник. Семьи у него не было, и он целыми днями пропадал в лесу, выслеживая дичь. Никогда не возвращался он с охоты без добычи, чем очень гордился. Бывало, возвращаясь с охоты, повесит он свою добычу на охотничий ремень и идёт через весь город, чтобы все его видели. А люди всегда удивлялись, как ему удаётся столько зверей подстрелить и зачем ему столько, ведь одному столько не съесть. Старики провожали его взглядом с непониманием, а дети с завистью и гордостью.

И вот однажды охотник, как всегда, засветло ушёл на охоту. Целый день он ходил по лесу, в самые укромные уголки заглядывал, на самые высокие деревья залезал, устал, измотался весь, но так никакой добычи и не встретил на своём пути. «Как же я вернусь в город без всякой добычи? – подумал охотник. – Это же позор! Никогда ещё со мной такого не было!»

Ничего не оставалось делать охотнику. Отправился он в другой лес в надежде подстрелить хоть какую-то дичь и спасти себя от позора. Не успел охотник дойти до дальнего леса, как слышит – в кизиловой

роще поёт соловей. Обрадовался охотник своему везению, подошёл поближе, разглядел маленькую птичку и стал прицеливаться. Увидел это соловей, узнал охотника и задрожал от страха, но нашёл в себе силы сказать:

– О, почтеннейший охотник, я знаю, ты самый лучший стрелок из всех охотников, которых я знаю, поэтому я покинул тот лес, где ты всегда охотишься, в надежде больше не встречаться с тобой. Но ты меня и здесь нашёл. Зачем тебе такая крохотная птичка, как я? Если твоя пуля в меня попадёт, то от меня никакого проку не будет, только перья останутся. Не убивай меня!

Выслушал охотник соловья и с гордостью говорит:

– Я никогда не возвращался с охоты без добычи, но сегодня никого не подстрелил. Так пусть хоть перо из твоего хвоста, всё же не стыдно перед соседями будет.

– Тогда выслушай сначала меня, почтеннейший охотник, – сказал соловей. – Я дам тебе три совета, а потом можешь убить меня.

– Слушаю, говори! – с нетерпением согласился охотник.

Соловей слетел пониже и начал:

– Первый мой совет: не верь невозможному. Второй совет: не жалея о сделанном. И третий совет: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться.

Выслушал охотник умные советы соловья и решил не убивать птицу.

– Дарю тебе жизнь, – сказал он.

Соловей тут же взлетел на высокую ветку и сказал:

– Эй, охотник, я тебя обманул. Я не думал о своей смерти. О нет! У меня в зобу спрятан кусок золота величиной с гусиное яйцо. Правители семи падишахств ищут этот золотой слиток, и только я смог его сохранить. Я очень боялся, что это сокровище попадёт в руки такого безжалостного человека, как ты.

Услышал охотник эти слова, схватил своё ружьё и снова стал целиться в соловья. А соловей тем временем спрятался на самой верхушке дерева, не шевелится и голоса не подаёт. Долго в густой листве высматривал охотник соловья, но так и не нашёл. Разозлился охотник, положил своё ружьё на землю, а сам полез на дерево. Взобрался он почти на самую верхушку. Только хотел переступить

с одной ветки на другую, как сук под ним надломился и охотник, ломая сучья и раздирая в кровь тело, рухнул на землю. Лежит, стонет, собирается смерть встретить. Крикнул он тогда соловью:

– Соловей, спаси меня. Я не буду убивать тебя. Только спаси!

Подлетел соловей к искалеченному охотнику и говорит:

– От всех болезней есть лекарства, только от твоей болезни лекарства нет.

– Как же так?! – сквозь слёзы простонал охотник.

– А так, – отвечает соловей. – Я дал тебе три совета, но ты ни одному из них не последовал. Первый мой совет был такой: не верь невозможному. Но ты поверил. Как же я, такой маленький, мог проглотить кусок золота величиной с гусиное яйцо?! Второй мой совет был такой: не жалея о сделанном. Ты подарил мне жизнь, но когда я сказал тебе, что у меня в зобу лежит кусок золота, ты пожалел, что не убил меня. Третий мой совет был такой: не пытайся схватить то, до чего не можешь дотянуться. Я взлетел и спрятался на самой верхушке дерева, но ты всё равно полез за мной. Вот теперь ты лежишь на земле и стонешь. Ничем я не могу помочь тебе, глупый охотник. От глупости нет лекарства.

Сказки-потешки о Малахиме-арбечи

Же так давно, старики говорят – лет пятьдесят назад, в городе Хасав-Юрте жил один извозчик-арбечи, звали его Малахим. Жил он бедно, ничего у него не было, кроме ветхого дома с покосившимся сараем и жены, вечно ругающей своего непоседливого мужа, но которую, стараясь не показывать виду, Малахим очень любил. А ещё у Малахима был ишак-кормилец, купленный по случаю на базаре. С раннего утра запрягал Малахим своего ишака и отправлялся на фахле-базар в поисках работы, а вечером возвращался домой к своему очагу. Иногда за день приключались с Малахимом разные истории, о которых с удовольствием рассказывали жители города, где-то добавив, а где-то убавив. Так вокруг Малахима и его ишака слагались байки.

Жители города любили Малахима, но относились к нему с доброй насмешкой, потому что Малахим был не злым, а трудолюбивым, но во всём искал свою выгоду, людей при этом не обижая. В народе так и говорили о нём: «Если дурак, то для других дурак, а для себя – нет!»

Обычно, собираясь во время какого-нибудь увеселения – «кайфа», кто-нибудь из присутствующих, стараясь во что бы то ни

стало развеселить, рассмешить собравшихся, вспоминал о Малахиме и о его проделках и, подшучивая над окружающими, рассказывал старые байки или придумывал новые.

Много прошло времени с тех пор... Где теперь живёт забавный Малахим со своим ишаком, никто не знает, но люди до сих пор, рассказывая байки друг другу, потешаются над ним. Я тоже могу рассказать вам некоторые из них.

Как Малахиму ишак достался

Как-то один глубокий старик понял, что его ишака покидают силы. Видя такое дело, собрался он на скотный базар продать животное. Целую неделю приходил старик на базар. Но никто к нему не подходил и не спрашивал не только «почём твой ишак?», но и «кто ты такой?» и «откуда пришёл?». Увидел опечаленный продавец ишака проходившего мимо Малахима и пожаловался ему. Вечно нуждающийся Малахим сразу скумекал наживу и тут же предложил:

– Я могу помочь твоему горю. Но с одним условием!

Хозяин ишака заинтересовался:

– Хорошо! Я согласен! Каково же твоё условие?

– Условие моё такое, – ответил Малахим, – ты должен доверить мне на семь лет своего ишака, и я найду покупателя.

Ничего не оставалось делать бедному старику, и он согласился.

Привёл Малахим домой ишака и обо всём рассказал жене.

– Эй, разоритель дома, из этого дела добра не будет. В случае чего этот человек на тебя в суд подаст.

Малахим подумал немного и ответил:

– Не печалься, жена! Лучше подумай о том, как в сарае мышей выловить, чтобы ишака там поставить!.. А за семь лет или ишак умрёт, или его хозяин!

На следующий день Малахим купил почти задаром себе арбу и стал запрягать в неё этого ишака и ездить на базар на заработки. А что касается хозяина ишака, то он спустя семь месяцев умер.

Так вот и достался Малахиму ишак. С тех самых пор в народе стали говорить: «Хозяин ишака умер, а ишак Малахиму достался», или же: «Или ишак умрёт, или – хозяин».

Как Малахим от мышей избавился

Завелись в доме Малахима мыши, ну просто сладу нет. Всю ночь бегают то из сарая в комнату, то из комнаты – в сарай, везде шныряют, всё грызут, ни Малахиму спать не дают, ни жене его, ни ишаку в сарае. Как только не старался Малахим избавиться от этих серых тварей: то капканы расставит, то все щели в комнате замажет, то в сарае дырки кирпичами приткнёт... А мыши рядом пророчут себе выход и опять докучают Малахиму.

Решил тогда Малахим послать мышиному падишаху гневное послание: «Я, Малахим, падишах этого дома, требую срочно вывести из моих наследственных владений твоё мышинное войско. Если же ослушаешься и не выполнишь моих требований, то предам твои укрытия огню!» Написал Малахим это послание, поставил свою подпись – «падишах», ниже велел расписаться и жене своей, как везиру правой руки. Затем он пошёл в сарай, поставил ногу своего ишака в краску и приложил к ней свою бумажку.

– Ты будешь везиром левой руки! – сказал он ишаку и, расставив капканы, стал ждать.

Ждёт он день, ждёт он ночь, а мыши по-прежнему бегают то из комнаты в сарай, то из сарая в комнату; везде лазают, всё грызут, никому спать не дают... Но случилось так, что одна мышь в капкан угодила. Высвободил Малахим пленницу и, свернув в трубочку своё послание, положил его в мешочек, а мешочек привязал к мышиному хвосту и отпустил её. Мышь в страхе шмыгнула в норку, а Малахим остался ждать ответа.

Ждёт он день, ждёт он ночь, – а мыши по-прежнему по комнате бегают, везде лазают, всё грызут, а ответа никакого не шлют.

Зло разобрало Малахима.

– Ну, – говорит он жене, – если завтра эти твари не покинут мои владения и не уйдут навсегда или хотя бы не пришлют ответа, я предам их укрытия огню!.. Ты, везир правой руки, будешь свидетелем моих дел!

А жена отвечает:

– Эй, разоритель дома, что ты болтаешь? Ведь, предавая их владения огню, ты сожжёшь и свой дом!

– И это верно! – соглашается Малахим и тут же спрашивает, что ему делать.

– Да пусть себе живут! – говорит жена.

– Нет, везир правой руки! – вскричал Малахим. – Никогда этому не бывать! Или я – или они!.. Запомни!..

На следующий день в капкан снова угодила мышь. Высвободил Малахим новую пленницу, привязал к её хвосту на этот раз мешочек с красным перцем и отпустил. Мышь шмыгнула в страхе в норку и к своим прибежала. Увидели они привязанный к хвосту своего сородича мешочек и принялись есть его содержимое. Грызут, толкают друг друга, пищат... Вскоре почувствовали мыши в животе у себя страшную боль. Такую страшную, словно кто-то там, в животе, иголками их колет.

Это от красного перца разболелись животы у этих тварей. Стали они одна за другой выскакивать из своих норок, да по комнате бегать, пищать. Побегают, побегают, затем юлой закружатся на одном месте и – ножками кверху. Так вот все и померли!

А Малахим, довольный своей победой, принёс из сарая плетёную корзинку, собрал в неё мёртвых мышей, затем запряг своего ишака и отвёз всех этих тварей далеко за город.

– Чтобы и запаха врагов своих не чуют, – в сердцах сказал Малахим.

Так вот Малахим и избавился от докучавших ему мышей.

Как Малахим перец возил

Отправился как-то утром Малахим на базар на заработки. Вдруг к нему подошёл один человек и попросил отвезти к нему домой несколько мешков красного злого перца.

Погрузил Малахим мешки, сел сам поверх, хлестнул плёткой своего ишака и поехал.

Но надо же было такому случиться: начал ишак непрерывно чихать. Остановился и ни с места – чихает и чихает. Малахим и так и эдак, хлещет животное: ишак чихает, ревёт, приседает, а с места не двигается. Слез тогда Малахим, потянул ишака за уздечку, старается хоть так заставить упрямое животное идти. А ишак упёрся ногами и опять ни с места – всё чихает да чихает. Как только не старался Малахим справиться с упрямым ишаком, как только не кричал на него – а ишаку хоть бы что! Стоит, словно к земле прирос.

Бедный Малахим так устал, так вспотел, что у любого его увидевшего сочувствие бы вызвал.

Стал тогда Малахим ласковые слова ишаку говорить:

– О, почтенный ишак, сын таких славных родителей, внук багдадского ишака, далёкий правнук библейского ишака... Не стыдно тебе быть упрямым?.. Да ради такого почтенного рода своего сжался надо мной, не мучь меня... Давай, поехали!

А ишак ушами шевелит, чихает, но с места не двигается. Зло разобрало Малахима на своего упрямого ишака. Стал он осыпать его такими проклятиями, что и повторить не осмелишься. Стал он его так хлестать плёткой, что мёртвый и тот бы не вынес этих побоев – ожил бы и забегал. А ишак всё кричит, чихает, но с места не двигается.

Много собралось любителей позабавиться над чужой бедой. Столпились вокруг, смеются, а Малахим всё бьет ишака своего и никак успокоиться не может.

Тут кто-то из толпы крикнул:

– Эй, Малахим, чего ты так убиваешься? Да положи ты этой твари под хвост перец.

Посмотрел Малахим в толпу, ударил с досады себя кулаком по голове и говорит:

– Да напиться бы мне слюной твоего рта, добрый советчик... Где же ты был до сих пор!? Очень правильно говоришь... А то я, лысый дурак, и не додумался до этого!

Взял Малахим самый сухой перец и ишаку под хвост положил. А ишак как закричит, как прыгнет – и давай бежать.

Спихватился Малахим, а ишак с арбой уже на целых триста метров убежал. Пустился Малахим вдогонку. Бежит, бежит, а догнать никак не может. Видят всё это люди, смеются, а остановить наперчённного ишака никак не могут. Только к вечеру, достигнув речки, остановился упрямый ишак.

Долго думал Малахим: почему же вдруг его послушный ишак на этот раз был таким упрямым? И наконец понял, что виной всему был запах красного перца, который жёг ишаку ноздри.

С тех пор, говорят, Малахим наотрез отказывался возить людям перец.

– Хоть миллион дашь, не повезу! – говорил он такому человеку.

Малахим и воры

Однажды ночью во двор к Малахиму пришли воры и стали стучать. Проснулась жена Малахима и тихонько толкнула мужа в бок.

– Эй, Малахим, вставай, кто-то к нам стучится!

Вскочил Малахим и спрашивает:

– Кто там?

А воры в ответ:

– Открывай и не шуми! А то дом твой разорим!

До дрожи в теле испугалась бедная жена Малахима и говорит мужу:

– Не смей открывать! Это воры!

– Будь мужчиной! – строго сказал Малахим жене. – Не дрожи, старая ворона! Иди, одень на голову мою папаху и лампу выкрути побольше, да и к окну приставь... Пусть они видят, что и мы мужчины.

Сделала жена всё, как Малахим сказал, и в страхе ждёт: что же будет дальше? А Малахим тем временем снял с гвоздя свой ремень, скрутил его и, сделав из него подобие пистолета, приставил к стеклу окна и спрашивает:

– Что вам надо?

А воры в ответ:

– Открывайте двери и не шумите! А не то головы вам отрубим!

«Да! – подумал Малахим в страхе. – Наши дела плохи. Убьют и уйдут».

Вдруг Малахима осенила мысль, и он стал кричать:

– Идите! Ничего у нас нет! – а сам всё своим «пистолетом» в воров целится. – Клянусь ишаком, что в моём сарае стоит, буду стрелять!.. Уходите скорее!..

Услыхали воры, что хозяин про ишака говорит, и решили украсть скотину.

– Он побоится выйти. Пойдём в сарай! – сказал один из них.

Открыли они двери сарая и вошли. А Малахиму того и надо было. Ведь он знал, что если воры и лопнут от усердия, всё равно не смогут разорвать цепь, которой к железному колу привязан его ишак.

Не стал медлить Малахим, незаметно выбежал во двор, закрыл снаружи на засов двери сарая и стал кричать, соседей на помощь звать.

– Люди добрые! Помогите!.. – стал он кричать во всё горло.
– Вставайте!.. Двое неизвестных мужчин глумятся над моим ишаком!..

Повыскакивали соседи из своих домов и к Малахиму во двор прибежали.

– Что случилось? Какие мужчины? Где они?

А Малахим и говорит:

– Простите, дорогие! Это мне, старому дураку, приснилось. Идите и продолжайте спать!

Соседи разошлись по домам, а Малахим тихонько отодвинул на дверях сарая засов и подслушивает, как спрятавшиеся в углу воры, стуча зубами от страха, переговариваются:

– По-моему, все разошлись! – говорит один.

– По-моему, тоже! – отвечает другой и добавляет: – Никак не пойму, почему он не стал нас ловить?

– Я тоже! – коротко ответил первый.

Вскоре воры незаметно ушли. Малахим вернулся в дом, разделся, лёг в постель и с гордостью говорит жене:

– Видишь, старая ворона, какой смелый твой Малахим!

– Вижу! – согласилась жена и поспешила спросить: – А почему ты не дал их поймать?

– Спи, старая ворона, это не твоего ума дело! – раздражённо ответил Малахим и погрузился в сон.

Прошло, говорят, два-три дня. Малахим забрался на свою арбу и поехал на заработки. Ходит он по базару в поисках клиента. Вдруг к нему подходят двое здоровенных мужчин.

– Салам алейкум, Малахим! – приветствуют его эти двое.

– Во алейкум, во салам! – отвечает Малахим.

– Ты нас знаешь? – спрашивают они.

Посмотрел Малахим на них и говорит:

– Нет... Не знаю!.. А что?..

– Умный и добрый ты человек! – говорят ему эти здоровенные мужчины. – Получай от нас сто золотых и не спрашивай больше ни о чём.

Конечно, Малахим догадался, что эти двое те самые воры, которые хотели ишака украсть. Взял он сто золотых, сел на свою арбу и мигом приехал домой.

– Эй, старая ворона, – говорит он жене, – запомни: от добра добро бывает. На тебе сто золотых, а теперь приготовь мне кюрзе – я проголодался, и больше ни о чём не спрашивай меня.

А жена, распалённая тем, что Малахим запретил ей спрашивать, откуда столько золотых, ещё больше пожелала вызнать правду. Стала она приставать к нему с вопросом:

– Откуда у тебя столько золотых?.. Наверное, где-то украл.

– Да чтоб у тебя язык отсох... Как ты смеешь о мудром муже своём так думать?! Ты что, забыла, какого мы роду-племени?

А жена опять своё:

– Тогда скажи правду!

И рассказал ей Малахим всю правду.

Выслушала жена и, возгордившись своим Малахимом, поцеловала его лысую, плешивую голову, а сама, довольная неожиданным богатством, пошла готовить кюрзе.

Как Малахим соседа проучил

Накопил как-то Малахим двести золотых. Бедняга боялся воров и не знал, куда их спрятать.

Однажды он остался в доме один, выкопал во дворе яму и зарыл там свои сбережения. Отошёл на несколько шагов и подумал: «Я же могу забыть это место!» Решил он тогда поставить метку. Но какую?! Долго думал он, но ничего не мог толком придумать.

– Если поставлю камень, – говорил он сам себе, – дети могут взять и выбросить. Если посадить здесь дерево, станут люди в его тени собираться – сладу не будет. Если поставить здесь тонур, золотые мои расплавятся... Положу я на этом месте отходы моего ишака! – решил он, наконец. – Этот запах никого близко не подпустит!

Сделал он так, как решил, – и спокойно поехал на базар.

А тут такое случилось, о чём бедный Малахим и подумать-то не мог. Забежали к нему во двор соседские куры и разворошили все отходы Малахимова ишака. Затем во двор забежала соседская собака и стала рыть то место, где бедный Малахим спрятал свои сбережения. Добралась она до узелка с золотыми монетами, схватила зубами и в свой дом принесла. Видит хозяин, как его пёс что-то в зубах держит.

Погладил он собаку, взял узелок, а там двести золотых. Обрадовался хозяин, угостил собаку куском мяса, а находку положил в ларец к своим золотым. А собака побежала опять к тому месту и опять стала рыться.

Вернулся Малахим с базара вечером, смотрит: на том месте, где он спрятал свои сбережения, соседская собака роется. Запустил он в пса со всей злости палкой, да промазал. Собака шмыгнула в дырку забора и убежала. Видит бедный Малахим – нет в яме узелка. Погоревал он и понял, что горем дело не поправишь. «Ну, пёс, – думает Малахим, – проучу я тебя и твоего хозяина!»

На следующий день Малахим бросил в сарай кусок мяса, оставил двери открытыми и стал ждать. Почуяла соседская собака запах мяса и тут же в сарай забежала. А Малахим выскочил из своего укрытия – и в сарай. Поймал он собаку, привязал к её хвосту железную банку и отпустил на улицу. Бежит собака, напуганная грохотом пустой банки по мостовой, и никак не может остановиться. Говорят, что устала она бегать и дух испустила. Увидел хозяин умершую свою собаку, а кто ей банку привязал, так и не узнал. Приволок он собаку домой и закопал в саду.

Не прошло и двух-трёх дней, как Малахим откопал собаку, привязал к ней длинную верёвку и рано утром потащил к дому соседа. Стал он думать, как бы под пол соседского дома затащить мёртвую собаку. Думал-думал и, наконец, придумал. Поймал он чью-то кошку, привязал к её шее конец верёвки и пустил под пол соседского дома. Кошка в испуге бросилась бежать и выскочила на другую сторону соседского дома. А Малахиму того и надо было. Освободил он перепуганную кошку, а сам стал тащить труп собаки, привязанный к другому концу верёвки. Дотащил он этот труп до середины подпола, припрятал конец верёвки, а сам отправился на базар.

Прошло, говорят, несколько дней, как жена соседа и говорит мужу:

- Эй, муж, чем-то неприятным пахнет в доме!
- Да быть отрезанным твоему курносому носику, жена, это тебе показалось! – отшутился муж.

Прошёл ещё день, а жена опять:

- Эй, муж, ты хоть и голову мне отруби, но я чувствую в доме

трупный запах! Встань и посмотри, может быть, наши соленья испортились.

Принюхался муж – и вправду ужасно чем-то пахнет. Стал он под столами, под кроватями смотреть... Все закоулки осмотрел... Всю посуду перенюхал... Словом, всё осмотрел, даже из сил выбился, а откуда так противно пахнет, не догадался.

Вот и ночь пришла. Лёг он спать, а уснуть не может: всё сильнее пахнет, ну, прямо терпеть невозможно. Встал он тогда, жену и детей поднял, и все стали матрацы и одеяла осматривать, всё обнюхивать, и опять не могут найти, откуда воняет.

– Нет! – говорит он жене. – В доме спать нельзя! От этого запаха и умереть можно... Лучше во дворе будем спать!

Вынесли они одеяла и матрацы во двор, постелили на земле, легли и тут же, как мёртвые, заснули.

Только Малахим не спит. Встанет он тихонько, отодвинет шторы, смотрит – а у соседа всё свет горит и тени в окнах двигаются.

– Так-так! – злорадствует Малахим. – Будешь знать, как чужое добро себе присваивать!

В это утро проснулся Малахим, как и всегда, рано, вышел во двор и слышит: из соседского двора такой храп раздаётся, словно двух поросят одной верёвкой на столб повесили. Подошёл он к соседскому забору, видит: сосед и вся его семья во дворе спят. Не стал их Малахим будить. Зашёл в свой сарай, освободил своего ишака от цепи, вывел во двор и стал хвост ему крутить. До тех пор крутил, пока ишак кричать не стал. Услышал сосед крик ишака, проснулся и скорее к Малахиму с жалобой:

– Сосед, на мою голову горе привалило!

– Какое горе?! – спросил Малахим, делая вид, что он ничего не знает.

Пригласил сосед Малахима в дом. Вошёл Малахим, сморщился от запаха и говорит:

– Фу! Что за противный запах! Запахом испражнений Шагаду пахнет!

– Что?! Что?! – испугался хозяин дома.

– Бывают, говорят, такие случаи, когда в какой-нибудь дом приходит Шагаду и испражняется. И запах его испражнений до тех пор будет, пока какой-нибудь грешник не умрёт.

– О!.. Не может быть! – в страхе воскликнул сосед и тут же спросил: – Неужели нельзя что-нибудь придумать?

– Говорят, что можно, – съехидничал Малахим и добавил: – Нужно ясновидящую позвать и заплатить ей... Она знает какие-то заклинания.

– О, Малахим, да прожить тебе сто двадцать лет, помоги моему горю! – взмолился сосед. – На тебе двести золотых, найди мне такую ясновидящую.

– Ладно! – ответил Малахим, беря те самые двести золотых, которые сосед присвоил себе.

В этот день Малахим, радуясь тому, что сумел всё-таки вернуть свои сбережения, поехал на базар на заработки. А сосед остался дома наедине со своим горем.

Вот уже и полдень наступил, дети соседа есть захотели. Ничего не оставалось делать хозяину семейства, как войти в дом, хоть что-то вынести поесть. Вошёл он, прикрывая рот и нос своей папашой, и видит: о ужас! по комнате черви ползают, да такие жирные, противные. Выскочил он во двор – и к жене.

– Правильно говорит Малахим. Эти черви и есть испражнения Шагаду.

Стала жена плакать, кричать, волосы на голове рвать, Худо о помощи просить. Собрались соседи и тоже ничем ни помочь не могут, ни понять, в чём же здесь дело, а только судачат и руками разводят.

Вечером вернулся с базара Малахим, а сосед ему навстречу.

– Ну как, Малахим, есть ли хоть какое спасение?

А Малахим в ответ:

– Те деньги, что ты мне дал, ясновидящая сказала, что это не твои деньги, чужие. Ты их себе присвоил, за что и наказан и ты, и твоя семья...

– О! – воскликнул сосед. – Права ясновидящая. Что же теперь делать?!

А Малахим продолжает:

– Она сказала, чтобы ты насыпал у ворот своего дома крупную соль, встал на колени на эту соль и остался стоять так до утра.

– Я готов! – смиренно ответил сосед.

А Малахим опять продолжает:

– И ещё она просит пятьсот золотых, честно заработанных. Только тогда она может спасти и тебя, грешника, и всю твою семью.

Сосед упал перед Малахимом на колени и всё сделал так, как тот ему велел. Дал он Малахиму пятьсот золотых, честно заработанных, посыпал у ворот дома крупную соль, встал на колени и стал ждать спасения от постигшего его горя.

А Малахим, взяв эти золотые монеты, ушёл куда-то, затем вернулся и говорит:

– Она взяла эти золотые и сказала, что виной всему этому твоя собака.

– Она же умерла, и я её похоронил, – говорит сосед.

– Где? – спрашивает Малахим.

– Там, в саду! – отвечает сосед.

Малахим предложил пойти и откопать. Пришли они, вырыли это место и видят – в яме нет никакой собаки.

– О, Худо! Что за чудо! – воскликнул в страхе бедный сосед. – Ведь я её сам своими руками здесь закопал.

– Может быть, она была ещё не мёртвая? Встала и побежала! – говорит Малахим.

– Куда? – сокрушается сосед.

Не стал Малахим больше ни о чём вести разговор. Собрал он почтенных стариков и велел соседу перед всеми рассказать о том, каким образом чужие сбережения присвоил он себе.

И сосед рассказал всё, как было.

– Да! – многозначительно произнёс Малахим с ехидством и добавил: – Верно люди говорят: «От собаки и ласку возьмёшь, и зубы...» Похоже на то, сосед мой, ты взял и то и другое.

Затем Малахим повёл соседа к его дому, достал из-под пола спрятанный им конец верёвки и протянул соседу.

– Тяни и не забывай, что у каждой верёвки два конца. Один конец ты сжёг и присвоил себе мои сбережения, другой конец я сжёг и отомстил тебе, привязав к нему мёртвую собаку...

Ни словом не посмел возразить сосед. Он проклинал свою жадность, а потому и промолчал. Ведь соседи всё слышали и осуждали его поступок, а над проделками Малахима – от души смеялись.

Малахим и младший брат жены

Как-то, говорят, ремонтировал Малахим свою арбу, измучился, устал. А тут ещё и младший брат жены пришёл и стал мешать. То молоток возьмёт, то щипцы... Надоело Малахиму всё время спрашивать: «Где молоток? Где щипцы?..» – и решил он прогнать его. А нужно сказать, что у младшего брата жены всегда на носу висела сопля. Часто, бывало, напоминал ему Малахим, чтобы он свой нос вытер. Но на сей раз не стал он ему об этом напоминать. Взял Малахим шуруп и отвёртку, подозвал к себе этого сопливого юношу и спрашивает:

– Хочешь помочь?

– Хочу! – с готовностью отвечает шалун.

А Малахим и говорит ему:

– На тебе шуруп и отвёртку и подвинти посильнее свои сопли. Это будет самая нужная твоя помощь.

Стыдно стало младшему брату жены, и он ушёл.

Как Малахим вылечил своего ишака

Как-то заболел у Малахима ишак. Лёг он на землю и целыми днями не встаёт – всё головой качает. Испугался Малахим, позвал лекаря, а лекарь и говорит:

– Страшная болезнь у твоего ишака. Может, и не поправится.

Побледнел Малахим, от горя у него лицо потускнело, цветом золы покрылось. Взял он таз, положил рядом с ишаком, да и сам сел. Обнял он ишака и плакать стал, да так горько плакать, что из глаз не переставая слёзы текли, словно с осеннего неба дождь.

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, – плачет Малахим, – что же я буду делать без тебя? Ведь ни от братьев, ни от кого из родных мне помощи нет. Что же я буду делать без тебя, мой кормилец?! Если ты умрёшь, я тоже в твою могилу рядом лягу. Не нужен мне без тебя этот белый свет...

Так долго плакал Малахим, так долго, что таз до краёв его горькими слезами наполнился.

А ишак лежит себе и всё головой кивает. А Малахим, не переставая, причитает:

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, издай из любой своей дырки хоть один звук, подай голос, скажи, что ты ещё живой...

Поднял ишак голову, посмотрел на бедного Малахима, затем с трудом встал на ноги и стал из таза слёзы пить.

Видит Малахим: ишак его поправился, даже «и-а! и-а!» кричать стал. От радости Малахим заплясал, своего ишака целовать стал, а ишак всё не переставая «и-а!» кричит.

Ещё больше обрадовался Малахим и скорее к жене побежал.

– Эй, старая ворона, – кричит, – знай: слёзы мои лучшее лекарство, как заболеешь, пей их... Видишь, мой ишак выпил мои слёзы, поправился и кричит.

А ишак всё громче и тревожнее «и-а!» кричит.

Побежала жена в сарай и видит: ишак себе места не находит, всё кричит и прыгает. Догадалась жена, что скотина напилась горьких слёз её мужа, и набросилась на Малахима с такими словами:

– Эй, разоритель дома, давай скорее воды неси. Ишак отравился твоими слезами.

Принёс Малахим ведро воды и стал ишака поить. Напился ишак и кричать перестал.

– Бедная скотина, чуть не померла! – упрекнула жена мужа.

А Малахим ей отвечает:

– Эй, старая ворона, что ты понимаешь?! Ведь всегда же лекарство водой запивают... Вот и ишак запил мои слёзы водой и успокоился.

Как Малахим убил свой камзол

Как-то жена Малахима выстирала камзол мужа и на ночь повесила во дворе на верёвке.

Случилось так: ночью проснулся Малахим, вышел во двор, чтобы сходить по нужде. Вдруг видит он: посреди двора какой-то человек, одетый в камзол, стоит. Не долго думая, забежал Малахим в дом, сорвал со стены свой ржавый кинжал и опять выбежал во двор. Смотрит: человек в камзоле с ноги на ногу переминается – всё норовит на него напасть. Малахима охватил такой страх, что он бросился с обнажённым кинжалом на незнакомца, бьёт и приговаривает:

– Ради святой могилы своего отца скажи, кто ты?.. Ради святой могилы отца своего скажи, кто ты?..

Услышала жена эти крики, выскочила во двор и видит, как муж с кем-то дерётся. Догадалась она, что свой камзол муж принял за вора, и крикнула:

– Эй, разоритель дома, успокойся, это же твой камзол!.. Я его вчера постирала и повесила на верёвку.

Остановился Малахим, смотрит – и вправду это его камзол. Обрадовался он, подбежал к жене и стал её с ног до головы целовать.

– Эй, Малахим, что с тобой?! Чего ты меня так целуешь! – удивилась жена.

А Малахим и отвечает:

– Потому, старая ворона, что ты вместе с камзолом и меня не повесила!

Как Малахим поросят купил

Приехал как-то Малахим на скотный базар, привязал своего ишака в тени дерева, а сам стал по базару ходить. Идёт и слышит:

– Подходите! Подходите! Дёшево даю!

Подошёл Малахим, видит – какой-то русский поросят продаёт и людей созывает.

– Почём? – между прочим спрашивает Малахим.

Продавец назвал цену. Малахим махнул рукой – мол, дорого. А продавец взял его руку, ударил по ней своей рукой и говорит:

– На половину дешевле отдам! Бери, Малахим!

Отсчитал Малахим нужную сумму, отдал продавцу, взял двух поросят, связал их одной верёвкой, вывел за ворота скотного базара и стал им дорогу к своему дому объяснять:

– Эй, Васьки, – пойдёте прямо-прямо, дойдёте до горки, свернёте направо, пойдёте прямо-прямо, дойдёте до большого сада. Напротив сада – моё одно окно и одни ворота... Войдёте во двор и скажете жене, что я вас послал.

А поросята визжат, да так громко, что Малахим сам себя не слышит. Стал Малахим снова им объяснять дорогу. А поросята пуще прежнего визжат. Не выдержал Малахим, пнул поросят ногой и отпустил.

– Найдут дорогу. А не найдут – спросят... Все знают, где Малахим живёт! – сказал он с досадой.

Побежали поросята по улице, а Малахим преспокойно пошёл по базару клиента себе искать.

Вечером вернулся он домой злой и голодный: как-никак все монеты за поросят отдал.

– Эй, жена!.. Хорошие поросята?! – спросил он.

Выбежала жена во двор и спрашивает:

– Где?! Какие поросята?!

А Малахим в ответ:

– Как какие?! Я купил двух поросят, связал их одной верёвкой, трижды объяснил им дорогу и сказал, чтобы они пришли к нам домой.

– Ой-ой! Разоритель дома! Зачем тебе тратить последние монеты на каких-то поросят? – стала кричать жена на мужа.

Рассердился Малахим на жену, пригрозил ей кулаком и спрашивает:

– Скажи, жена, куда они могли уйти?

– Что тебе сказать? – ещё сильнее кричит жена и бьёт себя по голове. – Да лежать тебе в одном гробу с этими поросятами, откуда мне знать...

– Отвечай, старая ворона, куда они могли уйти?!

– Да быть тебе самому свиньёй, – продолжает злиться жена.

– Наверное, ушли туда, откуда пришли!..

– А!.. – многозначительно сказал Малахим. – Теперь я понял!.. Верно говорят в народе: «Каждая мышь свою норку находит».

И на этом Малахим успокоился, а сам подумал: «Бог знал, что нам запрещено держать в доме отверженных им животных... Вот потому-то и не указал к нашему праведному дому дорогу».

Как Малахим разводился с женой

Как-то, говорят, поссорился Малахим с женой, и дело дошло до развода.

– Будем всё наше имущество поровну делить, мне твоё не нужно, – сказал он жене и стал делить.

– Кровать мне, мравать тебе... Стол мне, мистол тебе. Одеяло мне, мадеяло тебе... Матрац мне, атрац тебе... Чайник мне, майник

тебе... Кастрюля мне, мастряля тебе... Суп в кастрюле мой, муп в мастряле твой... Ложка мне, хошка тебе...

Поел Малахим суп и снова стал делить:

– Мешок мне, мушок тебе... Замок мне, мамок тебе... Ключ мне, улуч тебе...

Осмотрел Малахим все закоулки в доме – ничего, мол, не забыл? – и, убедившись в том, что всё имущество разделено поровну, сел посередине комнаты и задумался.

– Эй, Малахим, что-нибудь ещё осталось? – вдруг спросила жена.

– Да, осталось, – ответил Малахим и стал делить дальше.

– Платье твоё мне, млатье твоё тебе, штаны твои мне, маштаны твои тебе... Жена мне, муж тебе. – Малахим обнял жену, и они оба поцеловались, как некогда в молодые годы.

Но говорят, что с тех пор их скандалы не доходили до развода, а если и случалось такое, то всё начиналось, как и раньше: «Кровать мне, мравать тебе...» И кончалось: «Жена моя мне, муж твой тебе...»

«Это не мой чемодан...»

Ехал как-то Малахим в другой город. А дело было глубокой ночью. Лежит он на нижней полке и о своём ишаке думает: «Как он там без меня?.. Дала ли жена ему отрубей?..»

Вдруг на одной остановке в купе вошли двое мужчин. Сели они напротив Малахима, а сами всё наверх поглядывают. А наверху чьи-то чемоданы лежат. Догадался Малахим, что эти двое воры. «Ну, – думает он, – разорился мой дом. Если унесут чужие чемоданы, проснутя хозяева и подумают, что я украл... Если же гнать воров, то кто знает, ударят ножом – и здравствуй тот свет!.. Что тогда мой ишак без меня делать будет?!»

А воры то на него смотрят, то на чемоданы: никак понять не могут, чьи же чемоданы. Кто знает, сколько они так ехали... Но вдруг Малахим догадался, как ему поступить. «Нужно через игольное ушко пролезть», – сказал он сам себе и стал кричать:

– Это не мой чемодан-дан-дан-дан! Это не мой чемодан-дан-дан-дан!..

Кричит Малахим всё сильнее и сильнее. Воры подумали, что этот человек своим причитанием советует им не бояться его. Встали они и только потянулись к чужим чемоданам... – тут произошло то, что и хотелось Малахиму. Услышали хозяева сквозь сон: «...дан-дан-дан!..» – вскочили и за свои чемоданы ухватились.

Так вот воры и ушли ни с чем. А Малахим перевернулся на другой бок и спокойно заснул.

Как Малахим на поезд опоздал

Поехал как-то Малахим по каким-то делам в тот город, где жили родственники жены, и решил пойти к ним в гости. Обрадовались родственники и говорят:

- Никуда не уходи!..
- Я должен ночью ехать, билет в кармане, – отвечает Малахим.
- Жена будет беспокоиться, да и ишак мой без меня скучает.

А родственники в ответ:

- Кюрзе сегодня будем делать! Оставайся!
- О! – воскликнул Малахим, – коли кюрзе, говоришь, останусь!

Приготовила хозяйка дома кюрзе и подала на стол. Стал Малахим кушать, о том о сём говорить, а про то, что ему ехать надо, и позабыл. Вдруг слышит он – где-то паровоз прогудел.

– О! – воскликнул Малахим. – Слышали, паровоз меня зовёт. Надо на вокзал идти!

Собрал он наспех свои вещи и, не доев угощение, со всех ног на вокзал помчался. Прибежал он, а поезд уже отъехал – только огоньки сзади горят. Побежал Малахим за поездом и давай кричать:

- Эй, куда пошёл? Мой билет у меня в кармане.

Разве остановится поезд лишь потому, что Малахим задержался, пока кюрзе ел. Конечно же, нет! Подошёл тогда Малахим к перрону, сел на скамейку и стал плакать и приговаривать:

- Ой! Ой!.. Недоеденное кюрзе, наверное, уже остыло.
- Ой! Ой!.. Ишак мой кричит, беспокоится за меня, скучает и умереть может... А жена в одиночестве от страха дрожит... А может быть, кто её уже и похитил... Что я буду делать один...

Плачет он, да так горько плачет, будто отца родного хоронит.

Собрался народ и спрашивает:

– Что случилось? Почему плачешь?

А Малахим отвечает:

– Кюрзе остыло, ишак голодный, жена скучает, паровоз ушёл.

– Не надо плакать! – говорят люди. – Скоро ещё будет поезд.

А Малахим никак не успокоится:

– На что мне ваш поезд? Он не ждёт меня... Я дам жене депешу, чтобы моего ишака прислала за мной... Мой ишак никуда без меня не уходит. Всегда меня дожидается... Лучше я пойду, кюрзе доем и буду ждать ишака своего.

Взвалил он свои вещи на спину и поплёлся к родственникам жены кюрзе доедать.

А в народе с тех пор стали говорить: «Малахим кюрзе кушал, а поезд его не ждал».

Как Малахим золото нашёл

Однажды захворал у Малахима ишак. Оставил он его дома, а сам положил в карман десять золотых монет и пошёл на базар купить к ужину еду. Подошёл он к базару и видит – у входа сидит слепой нищий и выкрикивает:

– Кто даст десять золотых, тому Бог сто золотых даст!..

– О! – воскликнул Малахим, – отдам-ка я нищему мои десять золотых... Глядишь, Бог мне сто золотых даст.

Отдал он нищему десять золотых, повернулся и пошёл к себе домой.

– Что купил? – спрашивает жена.

– Как видишь, ничего не купил, – ответил Малахим и рассказал о том, как один нищий кричал: «Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!.. Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!» Вот я поверил этому нищему и отдал ему свои десять золотых, которые брал на еду.

Стала жена его браниться, набрасываться на мужа, кипя упрёками, обрушивать ему на голову всякие проклятия.

– Только полоумный мог поверить глупым словам нищего... – чуть не плача кричала жена. – Эй, разоритель дома, ты подумал, что мы будем есть?.. Всё никак с дурью своей не расстанешься!.. Надоед

ты мне своими проделками!.. Ступай сейчас же и заведи у этого афериста наши деньги!

Ничего не оставалось Малахиму делать. Пришёл он на базар, а нищего и след простыл: ещё бы, обрадовался он такой щедрой подачке и сбежал. Стал Малахим по базару ходить, не зная, что делать, как быть. Домой он не решался идти: жена опять обрушится на него с проклятиями. Вдруг слышит – кто-то кличет его. Повернулся и видит – знакомый человек.

– Малахим, есть у меня одна работа, – говорит этот знакомый.
– Не согласился бы ты эту работу выполнить?

– А что за работа? – спрашивает Малахим.

– Отхожее место переполнилось... От вони себе места не находим, да и по нужде сходить негде.

– Если заплатишь десять золотых, согласен, – говорит Малахим.

Пришёл Малахим к знакомому человеку и видит: такую работу никто и за пятьдесят золотых не взялся бы делать.

– Ну, дожил, – подосадовал он и тут же утешил себя: – Ведь убираю же я за своим ишаком, почему и за людьми не убрать.

Засучил Малахим штанины, снял рубашку и принялся за дело. До самого вечера работал, весь измазался, устал, перепотел. Вдруг почувствовал он, что ведро о какой-то твёрдый предмет ударило. «Что бы это могло быть?!» – удивился он. Спустился по пояс в яму и стал руками доставать этот предмет. А когда достал, то видит – это золотой слиток.

«Золото! – обрадовался он и тут же погрузил его на дно ямы. – Кто знает, хозяин увидит и отберёт», – подумал он и решил скорее закончить всю работу и лишь потом взять находку и, пряча её, – скорее домой.

Как порешил, так и сделал: закончил работу, положил слиток в ведро, наполненное вонючей жижицей и, взяв у хозяина причитающиеся ему десять золотых, – бегом подался домой.

– Эй, старая ворона, закрывай скорее все окна и двери, мы разбогатели! – сказал он жене шёпотом.

– Что ещё ты натворил?! – встревожилась жена.

– Сказано тебе, дура, делай, что говорят, – грозно приказал он.

Закрыла жена и окна, и двери – и ждёт. А Малахим поставил ведро посредине комнаты – и комната наполнилась таким зловонием,

что на жену рвота напала, и она слово сказать, на мужа обрушиться, отчитать его не может. А Малахим достал из ведра свою находку, бросил ведро во двор и, показывая, говорит:

– Теперь мы богатые... Построим хороший дом, сад посажу, коз куплю...

– Ишака продадим, лошадь купим, – вставила жена.

– Эй, старая ворона, запомни, никогда я ишака своего не продам, – взбунтовался Малахим.

Приказал он жене спрятать свою находку подальше от чужих глаз, сам умылся, поел и лёг спать. Лежит он, и грезится ему новый дом, богатая обстановка, сад, козы... Всю ночь не спалось ему. Утром он положил в карман десять золотых и пошёл на базар. Видит – у входа сидит тот самый нищий и восклицает:

– Кто даст десять золотых, тому Бог сто золотых даст!.. Кто десять золотых даст, тому Бог сто золотых даст!

Обрадовался Малахим этой встрече. Подошёл к нищему, положил ему в шапку свои десять золотых и говорит на ухо:

– О, добрый человек, если по пояс быть в дерьме, Бог не только сто золотых даст, но и целое состояние.

Сказал так Малахим и, похлопав его по плечу, пошёл по базару.

Теперь поведаем вам о жене Малахима. Закрывает она окна и двери, достала этот самый золотой слиток и давай на зуб пробовать: всё никак не может поверить в то, что они, наконец-то, из нужды выберутся. Целый день она была занята этим делом.

Вечером вернулся Малахим и видит – окна и двери заперты. Стал он стучать, а жена до того испугалась, что с места сдвинуться не может. Ну, думает, пронюхали недруги о находке и пришли грабить.

Стучит Малахим полчаса, час... Никто не откликается. Взломал он окно, влез, а жена без сознания лежит, и в руках у неё золотой слиток. Схватил Малахим этот слиток, спрятал, затем плеснул на жену холодной водой и в чувство привёл.

– Эй, разрушитель дома, я думаю, что это не золото, – говорит жена мужу.

– Что ты болтаешь, старая ворона? – стал возмущаться Малахим.

– Ведь я по пояс в дерьме лазил, а ты – не золото, говоришь?!

– Малахим, давай отнесём этот слиток моему брату. Он ювелир, он сразу скажет – золото или не золото.

– Верно говоришь, жена!

Принесли они этот слиток брату жены и ждут, что же он скажет. А он опустил его в кислоту – и слиток почернел.

– Это медь! – говорит ювелир.

Не поверил Малахим, схватил свою находку и к другому знатоку заспешил. Тот тоже опустил этот слиток в кислоту – он ещё темнее стал.

– Медь! – сказал и этот человек.

Не поверил Малахим и этому человеку, взял он свою находку, принёс домой, сшил мешочек, положил в него слиток и стал хранить в надёжном месте, уверяя себя и жену, что это золото. Только пользы от этого «золота» он так и не увидел, а постоянное беспокойство себе и жене создал – это точно!

Как Малахим спасал свою жену

Был в юные годы Малахим в солдатах. Стоит он на посту в одном городе и видит, как какая-то женщина в другом городе ругается с какой-то другой женщиной. Присмотрелся Малахим и видит: это его родной город, а женщина эта не кто-нибудь, а жена его, и ругается она с соседкой.

– Да быть тебе на куски порубленной, если врешь!.. Да чтобы тебе радости век не видать!.. – кричит его жена, да так громко и нервно, что все жилы и поджилки у неё на шее трясутся.

– Да чтобы тебе радость детей своих не видеть! – кричит она и бьёт себя от злости по груди, по животу, по голове.

А та, с которой она ругается, ехидно смеётся, гримасничает, на нервы жене его действует и ещё больше злит её.

– Ой, жена, хватит, перестань! – крикнул ей Малахим.

Видит Малахим, что жена не перестаёт, ещё больше колотит себя то по голове, то по груди, то по животу...

Жалко стало Малахиму жену, сложил он в рупор ладони свои и давай кричать, жену бранить.

– Эй, жена, – кричит, – голову свою дурную крепче бей, но по груди и по животу своему не смей бить!.. Ведь я ещё вернусь к тебе, и эти твои места мне ещё будут нужны!

Только нет, никак не может жена успокоиться, усмирить свой гнев и злость.

– Да я тебе за такие наговоры глаза вытащу и собакам брошу!
– злится она.

– Только попробуй! – отвечает соседка. – Так я весь дом твой в огонь превращу!

Не удержалась жена его, бросилась на соседку и давай за волосы её дергать. А соседка изловчилась, свалила его, Малахима, жену и давай ногами топтать, по животу бить.

– Ах ты, злюка!.. Ты хочешь меня вдовцом оставить?! – разозлился Малахим на жену соседа и, схватив винтовку, выстрелил, да и сам проснулся в поту и страхе.

Услыхали выстрел солдаты, повыскакивали из своих казарм – и к Малахиму.

– В чём дело? – спрашивают.

А Малахим отвечает:

– Стою, – говорит, – на посту и вижу, как жена соседа мою жену ногами по животу бьёт. Ну, я и не выдержал и выстрелил...

Наутро, говорят, начальство обругало Малахима и на три дня на гауптвахту отправило.

– Я не виноват! – возмутился он. – Это моя жена, дура, виновата!

Ну, как бы то ни было, отсидеть ему трое суток пришлось. Ведь порядки для всех солдат одинаковы.

Как Малахим пошёл в рукопашную схватку

Стоял как-то Малахим на посту у берега моря, нефтяные вышки охранял. А дело было в годы войны, да к тому же ночью. Вдруг видит он: в море какие-то люди к берегу плывут. «Ну, – думает Малахим, – это шпионы плывут. Хотят нефтяные сооружения взорвать».

Испугался он и навстречу к «шпионам» направился.

– Стой! Кто идёт? – крикнул он в страхе и направил на них винтовку.

А на крик никто не ответил, только море волнами продолжало шуметь.

– Стой! Кто идёт? – снова крикнул Малахим.

Опять никто не ответил, только море волнами шумит и шумит. Пуще прежнего испугался Малахим – и в третий раз крикнул:

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду!

И вдруг видит он: кто-то между нефтяными сооружениями с места на место перебегает.

– Смерть фашистам!.. Ура!.. – крикнул Малахим и, дав несколько выстрелов, вступил в рукопашную схватку со «шпионами». Колет он одного, колет другого, третьего... Вот уже и штык сломался. А Малахим всё дерётся и «ура!» кричит.

Услыхали солдаты выстрелы и, схватив свои винтовки, побежали Малахиму на помощь. Прибежали, а тут и прожектора заработали, освещать стали. Смотрят солдаты и ничего понять не могут. А Малахим не унимается, всё «шпионов» бьёт своим сломанным штыком и «ура!» кричит.

Набросили на Малахима солдаты аркан, свалили, а он весь в крови и ссадинах, а вокруг винты от кранов валяются.

– Что случилось, Малахим? – спрашивают его.

А он всё: – Ура! Наши победили!.. – кричит.

А солдаты опять:

– Малахим, в чём дело?

– Шпионы! Шпионы по морю плыли. Хотели нефть взорвать.

Догадались солдаты, что Малахиму всё это померещилось от страха. Ведь никаких шпионов и не было. Это волны в море друг за другом катились.

На следующее утро начальство приказало солдатам выстроиться и при всех вынесло благодарность Малахиму за его «смелость».

А через два-три дня выписали ему сухой паёк и домой отправили.

– Смелость дурака – на руку врагу! – сказали ему начальники.

Так Малахим и «отвоевался», говорят!..

Как Малахим зло с жены снимал

Пришёл как-то Малахим с друзьями к себе домой и говорит жене:

– Видишь, со мной друзья мои пришли, скорее поесть давай!

А жена растерянно руками развела и отвечает:

– Ой, Малахим, обед ещё не готов. Соседка тонур заняла, лепёшки печёт.

Зло взяло Малахима на жену, вышел он во двор, – и вправду соседка кукурузные лепёшки печёт. Посмотрел Малахим виновато на друзей. А друзья ему:

– Ничего, пойдём к нам, поедим!

– Нет, – говорит Малахим, – я это дело так не оставлю!

Достал он свой пистолет и все кукурузные чуреки соседки прострелил.

– Это я зло с жены снимаю! – сказал он друзьям в гневе.

А в народе с тех пор стали говорить: «В лепёшки стрелял, зло своё с жены снимал!»

Намёк тёще

Пришёл как-то Малахим к тёще в гости. А нужно сказать, что у тёщи была привычка держать окна открытыми. А Малахим не мог переносить сквозняков – тут же простужался. Хотел он сказать, чтобы тёща окна закрыла, но всё никак не решался. Мало ли, на смех поднимет, опозорит его. Думал он, думал, как бы это намекнуть «закалённой» тёще, и наконец придумал.

– Я всё время думаю, как вам нелегко приходится, – сказал он тёще.

– В чём? – любопытствовала тёща.

– Ведь вам постоянно приходится то открывать, то закрывать окна... Я бы предложил вам вообще выбить все стёкла. Глядишь, легче вам будет!

Догадалась тёща, на что намекает зять, и закрыла окна.

Как Малахим ребят перехитрил

Возвращался как-то Малахим с базара на своей арбе. А день был таким жарким, что земля трескалась. Случилось так – проезжал Малахим мимо речки. Видит он – в речке детвора купается. Остановил ишака своего, слез с арбы и стал скотину распрягать: «Пусть, мол, отдохнёт!»

Увидели дети Малахима, обступили его и стали ишака у него просить, чтобы прокатиться. Понял Малахим, что так просто не отделаешься от этих упрямых мальчишек, и на полном серьёзе говорит:

– Не могу, дети! Мне нужно сначала у отца этой скотины разрешение взять. – С этими словами распряг он своего ишака, влез ему на спину и поехал к воде.

– Эй, Малахим, разве так купаются?! – удивились ребята. – Нужно же раздеться.

Малахим искоса посмотрел на ребят и ответил:

– С чего это вы взяли, что я купаться полезу! Ведь я же вам сказал: пойду и спрошу разрешения у отца этой скотины. Если разрешит вам прокатиться, то я не против.

Обрадовались дети, запрыгали от радости. А Малахим лукаво усмехнулся в свои усы и говорит:

– Только с одним условием: пока я буду говорить с отцом этой скотины, чтобы никто не лез в воду. Поняли?!

– Ладно! – согласились ребята.

Малахим разделся, привязал к спине ишака свою одежду – и они оба полезли в речку.

Купается Малахим, ныряет, удовольствие получает, фыркает, а позволить ребятам прокатиться на ишаке и не помышляет. Догадались ребята, что их обманывают, и решили отомстить Малахиму – забрать у него ишака и кататься. Стали они в речку прыгать. Видит Малахим – что-то здесь неладное, испугался и говорит:

– Ребята, скорее на берег и не шумите! Отец моего ишака что-то говорит.

Переглянулись ребята, выбрались на берег и ждут. А Малахим купается себе, ныряет, ишака купает, фыркает.

– Эй, Малахим, хватит нас обманывать. Никакого отца у твоего ишака нет, – сказал один из ребят.

– Ты нас обманываешь! – крикнул второй. – Давай скорее ишака сюда. Кататься будем. Не дашь – плохо будет!

А Малахим тем временем накупался, вышел на берег, быстро оделся и, ведя ишака к арбе, говорит:

– Знаете, ребята, что сказал отец моей скотины?..

– Что? – полюбопытствовали ребята.

– Нет! – говорит Малахим. – Лучше я вам сначала про его отца расскажу, а то вы не верите, что у моего ишака отец был.

– Ну, рассказывай, – попросил один из ребят.

И начал Малахим рассказывать ребятам придуманную им притчу о том, как у его ишака был отец, и пришёл он как-то на эту речку купаться и утонул... Рассказывает Малахим, а сам ишака в арбу

запрягает. А ребята слушают и никак не могут понять, правду говорит им Малахим или опять обманывает.

Тут один из мальчишек спрашивает:

– Разве утонувший может разговаривать?

Не растерялся Малахим и отвечает:

– Если не верите мне, идите на речку, там отец моего ишака лежит, сами у него узнаете: может он разговаривать или не может? – С этими словами он прыгнул в арбу и, торжествуя оттого, что так ловко провёл мальчишек, погнал свою скотину подальше от речки.

А дети так и остались стоять в растерянности.

Ответ Малахима на замечание одного старика

Случилось так, что в кругу людей Малахим испустил «пары» и испортил воздух.

– Ты тоже, как и твой ишак, «пар» пускаешь... Постеснялся бы бороды своей! – заметил кто-то из стариков.

– Да, вы правы, – ответил на это Малахим. – Но около нас доктор живёт, этот умный доктор сказал и мне, и моему ишаку, что ненужный газ в животе держать очень вредно!.. А потому и вам советую, почтенные, не держать при себе всё ненужное!

Как Малахим с мельницы муку возил

Как-то раз попросили Малахима с мельницы несколько мешков муки перевезти. Приехал он на мельницу, погрузил в арбу мешки с мукой, сел сам поверх мешков и поехал. Едет он мимо леса и думает: «Возьму-ка немного муки, домой отнесу и накажу жене хинкал сготовить».

Кинулся он искать пустой мешок или что-нибудь такое, куда можно было бы пересыпать муку, но, как назло, ничего не нашлось. Снял он тогда с себя брюки, связал верёвкой штанины и, сделав в мешке дырочку, стал насыпать в штанины муку. До самого края насыпал. Затем погрузил штанины с краденой мукой на арбу, сам залез и, спрятав свои безобразные места между мешками, погнал ишака в сторону своего дома.

– Эй, старая ворона, – крикнул он жене, когда подъехал к своим воротам. – Скорее штаны мне вынеси!

Испугалась жена, вынесла ему старые брюки и в тревоге спрашивает:

– Что случилось?

Малахим быстро надел на себя брюки, слез с арбы, взвалил на плечи штанины с краденой мукой – и скорее в дом.

– Что это такое? – спрашивает жена.

– Это живот мой опорожнил себя, – отшутился Малахим и наказал жене, чтобы та из «содержимого» его штанин вкусный хинкал приготовила.

Вскоре Малахим приехал в лавку и стал разгружать мешки. Видит продавщица – в одном мешке муки не хватает.

– Эй, Малахим, где мука? – кричит продавщица. – Отвечай!

– И в мешках, и на мельнице!.. – отвечает Малахим и скорее на арбу садится.

А продавщица кричит ему вслед:

– Ты мне ответишь! В суд на тебя подам! В тюрьму пойдёшь...

А Малахим притворился, что ничего не слышит, и уехал.

Вернулся он домой поздно вечером. Отвёл своего ишака в сарай, накормил, напоил, а затем и на цепь привязал: он всегда на ночь на цепь привязывал своего любимого ишака.

– Эй, жена, хинкал готов? – ещё с порога спросил Малахим.

– Да, готов, иди умывайся и ешь! – ответила жена.

Умылся Малахим, вошёл в дом и стал с таким аппетитом есть свой ужин, будто он неделю ничего в рот не брал.

– Да, и вправду вкусно! – сказал он, наевшись.

Только ночью, лёжа в постели, вспомнил он, как продавщица пригрозила ему тюрьмой. Позвал он жену и обо всём рассказал. Стала жена на голове волосы рвать.

– Что я без тебя делать буду?! – кричит. – Кто кормить меня будет?! Посадят тебя в тюрьму, вот увидишь...

А Малахим заснул, и снится ему сон, будто его и вправду в тюрьму посадили. Проснулся он в страхе и видит: он дома, а жена рядом с ним сидит и плачет. Рассказал Малахим жене свой сон, а жена ещё сильнее плачет.

– Вот увидишь, посадят тебя...

– Да! – заключил Малахим, – дело моё дрянное!.. Слышал я, что и дерьмо может иногда стать мёдом. Верно ли это? – усомнился он и остался лежать.

В это утро Малахим проснулся позже обычного. Взял он два ведра, пошёл в уборную, зачерпнул в ведра дерьма и поставил их на арбу. Туда же положил он щётку с палкой. Затем запряг своего ишака и выехал со двора.

– Куда и зачем везёшь это? – в недоумении спросила жена.

А Малахим приблизил к себе жену, поцеловал её и говорит:

– Если наше дерьмо и вправду мёдом станет, то хорошо. Но если же наше дерьмо останется дерьмом, то смотри, жена, за моим ишаком. Штаны свои продай, но корми его до моего освобождения.

Хлестнул он ишака и поехал, а бедная жена осталась дома плакать и волосы рвать на голове.

Приехал Малахим в то утро прямо к милиции, остановил свою арбу, взял два ведра с дерьмом и вошёл прямо в кабинет начальника.

– Я, Малахим, пришёл по вашему вызову. Откуда прикажете начинать побелку? – С этими словами Малахим опустил свою щётку в ведро и только собрался провести ею по стене, как начальник, видя такое дело, крикнул дежурному. Прибежал дежурный и спрашивает:

– В чём дело?

– Кто звал этого дурака?! Выгоните его отсюда и эту вонь скорее унесите! – приказал начальник дежурному.

Схватили Малахима за шиворот и вышвырнули из милиции, а ведра с дерьмом и щётку снесли далеко в овраг и выбросили.

А Малахиму того и надо было. Сел он на свою арбу и с весёлой песней на устах поехал на базар, на заработки.

Вечером приехал он домой и видит: жена все волосы на голове повырывала, всё лицо исцарапала, плачет, успокоиться не может. Как же – пригрозили посадить мужа в тюрьму.

– Эй, жена, успокойся! – торжественно сказал Малахим и добавил: – Оказывается, верно люди говорят, что и дерьмо может мёдом стать! Кому я нужен в тюрьме? Пришёл я туда, а меня за шиворот выгнали... Что поделаешь, не нужен я им... И слава Богу!

Спор Малахима с хозяином ослицы

Имел Малахим привычку выводить своего ишака на лужайку и привязывать длинной цепью за кол. И вот однажды, когда ишак Малахима пасся на лужайке, один человек привёл свою ослицу, привязал её за тот же кол, а сам сел в тени дерева.

Вышел Малахим из дома, смотрит: его ишак с какой-то ослицей непристойное дело делает. Обрадовался он, вбежал в дом и говорит жене:

- Эй, старая ворона, порадую тебя.
- Что случилось?.. Чем порадуешь?
- Наш ишак занят заботой о деторождении.

Малахим вывел жену на улицу и показал.

- Эй, старая ворона, кого бы ты хотела – осла или ослицу? – вдруг спросил он.

Жена усмехнулась и отвечает:

- Да лежать тебе в одном гробу со своим ишаком, – конечно же, ослицу... Осёл у нас есть, была бы ещё ослица, могли бы иметь целое стадо ослов... Ты бы, Малахим, стал главным ослом в этом стаде.

Догадался Малахим, что жена смеётся над ним, и говорит:

- Да чтобы с языка твоего шкуру содрать! Ослепнешь на два глаза, увидев в сарае нашего осла и его дочь-ослицу. – С этими словами Малахим ушёл к тому месту, где был привязан ишак.

И тут он видит: в тени дерева сидит какой-то мужчина и, созерцая происходящее на лужайке, радуется. Смекнул Малахим, что этот человек – хозяин ослицы, подошёл к нему, поздоровался, сел рядом и спрашивает:

- Кого бы ты, друг, хотел иметь – осла или ослицу?
- Осла! – отвечает хозяин ослицы.
- А я ослицу! – говорит Малахим.

Они помолчали немного, и Малахим, продолжая думать, как бы из непристойных дел своего ишака извлечь выгоду, говорит незнакомцу:

- Как ты считаешь, друг, без муки можно испечь хлеб?
- Конечно же, нет! – усмехнулся хозяин ослицы. – Такого ещё не бывало!

В это время мимо проходили судья и ростовщик. Подозвал их Малахим к себе, вежливо поклонился и спрашивает:

- А как вы считаете, почтенные, без муки хлеб можно испечь?
- Конечно же, нет! – ответили судья и ростовщик.

А Малахиму того и надо было. Хлопнул он в ладоши и, засмеявшись, показал на проделки своего осла и чужой ослицы. На том и разошлись.

Пришло время ослице разрешиться – родила она маленькую ослиху. Обрадовался Малахим и, взяв с собой верёвку, побежал к дому хозяина ослицы и говорит:

- Слышал, друг, усилие моего осла успехом увенчалось!.. Ослица твоя ослиху принесла... Могу ли я забрать, как и договорились, свою ослиху?!

Растерялся хозяин ослицы и говорит:

- Да ты что, шутишь или с ума сходишь?!

- Никак нет, – отвечает Малахим. – Я не шутник и с ума не схожу!..

Вижу, это ты сам ума и совести лишился... Мужчина должен хозяином слова быть. – И Малахим напомнил ему лужайку и тот день, когда его, Малахима, ишак усердствовал над его, незнакомца, ослицей.

Разозлился хозяин ослицы и выдворил Малахима со двора, пригрозив ещё тем, что собаку натравит на него.

Пришёл тогда Малахим к судье и говорит:

- Почтенный судья, почти мой дом своим приходом. Одному человеку нужно одно дело сделать. Сделаешь – большой магарыч будет... Обязательно приходи вечером. Хороший плов тоже приготовим!

- Ладно! – ответил судья.

В этот же день Малахим пришёл и к ростовщику.

- Почтенный ростовщик, есть один человек, которому под проценты большие деньги нужны... Приходи сегодня вечером ко мне домой. Хороший плов тоже приготовим!

Ростовщик дал согласие.

В этот же день Малахим снова пришёл к хозяину ослицы и говорит:

- Ты, друг, нечестно поступаешь. Я хочу, чтобы этим делом судья занялся. Как он решит – так и будет!.. Жду тебя вечером у себя дома.

- Пусть хоть десять судей этим делом займутся, а правда на моей стороне! – разозлился хозяин ослицы.

– Пусть правда будет на твоей стороне, но я хочу услышать эту правду из уст судьи-законника, – заявил Малахим.

Ничего не оставалось делать хозяину ослицы, как согласиться прийти.

Вечером в доме Малахима собрались судья, ростовщик и хозяин ослицы. Сидит судья, смотрит на хозяина ослицы и думает, что этот человек и есть, наверное, тот самый, которому Малахим хочет помочь. А ростовщик тоже смотрит на хозяина ослицы и тоже думает, что этот незнакомец и есть тот самый человек, которому нужны под проценты деньги. А хозяин ослицы сидит и не знает, как ему быть, с чего начать разговор. Только Малахим знает, что к чему. Всякими пустыми хабарами гостей потчует, а о деле ни слова не говорит и обещанный плов на стол не подаёт. Вот уже и полночь наступила, а Малахим всё пустые, ненужные разговоры ведёт. Надоело гостям его пустые разговоры слушать, да и спать им уже захотелось. Не выдержал судья и говорит:

– Эй, Малахим, где твой обещанный плов?

А Малахим притворился, что не расслышал судью, и, обращаясь к хозяину ослицы, спрашивает:

– Что сказал наш судья-законник?

– Он говорит: где обещанный плов? – ответил хозяин ослицы.

А Малахим опять притворился, что и его не расслышал, и, обращаясь к ростовщику, спрашивает:

– Ты слышал, что они сказали?

Ростовщик приблизился к уху Малахима и громко говорит:

– Они говорят, что лучше бы плов кушать, чем твой хабар слушать!

Малахим хлопнул в ладоши и, смеясь, сказал:

– Понял, почтенные гости. Сейчас всё будет, только не забудьте всё вами сказанное.

Малахим удалился. А вскоре вернулся в дом, ведя за уздечку своего ишака.

– Почтенные гости, вы помните этого ишака? – спросил Малахим.

Гости переглянулись.

– Ну, того самого ишака, который на лужайке в такой-то день усердствовал над ослицей этого человека, – показывая на хозяина ослицы, продолжал Малахим.

– А!.. Помню! – сказал ростовщик.

– Помню! – подтвердил судья.

Только хозяин ослицы промолчал.

– А помните вы, почтенные люди, – не успокаивался Малахим, – как я спросил вас: «Можно ли без муки хлеб испечь?..» Что вы на это ответили?

– Всем известно, что без муки хлеба не испечь! – сказал ростовщик.

– Конечно, не испечь! – согласился судья.

Только хозяин ослицы опять ничего не сказал.

– А помнишь ли ты, хозяин ослицы, когда я у тебя спросил: «Кого бы ты хотел – осла или ослицу?» – что ты тогда ответил?

– Осла! – сказал хозяин ослицы.

– А я что сказал тогда? – снова спросил Малахим.

– Ты сказал – ослицу, – подтвердил хозяин ослицы.

– Так вот, почтенный судья и почтенный ростовщик, рассудите нас с этим не сдержавшим своего мужского слова человеком... Он отказывается отдать мне, как и договаривались, ослицу, которую произвела на свет его ослица при непосредственном усердии моего ишака... Ведь вы же сами сказали, что без муки хлеба не испечь.

Посмотрел судья на ростовщика, а ростовщик – на судью, и оба, недоумённо пожимая плечами, рассмеялись.

А Малахим опять за своё:

– Учтите, над вами Бог судья. Откажетесь от ваших слов – веры вам нет!

– Малахим, правда на твоей стороне. Рождённая ослиха принадлежит тебе, – вдруг сказал судья и по привычке встал.

– Почему? – возмутился хозяин ослицы. – Ведь ослица моя!

И вот тут-то судья объяснил:

– А известно ли тебе, хозяин ослицы, что и среди людей часто бывают такие споры. Ведь всегда по закону дочь принадлежит отцу, а сын – матери.

Рассердился хозяин ослицы, встал и удалился. А судья написал Малахиму бумажку, где говорилось, что рождённая ослиха от ослицы такого-то человека при усердии ишака Малахима согласно закону принадлежит ишаку Малахима, а значит – Малахиму. Написал он так,

подписал сам и попросил подписаться ростовщика как свидетеля и, заверив печатью, передал бумажку Малахиму.

На следующее утро Малахим пошёл к хозяину ослицы и отдал ему решение судьи.

Ничего не оставалось делать хозяину ослицы, как отдать хитрецу Малахиму новорождённую ослицу.

– Не убивай себя этим горем, друг! – сочувственно сказал Малахим хозяину ослицы, уводя новорождённую. – Мой ишак не дурак, как и его хозяин. Он в следующий раз непременно постарается для тебя осла сделать... Приводи ещё свою ослицу!

Злость и мудрость Малахима

Как-то разозлился Малахим на ишака своего за то, что он не хотел выходить из хлева. На это у животного была причина – сильно болел живот. Малахим, не разобравшись в причине его упрямства, взял палку, стал бить скотину и приговаривать:

– Дурак из дураков, у меня клиент богатый из богатых... Глядишь, хорошо заплатит, если мы с бахчи привезём арбузы на базар...

Бьёт он своего ишака всё сильнее и безжалостнее. Но ишак не двигается с места. Орёт во всю глотку, да так сильно, что соседский мальчик не мог пройти мимо – и зашёл в хлев, где Малахим продолжал всё сильнее и яростнее бить бедное животное.

– Дядя Малахим, зачем вы так бьёте бедного ослика? – спросил ребёнок.

Малахим пожаловался соседскому мальчику:

– Богатый клиент попросил с бахчи на базар привезти арбузы. Обещал хорошо заплатить. А этот упрямец не хочет, чтобы я хорошо заработал... Не хочет!.. Не хочет!.. Понимаешь, не хочет!

Малахим стал снова бить своего ишака. Бьёт, а ишак всё кричит, да так сильно, что на крик ишака жена Малахима прибежала. Вслед за ней на крик бедного ишака и соседи собрались. Стали все Малахима увещевать. А Малахим ни в какую – весь злобой пышет и продолжает избивать осла. Тем временем соседский мальчик сбегал домой, принёс бедному животному хурджун кукурузных зёрен и стал угощать, приговаривая:

– Ослик бедненький, ешь, не смущайся... Я знаю, как тебе больно... Я знаю... Меня отец ремнём бил, и мне ой как больно было...

Надо было видеть, как ишак потянулся к мальчику и стал жалостливо кричать своё «и-а!.. и-а!», как бы жалуясь и прося у мальчика защиты. Только нет, не жалел на сей раз Малахим своего ишака.

– Я посмотрю, кто из нас упрямее. Ты хочешь лишить меня хорошего заработка?.. Упрямышься?! – Малахим с новой силой и ещё сильнее продолжал избивать своего ишака. Бьёт он, а ишак орёт и к мальчику за помощью тянется.

– Дядя Малахим, перестаньте бить. Ослик плачет... У него из глаз слёзы текут... – чуть не плача, просит мальчик Малахима.

А Малахим и слушать не хочет: всё бьёт и бьёт. Видя, как жажда хорошо заработать одолевает хозяина ослика, мальчик обратился к собравшимся соседям с просьбой собрать деньги и тем самым усмирить взбесившегося Малахима. Вскоре деньги были собраны и предложены Малахиму.

Взял Малахим эти деньги без зазрения совести и ушёл со двора. Дорогой нанял он такого же, как и он, извозчика, сел и сам на его арбу и велел ему ехать на загородную бахчу. Загрузив арбу арбузами, Малахим велел извозчику ехать на базар, где его дожидался тот самый богатый клиент. Рассчитался клиент с Малахимом щедро, а вдобавок десять огромных арбузов подарил.

– Вези домой!.. Ешь на здоровье!

Обрадовался Малахим, влез на арбу и домой отправился. Приехав, приказал он извозчику разгружать арбузы. Пока извозчик был занят делом, Малахим вывел из хлева своего ишака и, показывая ему запряжённого в арбу чужого ишака, сердито сказал:

– Дурак, сын дурака, ты видишь – то, что полагалось нам заработать, я отдал этому ишаку и его хозяину... Смотри и проси прощения.

Ишак Малахима жалостливо и виновато прокричал своё «и-а!», а Малахим ему в ответ:

– Ладно! Не расстраивайся!.. В крике твоём тоже есть прибыль... Те деньги, что я получил за жалость соседей к тебе, я отдал хозяину этого ишака... А те, что мне заплатил богатый клиент, – в шесть раз больше, а в придачу ещё и десять – вон видишь, каких! – арбузов

нам достались... Не переживай и не сердись... Утром надо на базар ехать... А пока отдыхай и арбузом угощайся.

Малахим нарезал своему ишаку арбуза, да и сам пошёл есть с женой вкусный арбуз.

Как Малахим вернул своего ишака

В один из дней Малахим вывел своего ишака на лужайку, чтобы тот травку пощипал, а сам ушёл по делам. В это время мимо проходил хлебопекарь, которому нужно было свезти пшеницу на мельницу. «О, слава Богу! Вот и бесхозный ишак... Взвалю на него мешок и на мельницу свезу», – решил хлебопекарь. Сказано – сделано. Погнал он ишака к себе во двор, взвалил на него мешок зерна и погнал на мельницу. А когда зерно было помолото, он взвалил на ишака уже два мешка – мешок с мукой и мешок с отрубями.

Дома хлебопекарь накормил ишака отрубями. Ест ишак с удовольствием, хвостом туда-сюда водит. А хлебопекарь ему:

– Ешь! Ешь! Бедный ты мой. Проголодался!.. Тебя сам Бог мне послал!.. Я тебя не обижу... Помощничек ты мой... Ешь! Ешь!..

Пусть хлебопекарь радуется найденному ишаку, а я расскажу вам о Малахите.

Пришёл он на лужайку, чтобы ишака своего домой пригнать. Глядь – ишака и в помине нет. Бросился Малахим искать пропажу, но нигде ишака нет. Прибежал он, взволнованный, домой и давай зло на бедной жене срывать.

– Бездельница!.. – кричит. – Могла и присмотреть за нашим кормильцем.

– Найдётся! – успокаивает его жена.

– Но если не найдётся, я тебя буду в арбу запрягать... Запомни!..

– Ладно!.. Ладно!.. Успокойся! – отвечает жена.

Малахим снова принялся искать пропавшего своего ишака, но его нигде не было.

Спустя несколько дней Малахим пуще прежнего стал злым и раздражительным. А ещё через несколько дней он то и дело бубнил:

– Мой кормилец!.. Куда же ты ушёл?.. Зачем ты покинул меня?.. Если ты не вернёшься, я покончу с собой...

В один из дней Малахим и вправду хотел покончить с собой. Приказал он жене приготовить вкусный, на курином бульоне, хинкал. Наевшись, налил он себе в стакан уксуса и, сказав жене: «Бездельница!.. Живи без меня», – залпом выпил содержимое стакана и растянулся посредине комнаты.

Жена, видя такое дело, подняла крик, позвала соседей, затем и за раввином сбегала, чтобы посмертную молитву прочёл.

– Вай-вай!.. Как мне одной жить? – кричала жена и рвала на голове волосы.

Кто-то позвал лекаря, и Малахим был спасён. А вскоре он поправился, стал выходить во двор, но мысль о пропавшем ишаке не покидала его, и он всё продолжал заговариваться:

– Мой кормилец!.. Куда же ты ушёл?.. Зачем ты покинул меня?.. А может, ты обиделся на меня и ушёл...

Вдруг Малахима осенила мысль: «Впрягу-ка я себя в арбу и буду вместо ишака возить... Глядишь, увидит ишак, как мне тяжело, пожалеет и вернётся... А может, арбу свою узнает!»

Сказано – сделано. Впряг он себя в арбу и поехал на базар. Встал он, где извозчики и амбалы стоят, и ждёт. Долго ждал он, и только к вечеру к нему подошёл мужчина и попросил отвезти мешок зерна на мельницу. Договорились о плате, и Малахим покатил свою арбу. Дорогой он несколько раз останавливался, чтобы передохнуть – пот со лба, с лица, шеи вытереть: как-никак дорога неблизкая. Наконец, изрядно приуставши, добрался он до мельницы и – о чудо! – видит своего ишака, а на шее у него висит торба и он из неё вовсю ест отруби и хвостом крутит. Смотрит Малахим и диву даёт: ишак его даже поправился, похорошел. Подошёл он к нему, погладил его по спине, а ишак и внимания не обращает. Малахим ему: «Из-за тебя я чуть не покончил с собой», – а ишак отворачивается и слушать не хочет... Малахим ему: «Ты что, меня, хозяина своего, не узнаёшь?» А ишак посмотрел на Малахима, повернулся к нему задом, да как лягнёт его по ноге. Понял Малахим: ишаку его новое житьё-бытьё лучше...

«Ладно! – думает он. – Попробую его разжалобить». Снял он с арбы мешок с зерном, снёс на мельницу, затем запряг себя в арбу и стал вокруг своего ишака бегать. А ишак видит всё это и только всё задом к Малахиму поворачивается и ногами дрыгает: мол, пошёл ты к чёрту.

Долго Малахим возил вокруг своего ишака арбу, изрядно устал и лёг на землю, чтобы передохнуть. А то, глядишь, и замертво упасть можно.

Пусть Малахим продолжает отдыхать, а ишак его и знать не желает, а я расскажу вам про хлебопекаря. С того дня как у него появился неизвестно чей ишак, зажил он припеваючи. Прибыли его увеличились: если он в прошлом носил на себе мешок с хлебом, чтобы продать, то теперь он возил и продавал по пять-шесть мешков в день.

«Помощничек ты мой!» – любил называть ишака хлебопекарь.

Что и говорить: души не чаял хлебопекарь в своём помощнике и кормил его отрубями, ничуть корма не жалея.

И вот сегодня хлебопекарь взвалил на ишака зерно и погнал его на мельницу. Занёс он мешок на мельницу, а ишака оставил во дворе, повесив ему на шею торбу с отрубями.

– Ешь на здоровье!.. Сил набирайся, – сказал он, – сейчас зерно помелем – и домой... Дома ещё свежих отрубей поешь.

Пусть хлебопекарь зерно мелет, а я расскажу вам про Малахима. Отдохнул Малахим и опять подошёл к своему ишаку, погладил его, взял за голову и хотел было в морду поцеловать, а ишак как закричит. Услыхал хлебопекарь крик ишака, выскочил из мельницы и видит – какой-то бородатый старик за морду ишака держит и говорит ему: «Ты что, забыл своего хозяина?»

Подбежал хлебопекарь и с силой оттолкнул Малахима. Ишак, видя такое дело, повернулся задом к хлебопекарю и как лягнёт его. Затем ишак подошёл к лежащему на земле Малахиму и стал жалостно кричать: «и-а-а! и-а-а!»

Хлебопекарь быстро принёс мешок с мукой и мешок с отрубями, взвалил всё это на спину ишаку и хотел было погнать его, а Малахим, встав с земли, говорит хлебопекарю:

– Милый человек, возьми мою арбу, запряги в неё бедное животное, а в арбу положи свои мешки... Как-никак бедному ишаку легче, да и самому можно сесть.

Хлебопекарь посмотрел на бородатого старика и, немного подумав, так и поступил.

– Садитесь и вы! – предложил хлебопекарь Малахиму.

Сел Малахим на свою арбу, сел и хлебопекарь. Сидят они рядом, молчат, каждый о своём думает. А ишак рысцой несётся, только

головой качает, будто радуется, что теперь у него два помирившихся хозяина: один – верный друг, другой – щедрый кормилец.

Когда они добрались до дома хлебопекаря, Малахим и говорит:

– Теперь снимай свои мешки и давай плати мне за все беды, что ты причинил мне, украв моего кормильца.

Поначалу хлебопекарь растерялся и даже не знал, что сказать, как поступить. А Малахим тем временем снял с арбы мешки и попытался выехать за ворота. И вот тут хлебопекарь спохватился и преградил Малахиму дорогу.

– Это моё животное, – вскричал он и, схватив Малахима за шиворот, выставил за ворота.

– Ну ладно, посмотрим, кто хозяин моего кормильца, – убегая, крикнул Малахим и, придя домой, всё рассказал жене.

Прошло, говорят, несколько дней. Малахим места себе не находил, злился на жену безвинно и стал снова заговариваться:

– Ай-я-яй!.. Бедный мой кормилец, как ты уживаешься с этим бандитом?.. Ай-я-яй!.. Осиротел я... Нет мне больше жизни...

Видя такое дело, жена Малахима стала по соседям ходить и рассказывать о похищенном ишаке, о состоянии мужа. А соседи только сочувствуют и советуют к судье сходить, дабы наказал бесстыдного вора. Сходила жена Малахима и к раввину и всё рассказала ему. Тот выслушал и тут же написал жалобу на вора-хлебопекаря и посоветовал ей самой отнести к местному судье.

Сказано – сделано. Отнесла жена Малахима эту жалобу к местному судье и попросила наказать вора и вернуть им их ишака-кормильца. Не стал судья откладывать, пришёл он к хлебопекарю и видит: и вправду во дворе известная арба Малахима, а у сарая и его же ишак с торбой на шее – отруби ест и важно хвостом крутит. Постучался судья в ворота. Вскоре вышел хлебопекарь и, догадавшись, что к чему, молча провёл судью в дом, а жене приказал скорее стол с выпивкой накрыть.

Сказано – сделано. Вскоре стол был накрыт. Сидят судья и хозяин дома, едят вкусный обед, вино пьют, пустые разговоры ведут... Наконец судья и говорит:

– За угощение спасибо... Но за воровство ишака Малахима пять лет тюрьмы полагается.

И вот тут-то хлебопекарь взмолился и стал просить судью помочь ему, не доводить дело до суда.

– Не могу, – говорит судья, – весь город знает, что ты украл ишака Малахима.

– Ничего не знаю, – взмолился хлебопекарь. – На тебе тысячу золотых... Только до суда не доводи.

– Ладно! Уговорил... – согласился судья и добавил: – Я устрою у тебя дома твою и Малахима встречу и буду выяснять: чей это ишак и арба?.. Ты говори, что твой, и от этого не отступай... Не пойман – не вор... Понял?

– Понял, дорогой судья!.. Понял!.. Как ты сказал, так и будет.

Вскоре к Малахиму домой принесли бумагу, извещавшую, что он для выяснения приглашается в такой-то день и час домой к хлебопекарю.

Догадался Малахим, что здесь правды быть не может. «Подкупил судью хлебопекарь... И сомнений здесь быть не может», – заключил он и стал обдумывать: как быть? Ведь и ишак не желает его признавать... «На отруби хлебопекаря меня променял», – сокрушался Малахим.

Все оставшиеся дни и ночи думал Малахим: как образумить своего ишака, заставить признать истинного хозяина? Вдруг вспомнил, как он, Малахим, вылечил умирающего своего ишака. «Да-да!.. Надо ему напомнить, кто его, умирающего, спас от явной смерти, – подумал Малахим, но тут же усомнился: – А если не признает меня мой кормилец?! А если и судья против правды будет?! Что тогда?.. Ай-я-яй!.. Пропал я», – стал снова сокрушаться Малахим и нервно ходить взад-вперёд по комнате да жену проклинать.

– Как я докажу, что эта скотина моя, если и судья не по правде судить будет? – кричит Малахим.

– Дурак, успокойся... Сходи к раввину, он что-нибудь предложит.

– Сама иди!.. – зло сказал Малахим.

Сбегала жена Малахима к раввину и стала совета просить. Выслушал её раввин и посоветовал, чтобы Малахим сходил в день суда на базар, в нимаз, а заодно и в городское управление и всем сказал, что такой-то хлебопекарь приглашает вас в такое-то время к себе... Сегодня он отмечает годовщину смерти всеми уважаемого

отца своего... Кто придёт, тот придёт... Пусть и соседей зовёт... Ведь все знают, кто хозяин ишака...

Пусть Малахим делает всё так, как сам знает и как ему посоветовал раввин, а я поведаю вам, что тем временем делал хлебопекарь. Едва в тот день ушёл судья, хлебопекарь нанял мастеровых и велел им выстроить из красного кирпича сарай. Когда всё было построено, нанёс он в этот сарай соломы, настелил пол, а ишаку насыпал в корыто отрубей и приговаривает:

– Ешь!.. Ешь!.. Сколько твоей душе угодно. Лучше, чем у меня, тебе нигде не будет... Забудь ты своего старого и нищего хозяина... Я твой хозяин... Слышишь, я твой хозяин...

А ишак ест, хвостом радостно крутит, довольный такой жизнью и заботой о нём.

И вот наступил назначенный день. Пришёл в назначенное время судья. Вскоре пришёл и Малахим, неся в руке медный таз и кувшин. Смотрит он: в глубине двора построен для его ишака сарай, а у сарая его арба стоит. Понял Малахим, что хитрый хлебопекарь подкупил судью, а ишака его кормит, чтобы настоящего хозяина не признал.

– Да! – сказал он с досадой. – Всё подкуплено. Нет в мире правды. Всё деньги решают... Но правда сильнее!..

Вошёл Малахим в небедно обставленные покои хлебопекаря и, отбив судье поклоны, сказал:

– Всеми уважаемый правдолюбец, судья... Я надеюсь, что всё будет по справедливости...

– Только так и никак по-другому, – важно сказал судья и добавил: – А теперь ты, Малахим, и ты, хозяин дома, садитесь друг против друга... Я буду задавать вам вопросы, визнавать: кому принадлежит этот ишак?

Первый вопрос судья задал Малахиму:

– Чем ты можешь доказать, что этот ишак принадлежит тебе?

Тогда Малахим встал и сказал:

– Уважаемый и справедливый судья и дорогой хлебопекарь... Прошу я вас разрешить мне запрячь этого ишака в арбу, и мы посмотрим: если он пожелает идти за мной, то он мой; если нет – то нет.

Пожал судья в недоумении плечами, посмотрел на хлебопекаря, не зная, что сказать, как поступить. А хлебопекарь, уверенный в том, что от такой сытной и уютной жизни скотина никуда не пойдёт, говорит:

– Ладно! Я согласен.

Зашёл Малахим в сарай, а там такая чистота и уют – лучше, чем в его сакле. А в корыте – отруби, тут же рядом, в другом корыте – вода.

– Ишак Малахима, – обращаясь к ишаку, говорит Малахим, – хватит, погостил, пора и меру знать. Хозяин за тобой пришёл... Пошли, дорогой!..

А ишак ни с места. Малахим пытается его во двор вывести, а он упирается ногами. Долго тянул его Малахим к выходу, наконец ишак, узнав своего хозяина, поддался и вышел во двор. Запряг его Малахим в арбу и попробовал со двора вывести. Но тут ишак так заупрямился, что Малахим и вправду не знал, что делать. Взял он тогда свой медный таз, налил в него незаметно от всех немного воды, приблизил этот таз к ишаку, влез в него и стал причитать, плакать:

– Ой!.. Ой!.. Мой кормилец, что я буду делать без тебя? Ведь ты нашу дружбу на отруби вора-хлебопекаря променял... Ой!.. Ой!.. Ведь ты знаешь, что кроме тебя у меня никого нет... Ведь ты знаешь, как я люблю тебя... А помнишь ты, как я тебя лечил и от смерти спас?..

Нужно сказать, что во двор к хлебопекарю пришёл мулла, а с ним ещё несколько мусульман. Пришёл и раввин, а с ним и седобородые евреи. Вскоре появился и священник, а с ним несколько старушек, повязанных платками. Здесь же был староста города, а с ним и несколько городских в форме. Пришли соседи Малахима, знакомые с базара, мальчики и девочки из соседних дворов набегали. Словом, целая толпа народу собралась. Смотрят они на всё происходящее здесь и толком понять не могут. А Малахиму того и надо.

– Ой! Ой!.. Мой кормилец, ишак Малахима, как ты сюда попал? Кто тебя украл у меня?.. Ты что, нашу дружбу на отруби хлебопекаря променял?! Ты помнишь, как я, любящий тебя хозяин, от смерти спас?.. – С этими словами Малахим вылез из таза и поднёс этот таз к морде ишака.

Наполненный водой таз сразу напомнил ишаку, как он, ишак, страшной болезнью заболел некогда и как излечился от слёз оплакивавшего его, ишака, Малахима.

– И-а-а!.. И-а-а! – закричал ишак.

– Вот! Вот!.. Вспомнил, дорогой!.. Пойдём домой!.. Будь умником! – слёзно стал упрашивать ишака Малахим.

И – о чудо! Ишак и вправду тронулся с места и направился к воротам. Обрадовался Малахим и хитро посмотрел на судью и на вора-хлебопекаря. Смотрит он и слышит, как судья говорит хлебопекарю:

– Ишак его!.. Ничего не поделаешь... Видишь, все собравшиеся знают, что ишак его... А тебя надо судить как вора... Я ничего не могу сделать... Из-за тебя и меня за взятку посадят.

Побледнел хлебопекарь и дрожащим голосом говорит судье:

– Придумай что-нибудь... Не доводи дело до суда...

Услышал Малахим этот разговор и, приблизившись, сказал судье на ухо:

– Дорогой судья, положи в торбу ишака то, что взял у хлебопекаря... Пусть о том, кто вы такие, мой ишак знает, а не эти люди.

Судья посмотрел на хлебопекаря – мол, как быть? – а тот кивнул головой в знак согласия. Положил судья незаметно ишаку в торбу мешочек с тысячью золотых монет, а вслух сказал:

– Ишак хотя, как и хозяин, дураком слывёт, а в правде – умён.

А Малахим, сев на свою арбу и погоняя ишака, ответил:

– Два дурака – умный выход нашли.

Собравшаяся толпа поняла, что к чему, и вскоре разошлась.

Говорят, что хлебопекарь, назло Малахиму, купил себе осла и продолжал своё дело. А в народе родилась поговорка: «Чужое возьмёшь – и своё потеряешь...»

Так случилось и с вором-хлебопекарем. Говорят, с тех пор он боялся показываться на глаза проучившему его Малахиму. А Малахим с тех пор стал ещё больше любить и лелеять своего ишака. А в народе ещё много рождалось о нём и его ишаке сказок-потешек.

издательский проект

ЗОЛОТОЙ СУНДУК

АМАЛДАНА КУКУЛЛУ

Издательский проект «Золотой сундук Амалдана Кукуллу» посвящен устному мифологическому творчеству горских евреев Кавказа, фольклор которых Амал Данилович Кукулиев собирал и бережно обрабатывал более сорока лет своей жизни. В архиве писателя сохранены легенды и сказания, пословицы и поговорки, песни и истории из жизни народа джугури, записанные им со слов аксакалов и легендарных овсунечи – хранителей великой мудрости.

Уже по выходу первой книги издательский проект был высоко оценен мировой культурной, научной и религиозной общественностью, получил широкую прессу и впервые в горско-еврейской истории был удостоен диплома «Лучшая книга» Ассоциации книгоиздателей России. Это не только высокая оценка профессиональной работы издательства «Амалданик», но и, в первую очередь, признание достоинства небольшого народа как элемента общемировой культуры.

Работа над наследием Амалдана Кукуллу ведется силами небольшого коллектива энтузиастов при спонсорской поддержке людей, считающих для себя исключительно важным делом сохранить культурное наследие народа и передать накопленную мудрость новым поколениям, рассеянным по всему земному шару.

В настоящее время в свет вышли три книги: «Сказания древнего народа», «Истории мудрого странника» и том, который Вы держите в руках, – «Легенды народного сказителя».

В дальнейших планах издательства выпуск отдельными изданиями пословиц и поговорок, поэтических сборников, трудов по философии и других жемчужин горско-еврейской литературы.

**По вопросам сотрудничества обращайтесь в издательство «Амалданик»
по телефону +7 (495) 506 4509.**

The publishing project «The Golden Chest of Amaldan Kukullu» is dedicated to the verbal mythology of the Caucasus Mountain Jews. Amal Danilovich Kukuliev was collecting and adapting Mountain Jews' folk stories for over forty years of his life. The writer's archive contains legends, fairy-tales, proverbs, sayings, songs and stories about Juguri people, which he wrote down from the words of the aksakal and the legendary Ovsunechis, the keepers of the great wisdom.

After the first book was published, the publishing project was highly recognized by the world cultural, scientific and religious establishments. The project received considerable press coverage, and for the first time in the Mountain Jews' history, the project was rewarded by the diploma «Best Book» of the Russian Book Publishing Association. It was not only a high recognition of the Amaldanik Publishing House professional work, but in the first place, a recognition of the this small nation's heritage as part of the world culture.

A small team of enthusiasts are working of on the Amaldan Kukullu's heritage, sponsored by the people who think it is exceptionally important for them to preserve the cultural heritage of the nation as well as to pass the wisdom to the new generations, which are scattered around the world.

At the time, three books has been published – «Stories of the Ancient People», «Stories of the Wise Pilgrim» and the book that you are holding in your hands – «The Legends of the Falk Storyteller».

The further plans of the publishing house includes publishing separately proverbs and sayings, poem, philosophical works and other jewels of the Mountain Jews' literature.

**For cooperation requests please contact Amaldanik Publishing House
Tel: +7 (495) 506 4509.**

Фольклор. Литературоведение

Амалдан Кукуллу

ЛЕГЕНДЫ НАРОДНОГО СКАЗИТЕЛЯ
Книга 3

Ответственный за выпуск Д.А. Кукулиев
Художник А.А. Сенин
Компьютерный набор И. Никулина
Компьютерная верстка В. Васильев
Корректор М. Крючкова

Сдано в набор 12.01.08. Подписано в печать 29.07.08.
Формат 70х100/16. Бумага мелованная. Гарнитура kofina.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 1000 экз.

Издательство «Амалданик». 117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б
Отдел распространения: 506-45-09

